

МИР ФАНТАСТИКИ 2010

ФАКТОР ГОРОДА

В этом сборнике нет неинтересных рассказов. Вот главный принцип, по которому собиралась книга. Составителям пришлось провести очень жесткий конкурс, в результате которого из почти тысячи присланных рассказов остались те, что Вы, Уважаемый Читатель, держите сейчас в руках.

Александр Мазин

- [Фактор города: Мир фантастики 2010](#)

- [К читателю](#)

- [Часть первая](#)

- [Евгений Гаркушев](#)
 - [Антон Тудаков](#)
 - [Ирина Комиссарова](#)
 - [Анна Гурова](#)
 - [Денис Чекалов](#)
 - [Елена Борисова](#)
 - [Александр Трубников](#)
 - [Евгения Привезенцева](#)

- [Часть вторая](#)

- [Павел Иевлев](#)
 - [Виталий Сертаков](#)
 - [Юлия Гавриленко](#)
 - [Наталья Егорова](#)
 - [Эльдар Сафин](#)
 - [Андрей Буторин](#)
 - [Майкл Гелприн](#)
 - [Валерия Малахова](#)
 - [Александр Прокопович](#)
 - [Денис Чекалов](#)

- [notes](#)

- [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
-

В этом сборнике нет великих брендов. И неинтересных рассказов тоже нет. Вот главный принцип, по которому собиралась эта книга.

Чтобы подготовить ее, составителям пришлось провести очень жесткий конкурс, в результате которого из почти тысячи присланных рассказов осталось то, что Вы, уважаемый читатель, сейчас держите в руках.

Первоначальная тематическая идея сборника называлась «Город будущего». Такая вот урбанистическая фантастика. Но когда мне показали пару «вкусных» рассказов, не укладывающихся в жесткую схему, я подумал: а почему бы и нет? В конце концов читателя интересует не столько тема «футурополиса», сколько собственно интересная фантастика. Так появилась вторая часть.

Состав участников сборника весьма разнообразен. В нем и маститые авторы десятка книг, и совершенно «зеленые» дебютанты. Также разнообразен и тематический состав: от жесткого боевика до трогательного романтического фэнтэзи. Есть очень смешные рассказы, есть мрачноватые, на грани триллера. Нет только скучных.

Словом, в этой книге действительно собран «мир фантастики-2009» – замечательная радуга современной живой фантастики.

Читайте и радуйтесь!

Александр Мазин

Часть первая
Город будущего

Евгений Гаркушев

Сладкий дым свободы

Тихий металлический скрежет заставил насторожиться. Кто-то скребся в дверь. Зачем, спрашивается, если есть домофон? Еще сонный, я опустил руку под кровать, нащупал револьвер, крутанул барабан. Вращается хорошо – с вечера смазан на совесть.

Открыв глаза, шлепнул ладонью по сенсору активации монитора. Картинка с камеры слежения порадовала: на мою дверь не крепили кумулятивную мину, на площадке не топтались незнакомые ребята. Напротив, перед дверью переминалась с ноги на ногу Анечка. Мини-юбка, короткая курточка, рыжие кудри, разрисованные глазки, пухлые, хотя и без капли силикона, губки. Металлические набойки новых кроссовок девушки скрежетали по бетонному полу. Этот звук меня и разбудил.

Активировав микрофон, я откашлялся и пробормотал:

– Рад видеть, милая. Что так рано?

Вышло хрипло, ну да ничего. Я ведь дома, самое страшное, что может случиться, – Анечка не узнает меня и сбежит. Но она девчонка смелая.

– Может,пустишь в квартиру?

– Еще бы.

Спустив ноги с кровати, я отключил сигнализацию. Потом дошлепал до двери и отодвинул два массивных запора.

Аня легко впорхнула в комнату, забросила автомат за спину и поцеловала меня – слишком нежно для простого приветствия. Впрочем, я тоже теряться не стал: обняв девушку одной рукой, другой прикрыл дверь и задвинул щеколду. Револьвер лязгнул о металл. Нехорошо. Половина девятого, многие спят.

– Соскучилась?

– Конечно.

– Пойдем? – Я кивнул в сторону спальни.

– Не сейчас.

– Значит, по делу?

– Ага.

По делу так по делу. Жаль, конечно. К делам можно было бы приступить и позже. Я прошел на кухню и включил чайник, достал из шкафа мешок сухарей.

– Кофе будешь?

– Конечно. Наливай.

Чайник щелкнул, отключившись. Высыпав в кружки коричневый порошок, который в супермаркетах выдавали за кофе, я добавил кипятка, начал мешать сразу двумя ложками. Запах кофе ощущался, но присутствовали в нем и какие-то посторонние нотки – то ли машинное масло, то ли пороховая гарь.

– Рассказывай.

– Есть заказ, – хитро улыбнулась Анечка.

– Тема?

– «Дон» выпускает автомобиль. Кабриолет.

– Чудесно. Рад за них. И что?

– Надо сделать ролик, который покажет, что кабриолет безопаснее, чем закрытый лимузин с тонированными стеклами. Он лучше, дешевле и надежнее.

Я даже не нашелся, что ответить на такое дикое заявление.

– Они знают тебя как хорошего специалиста, – невозмутимо продолжила Анечка. – Предлагают попробовать. Заказ срочный.

– Кхм... – Я отставил кружку с кофе в сторону. – Конечно, мы накреативили много всякого. Но это уж слишком. Велосипед лучше танка... Кабриолет лучше броневика...

– У меня есть мысли.

– Не сомневаюсь, дорогая.

– С ними согласны производители.

– Просто отлично. Излагай.

– Если поставить рядом с водительским креслом пулеметную турель, реакция стрелка будет значительно выше, чем в закрытом автомобиле. Обзор лучше. Угол обстрела больше.

– Если стрелка, водителя или пассажира не застрелят из снайперской винтовки с расстояния в километр.

– Кто застрахован от выстрела из винтовки?.. – надула губки Аня.

– Тот, кто ездит в танке, – ответил я рекламным лозунгом «Ягуара». – Впрочем, давай подумаем. Платят они хорошо?

– Новый кабриолет на двоих. Можно деньгами.

– Как романтично, – я усмехнулся. – Кабриолет, да еще и на двоих. Он ведь гораздо лучше броневика. Хотя мы – люди маленькие, в нас не будут стрелять во время каждой поездки по городу... Ладно, давай думать.

Компьютер включился, как только я сел за стол. Спам-фильтры работали неплохо, но с десятков нежелательных посланий в почту упали. Особенно возмутил меня призыв недобитых правозащитников или их молодых пособников: «Верните милицию в города». Ренегатская организация. Что вам еще вернуть? Бюрократию? Чиновников? Армию? Налоги? Всевозможные повинности? Всего пять лет мы живем свободно, и дорого заплатили за эту свободу. Верните нам государство... Нет, нет и еще раз нет! Только свобода, только анархия, только честный бизнес, порядочность и верность слову.

На сайте «Дона» картинка кабриолета уже висела. Цифры продаж – явно завышенные в рекламных целях – оптимизма не внушали.

– Нас не догонят, – пропел я, перебирая возможные концепции ролика. – Скорость выше, чем скорость пули... Глупость, конечно, но может сработать... Он быстрый, этот кабриолет?

– В пределах разумного.

– Экономичный?

– Естественно, он потребляет меньше топлива, чем броневик.

– Словом, они просто обрезали крышу старой модели «Дона». И хотят посадить рядом с водителем стрелка.

– Примерно так.

– А нам нужно это продать.

– Точно, – улыбнулась Анечка. – Ты наконец проснулся.

– Поехали на завод. Нужно увидеть новый автомобиль. Почувствовать его.

– Скутер внизу.

Я надел рубашку и брюки, и мы вышли во двор. По улице спешили дружелюбные прохожие. Бабуля, согнувшаяся едва ли не пополам под весом армейского гранатомета, хитро улыбалась своим мыслям и семенила, семенила куда-то. Не иначе, несла продавать не такой актуальный теперь агрегат. Ведь не для самообороны она его таскает? У этой бабки, скорее всего, финка в кармане – а гранатомет просто по наследству достался. Да и кто на нее, старую, станет нападать?

– В кабриолете удобно подвозить бабок с пушками, – на ходу предлагал я. – Бабки в

кабриолете – с горой. Лишь бы ветром не унесло...

– Отстой, – констатировала Аня. – Креатив ниже плинтуса.

– Да я и сам знаю. Но надо же с чего-то начинать?

– Гора бабок – это о деньгах? Неплохая картинка – сетка, а под ней радужные бумажки.

Полный кабриолет. «Мы экономим вам деньги».

– И рискуем вашей жизнью, – продолжил я. – Красивый кадр – пуля попадает в голову водителя, деньги окрашиваются кровью...

– Мы снимаем ролик для «Дона», а не для «Урала». Антирекламой займемся потом.

Скутер тихо затарахтел, мы покатались по улице. Вокруг было спокойно и благостно, и я засунул револьвер за ремень. Даже с такой красивой девчонкой на маломощном скутере сейчас можно почти ничего не опасаться. Дикарей перестреляли в первые два года. Сейчас остались адекватные люди.

Заброшенных домов все еще хватало, но люди постепенно возвращались в центр. Рыли колодцы на перекрестках, а кое-где и водопровод восстанавливали. Выше девятых этажей вода пока не доходила, ну так и внизу места хватает...

Навстречу нам на роликах катился белокурый паренек – лет двенадцати, без родителей и без оружия. И правда, чего ему бояться? Насолить кому-то он вряд ли успел. Подонок, который захочет обидеть малыша, найдется сейчас редко, да и оружие в этом случае не поможет – парень ведь все равно стреляет не так точно и быстро, как взрослый.

Благодушие редко бывает полезно. Я почти убедил себя в том, что мы стали жить без гнета и практически без опаски, – и не заметил, что в тупике за кондитерским магазином здоровенный бритый детина тащит в машину с тонированными стеклами девчонку лет десяти. Схватил за длинную темную косу и волочет...

– Подонок! – закричала Аня, резко разворачивая скутер. Я едва не свалился с сиденья. Еще миг – и девушка сорвала с плеча автомат, прицелилась в детину: – А ну, брось ее, а то пожалеешь!

– Да это сестра моя... Не слушается, – вякнул тот.

Заплаканная девчонка смотрела на нас умоляющими глазами.

– Спросите вот у нее, – продолжал гнуть свою линию негодяй.

Я вырвал из-за ремня револьвер, взял детину на прицел и коротко бросил Ане:

– Нож.

Подонок прикрывался девочкой, приставив к ее спине нож. Или даже пистолет. Хотя пистолет держат немного по-другому.

– Ты один? – крикнула Аня.

– С друзьями. Проваливайте отсюда, – ощерился детина.

Лучше бы он этого не говорил. Аня ударила из автомата по стеклам старенького «Шевроле». Три секунды – и мы убедились, что в машине никого нет. После первого же выстрела девушки я был вынужден нажать на спусковой крючок револьвера. Дрогнул у подонка рука – ранил бы ребенка.

Девчушка даже не кричала – отползла от убитого в сторону, привалилась к стене.

– Не бойся, мы тебе поможем. Отведем домой, – пообещала Аня.

– Я не пойду, – прошептала девочка. – Вдруг и вы такие же?

– Мы же на скутере, – улыбнулась Аня. – На скутере все видно. Правда?

– На скутере все видно, – улыбнулся я и пальнул в бензобак безнадежно испорченного Аниной стрельбой «Шевроле». Машина задымилась, а через минуту вспыхнула ярко и весело. Не забывая фиксировать пожар на репортерскую камеру в кепке, я ободряюще улыбался девочке. Аня гладила ее по волосам, успокаивала. Не только злые люди есть на свете.

Дым от сгоревшей машины поднимался к небу густым столбом. Он казался мне почти сладким – этот дым был как раз тем, что нам нужно! В сознании четко сложилась картинка нужного «Дону» ролика.

Леночку мы отвезли к родителям – она с трудом поместилась на скутер, но ведь на скутере и правда ехать совсем не страшно. А уже к вечеру я, используя так кстати подвернувшиеся кадры горящего «Шевроле» – впрочем, я преобразовал автомобиль в респектабельный «Бентли», – сделал прекрасный имиджевый ролик для кабриолета.

«Честным людям нечего скрывать. Порядочным людям не от кого прятаться. Вас достанут и в броневице – если ваша совесть запятнана. Выбор хорошего человека – кабриолет».

Впрочем, пулеметную турель я в ролик вставил. Добро должно быть с кулаками. И с деньгами. Потому что без денег и сейчас никуда. Женщины, даже такие замечательные, как Анечка, по-прежнему любят рестораны, а не быстрорастворимый кофе с запахом пороховой гари.

После того как ролик был размещен в Сети, продажи кабриолета возросли втрое. И мы с Аней получили свой автомобиль. Взяли натурой, а не деньгами. Не всё ведь ездить на скутере – с него очень неудобно стрелять. Трясет.

Антон Тудаков

Эра канатоходцев

Первыми в глаза любому прибывающему в Урук бросаются горгульи.

Чудовищные гранитные твари распростерли крылья над причальными воротами, а из-за того, что они находились под днищем города, казалось, что горгульи несут гладкую черную черепаху купола Урука на своих спинах. На самом деле, если приглядеться повнимательней, можно разглядеть тонкие нити, убегающие в небо от окраин. Именно они удерживают город над бесконечным океаном.

Чилдерман оперся на перила прогулочной палубы «Могола», рассматривая горгулий. Шквальный ветер, вырывающийся из-под города, нещадно трепал его широкополую шляпу и просторный плащ. Он с огромным удовольствием сдул бы в океан и покоящийся у ног Чилдермана саквояж, но тот оказался слишком тяжел для своего размера. Бесчисленное количество багажных наклеек на нем убедительно свидетельствовало, что саквояж и его хозяин регулярно пускались в путешествия между ковчегами.

Команда «Могола» по мере приближения к массивному диску Урука засуетилась, стравливая газ из баллонов воздушного корабля. Капитан, очевидно, просчитался с высотой и ветром, и теперь, вместо того чтобы аккуратно залететь под город, судно несло прямо в распахнутые пасти горгулий. Сбросить скорость не помогли ни завывающие в ужасе ходовые пропеллеры, ни исходящие ревущими белесыми гейзерами парореактивные тормоза.

К подобным проблемам Чилдерман относился философски. Хотя, откровенно говоря, он начинал сомневаться, что сделал правильный выбор, ступив два дня тому назад на палубу «Могола». С другой стороны, учитывая складывающуюся ситуацию, он не видел другого выхода, кроме как наблюдать за разрастающимся в размерах черным куполом Урука. Метаться по палубе и искать спасения на такой высоте казалось бессмысленным занятием.

Корабль тряхнуло, и Чилдерман вынужден был вцепиться в перила руками. Вентиляционные арки, тянущиеся по низу купола, и горгульи стремительно ушли вверх, а перед Чилдерманом открылось обросшее аэратами дно Урука. Капитан пошел на довольно отчаянный шаг, распоров несколько баллонов с газом. Если расчет окажется неверным, «Могол» просто размажет не об купол, а об водную гладь, под которой уже мелькали спины гигантских косаток. Проклятые твари за последние пару сотен лет исхитрились обзавестись телепатическими способностями, и паника на борту «Могола» звучала для них колокольчиком, сзывающим на ужин. Ходившие среди рыбаков байки о том, что попутно косатки научились подманывать с помощью телепатии дельфинов и китов и вот-вот доберутся до людских мозгов, при одном взгляде на кишевшую бурыми спинами воду начинали казаться подозрительно реальными. По крайней мере Чилдерман уже давно не видел ни одного дельфина.

На счастье немногочисленных пассажиров, корабль прекратил падение на довольно приличной высоте. Ни о каких причальных воротах больше не могло быть и речи, и капитан повел судно к аварийному крану. Пассажиры в это время могли полюбоваться внеплановыми видами болтающихся на ржавых цепях термальных электростанций, добывавших электричество для города из разницы температур водных слоев. Некоторые накопители, мимо которых проходил «Могол», оказались подняты и распространяли сногшибательную сероводородную вонь. Вокруг них, верткие, как коралловые рыбешки, крутились чистильщики на канатах. Ловко орудуя огромными мачете и скребками, они сдирали с подводных частей станций наросты водоросли.

Кусок неба, видневшийся из-под дна Урука, прямо по курсу расчертили гроздь канатов с

крюками, сброшенные аварийной командой. Двигатели «Могола» несколько раз взрыкнули, судно развернулось боком, и крюки застучали по палубе. В погоню за ними бросилась вся свободная от вахты команда.

Чилдерман проверил, не улетел ли во время встряски саквояж, поднял его и направился на нижнюю палубу. На этот раз судьба оказалась к нему благосклонна.

Матросы похватали канаты и принялись крепить их на вбитые в палубу кольца. Через несколько минут корабль оказался опутан ими как паутиной. Взревели моторы крана, и «Могол», поскрипывая корпусом, пополз вверх, в распахнутый люк.

Чилдерман пристроился около трапа, пока еще поднятого на борт.

– Сэр, вам нельзя покидать пассажирские палубы до того, как мы пришвартуемся, – пробежавший мимо молодой матрос попытался было сдвинуть его с места. Попытка оказалась неудачной. Чилдерман, не говоря ни слова, отодвинул парня в сторонку. Налетевший порыв ветра снова взметнул полы незастегнутого плаща, и мальчишка узрел две подмышечные кобуры, из которых торчали длинные серебряные стволы. Верный признак того, что такого пассажира не стоит лишний раз нервировать. Учтя это, матрос благоразумно удалился по своим делам. В конце концов, у болтающегося по земле с двумя допотопными револьверами за пазухой психа может оказаться и еще что-нибудь такое, знакомства с чем лучше избегать.

«Могол» вздрогнул последний раз, поднимаясь мимо аварийных лебедок, и застыл в доке.

Добро пожаловать в Урук, третий по величине город-ковчег Индики.

Внизу, черный в тени города, Мировой океан продолжал нести свои бесконечные волны дальше. Планету давно стоило бы переименовать в Океан, на крайний случай в Потоп, но большинство людей по старой привычке продолжали называть ее Земля.

Через украшенную ажурной решеткой арку вентиляции под купол влажный морской воздух, казалось, затекал как вода. Вместе с ним до Чилдермана доплывал гомон спустившейся с лиан стаи бонобо. Обезьяны облюбовали массивный череп горгульи для своих разборок. Как оказалось, твари раздражали не только его – несколько минут спустя из ремонтного люка показалась голова. Разразившись бранью, она скрылась внизу, после чего бонобо, отчаянно вереща, бросились врассыпную, – рабочие пропустили по наброшенной на череп горгульи сетке ток.

Чилдерман расположился на одной из тысяч скамеек, установленных среди зелени парка, тянувшегося по окружности купола Урука. Устроенный террасами, сверху он был заполнен декоративными кустарниками, производящими на свету повышенное количество кислорода, нижние же уровни отдали на откуп агрокультиваторам. По колено в соленой морской воде, они бродили между посадками модифицированного риса и сои, вручную собирая вредителей. Зерновые культуры никогда не входили в повседневный рацион рядовых жителей ковчегов, зато пользовались большим спросом у тех, кто страдал излишком денег.

Мимо Чилдермана прошествовала строгого вида дамочка, за которой семенил выводок молодых леди из числа дочерей тех самых потребителей зерновых культур. За девушками, в свою очередь, отчаянно сучая, тащилось с полдюжину телохранителей. Дама активно жестикулировала сухонькими ручонками, тыкая пальцами-тростинками то в свисающие с ребер жесткости купола лианы, то в бескрайнюю гладь океана.

Прислушавшись, Чилдерман понял, что юным леди объясняют историю возникновения нового мира. Судя по выражению лиц слушательниц, это не доставляло им особенного удовольствия. Да и что могло быть приятного в признании того факта, что человечество деградировало?

Говорят, при библейском потопе разверзлись хляби небесные. Неприятно, но хотя бы

понятно, что наступает конец старого мира. Повторный потоп выглядел совсем иначе. Слишком быстро тающие ледники и поднявшийся уровень океана никак не сказались на количестве осадков. Зато суша полностью исчезла меньше чем за сотню лет. Человек, уверенно пристроившийся на троне царя природы, вдруг обнаружил, что сам трон наполовину ушел под воду. Вот так ни фига себе, сказал он, а процесс-то, оказывается, необратим.

В общем, кто мог, засобирался вон с этой планеты.

А вот следующая часть повествования оказалась сильно подрихтована рассказчицей, дабы не смущать нежное сознание воспитанниц. Последние пару десятков лет на людей, называвших вещи своими именами, смотрели довольно криво.

В оригинале, насколько помнил Чилдерман, места на разбегающихся с Земли кораблях всем не хватило. Оставшиеся доживали свой век в удивительном и странном мире. Человеческая наука напряглась из последних сил и выпустила в нарождающийся мировой океан сотни видов водорослей, производящих атмосферные газы, дающих дешевые органические материалы для будущей кустарной промышленности, метановое топливо и пищу. Воздушное пространство она заселила их братьями-аэратами.

По прогнозам, первые несколько сот лет мировой океан должен был вести себя весьма беспокойно. Так что оставшимся на Земле пришлось отказаться от идеи настроить себе плавучих ковчегов и повторить судьбу Ноя. Впрочем, решение все же нашлось благодаря ранее разработанной технологии орбитальных лифтов.

Последние корабли космического флота притащили к Земле пару сотен самых крупных булыжников из пояса астероидов и разместили их на геостационарных орбитах. Затем астероиды закрепили п-полимерными тросами, поднявшими над остатками суши приспособленные к условиям нового мира города. Для защиты от периодических припадков погоды на них установили атмосферные щиты. Разве, будь у Ноя такая возможность, он не согласился бы, чтобы его ковчег висел в сотне метров над водой?

Благоразумно сгладив вопрос о брошенной на затопленной Земле части человечества, дама потянула выводок дальше.

Еще сотня лет, прикинул Чилдерман, и такая же, как она, будет рассказывать о том, что мир изначально наполняла вода, а ковчег подвесил не иначе как сам Господь Бог, завязав тросы бантиком через дырки в небесном куполе.

Он встал, чтобы размять затекшие ноги, и посмотрел на часы. Наниматель безбожно опаздывал. Однако прогулка по Уруку дала Чилдерману ценную информацию для размышления. Судьба города действительно висела на волоске.

– Теперь вы понимаете ситуацию?

Скрывающиеся в полутьме львиные статуи следили поблескивающими изумрудными глазами за мечущимся взад-вперед Ульрихом Кромверком, энмэром Урука. Кабинет энмэра, просторное помещение с колоннами, из-за слишком маленьких окон и захламленности антиквариатом казался скорее складом контрабандистов, чем прибежищем высшей власти ковчега.

– У меня нет ни малейшего желания привлекать к Уруку внимание Ноблерата и Корпуса шеду. Надеюсь, вам не нужно объяснять, что будет, если в город придут шеду? Энлиль заведи этого Рутенберга... Надо было придушить его, пока он не влез в совет!

Собеседник Кромверка, скрывающийся между полос тусклого света, льющегося из узких стрельчатых окон, промолчал.

– Проклятие... – продолжал метаться между колонн кабинета Кромверк. – Теперь эта сволочь переманила к себе половину городского совета и вот-вот открыто схватится со мной за

власть.

Кромверк на мгновение остановился, и в его глазах блеснула ярость. Он лихорадочно расстегнул верхние пуговицы, обнажив в складках блестящего морского шелка бронзовую кожу, покрытую тонкими лиловыми линиями татуировок. Когда-то Кромверк бороздил воздушный океан на вольных судах и, как и большинство невежественных матросов, приписывал чернильным узорам волшебную силу. Теперь, будучи энмэром Урука, одного из самых больших городов-ковчегов Индики, он прекрасно знал, что в мире ковчегов нет никакой магии, но существует самая серьезная движущая сила – баланс.

И он, бывает, больно ударяет по тем, кто пытается нарушить его законы. Как существование постпотопной Земли зависело от искусственно созданной биосферы, так и жизнь городов-ковчегов зависела от царящего в них равновесия. Городам крайне вредили любые потрясения, в том числе борьба за власть. Борьба за власть, как известно, слишком часто приводит к волнениям масс. А многотысячетонный город, подвешенный в сотне метров над мировым океаном, не тот объект, который легко может пережить последствия массовых возмущений – разрушения, взрывы и погромы. Постпотопные правительства Земли, они же ее главные полицейские, к революциям, путчам и прочим вредным для стабильности ковчегов явлениям относились крайне негативно. И с любыми предпосылками к оным боролись радикальными средствами.

– Вы понимаете, к чему меня пытается подвести Рутенберг?

Молчаливый собеседник Кромверка кивнул. Баланс – основа сохранения жизни на нынешней Земле. Общество не должно выходить за определенные рамки. А там, где оно выходит, появляются сыны Мардука.

– Рутенберг подогревает население, он знает, чего я боюсь. Эта сволочь надеется раздуть в городе пожар, на тушение которого придут шеду. Мне уже приходится принимать непопулярные контрмеры! А сам он в это время постарается отсидеться в тишине...

Визит шеду не обрадует ни одного энмэра ковчега. Хотя расчет Рутенберга сложно было назвать идеальным. Корпус шеду не станет выяснять, кто здесь прав, и разберется с той из двух сторон, что попадет под руку. Логика Ноблерата не страдала излишней извилистостью. Не можете договориться между собой? Застрелитесь. Или возлюбленные сыны Мардука прилетят и перестреляют всех сами.

Пятьдесят процентов за то, что пострадавшей стороной окажутся Рутенберг сотоварищи. Но оставшиеся пятьдесят процентов приходились на Кромверка, и энмэра подобный расклад не устраивал.

Прежде чем встретиться с Кромверком, Чилдерман обошел почти все портовые кабаки, в которых собиралась городская чернь. Они кипели, как креветочный суп в котлах уличных торговцев. Обсуждались непомерные налоги, низкие квоты на вылов рыбы и продажность чиновников. Чилдерман за последний год побывал во многих городах Индики и точно мог утверждать, что большинство муссируемых слухов – ложь. В заведениях рангом повыше к налогам и квотам добавлялись таможенные сборы и городские монополисты, задирающие цены. По странному стечению обстоятельств, все они входили в число членов совета Урука. Вычислить работу штрейкбрехеров было несложно, но становилось совершенно очевидно, что подобного развития ситуации нынешний энмэр не предвидел.

Между тем, если реакция зажиточных горожан на мнимые грехи Кромверка носила достаточно спокойный характер, то рыбаков, рабочих, агрокультураторов и прочих уже подготовили к взрыву. Чтобы выплеснуть нетрезвую толпу на улицы, оставалось только дать сигнал. Тогда ее можно будет усмирить только силой. И как только Кромверк выдвинет ей навстречу полицию, подогретая провокаторами толпа рванет. После этого энмэру останется

только повеситься на шелковом шнурке. Если у Рутенберга хватит ума все это время прятаться за кулисами, то он загонит Кромверка в патовое положение. Беспорядки в городе начнутся, неважно – попытается тот усмирить толпу или без этого. В таком случае Рутенберга должно было заботить только одно – чтобы Ноблерат не выяснил, куда тянутся ниточки, за которые дергают недовольных.

В городе может существовать только одна власть, и меняться она должна без потрясений. Если Рутенберг выставит Кромверка крайним, эта власть, благословением Ноблерата, упадет к нему в руки сама. Но в сложившейся ситуации Чилдерману больше всего не нравилось вот что – никаких гарантий, что бунт не приобретет неуправляемый характер, не было.

– Рутенберг не дурак, – заявил Кромверк, останавливаясь, чтобы сделать глоток вина. – Эта сволочь копает глубже. Я знаю, что он переманил на свою сторону часть городского совета. Он использует их деньги и влияние, ведь в одиночку он не сможет скинуть меня...

Влиятельные люди, очень влиятельные люди и богатые и очень влиятельные люди – так примерно можно было охарактеризовать членов совета. Пятнадцать министров ковчега, с мнением которых Кромверк вынужден считаться. Плюс Рутенберг – человек, которого Кромверк проглядел как угрозу, когда тот начал подниматься во власть. Каждого члена совета на согласование Ноблерату выдвигал город, а затем они сами выбирали и согласовывали с Ноблератом энмэра. И последние двадцать лет энмэр Урука не менялся.

– Как я понимаю, вы знаете, кто эти люди?

Из темноты выступило бледное лицо Чилдермана.

– О да, – лицо Кромверка осветила улыбка. – У вас будет список.

Рождение ребенка вне пределов квоты, отведенной Ноблератом Индики, считается преступлением. Каждый неучтенный фактор нарушает баланс города. Вообще-то изначально предполагалось, что ковчеги, как только мировой океан перебесится, будут спущены с небес на воду. Вот только бушевал он гораздо дольше, чем предсказывали расчеты, и к тому моменту, когда океан успокоился, знания, как вернуть ковчег на воду, сгинули. Конечно, город мог просто на нее упасть, но на Земле известны только два таких случая. Теперь обломки обоих городов обрастали кораллами на дне мирового океана. Ковчеги, хоть и казались чудом древней науки, давно уже классифицируемой как магия, не были приспособлены к такому типу спуска.

Поэтому баланс биомассы должен соблюдаться. Но только в области ее прибавления. Сидя на крытой красной черепицей крыше дома, Чилдерман собирался уменьшить вес Урука на двадцать один грамм. Все остальное, когда душа покинет тело, пойдет на удобрения для городских садов, исправно улучшавших воздух под куполом. Роскошь иметь кладбище и игнорировать бесплатный источник перегноя не мог себе позволить ни один город.

Рупрехт Ландэм, первый человек из списка подозреваемых Кромверка, владел судоходной компанией, правда другой, не той, которой принадлежал «Могол». Иначе работа могла бы показаться Чилдерману несколько более приятной.

– Послушайте, Кромверк, – сказал он в кабинете энмэра, прочитав список, – а разве не проще прихлопнуть самого Рутенберга, а не тратить время на его приспешников?

Кромверк опустил в кресло у окна и вновь приложился к вину.

– Вы не поверите, но я не знаю, где он находится. Он игнорирует заседания совета уже месяц. К тому же смерть только одного Рутенберга ничего не решит. Его прихлебатели просто найдут себе другого лидера. К сожалению, мне придется избавиться от них всех. Иначе в один прекрасный день они опять попытаются свернуть мне шею.

Кромверк на мгновение задумался и добавил:

– К тому же я всего лишь энмэр, а не гегемон Индики, чтобы позволить себе открыто

убирать членов совета, назначенных Ноблератом. Как вы понимаете, – Кромверк ухмыльнулся, – по факту их гибели будет проведено тщательное расследование.

Чилдерман соскочил с крыши на балкон старинного здания, выстроенного из настоящего камня еще до того, как Урук поднялся воздух. Проектировщики довольно четко разделили город для его будущих обитателей на каменный центр в духе причудливой и изысканной готики и расходящиеся от него кругами зоны, ныне застроенные жилблоками из прессованных водорослей.

Ландэм оказался или слишком беспечен или не подозревал о намерениях энмэра – дверь на балконе не запиралась.

Чилдерман посмотрел вниз. У входа в резиденцию перед коваными решетчатыми воротами топтались два здоровых лба в форме моряков с ружьями наперевес. Отвратительно организованная охрана.

В призрачном свете луны, пробивающемся через увитый лианами купол, комната, куда попал Чилдерман с балкона, выглядела выплывшей из глубин допотопного периода. Драпированные обои были украшены картинами Премацци и Шторка, вдоль стен расставлена деревянная мебель, но самое главное – посреди комнаты бил фонтан. Чилдерман зачерпнул ладонью воду, оказавшуюся пресной. Как он успел заметить, даже Кромверк не позволял себе подобных излишеств.

Беглый осмотр коридора убедил Чилдермана, что внутри дома охрана отсутствует. Оставалось лишь вычислить, в какой из десятка комнат спит Ландэм. Чилдерман убрал револьвер в кобуру и вытащил металлический стилет. Стоил он дорого, но с работой справлялся гораздо лучше хрупких костяных ножей. При удачном стечении обстоятельств хозяин дома попростуется с жизнью очень тихо.

Ландэма он обнаружил в четвертой по счету комнате. Владелец крупнейшей судоходной компании Урука почивал на массивной кровати с балдахином, в обнимку с двумя юными куртизанками, едва ли распрощавшимися с девственностью до встречи с ним. Громовой храп Ландэма, похоже, упорно мешал соплячкам спокойно спать, так что одна из них отчаянно вертелась, то накрываясь подушкой, то толкая в бок толстяка. Того это мало беспокоило – в комнате витал стойкий запах вина из морского винограда.

Чилдерман аккуратно прикрыл за собой дверь и подошел к кровати. Ландэм разметался по ней, обнажив рыхлую бледную грудь. Оставалось надеяться, что стилет сможет проткнуть такую грудку жира до самого сердца.

Спящий оглушительно всхрапнул, и девчонка снова толкнула его. Должно быть, довольно чувствительно, потому что Ландэм заворчал и попытался разлепить глаза. Чилдерману не оставалось ничего, кроме как резко зажать рот жертвы рукой и всадить стилет под ребро. Ландэм дернулся, глаза его выкатились из орбит, но сталь, добытая из солей железа антарктических вод, сделала свое дело. Тело Ландэма обмякло, и в комнате воцарилась тишина. Толкавшая его девчонка удовлетворенно пробормотала что-то во сне и, повернувшись на другой бок, спокойно засопела.

Вряд ли ее пробуждение окажется приятным.

Чилдерман убедился, что в коридоре все еще пусто, и покинул затихшую спальню.

Городской совет Урука только что уменьшился на одного члена. Исключая Кромверка и Рутенберга, их осталось четырнадцать.

– Какое счастье, что в наше время не существует свободной прессы, – Кромверк выглядел подавленным. – Иначе город бы уже трясло.

– Вы еще помните, что это такое? – Чилдерман, похоже, удивился.

– Я досконально изучил архивы Урука, – пожал плечами Кромверк. – Там содержится масса интересных вещей. Но главное – начинаешь понимать, насколько ковчег зависит от стабильного функционирования систем, построенных нашими предками. Если завтра на Уруке откажут атмосферные щиты, первый же шторм отправит нас на дно океана...

– Вы можете обратиться на Ницир. Орден инженеров вышлет вам бригаду мастер-техников для наладки.

– Почему бы им не сделать так, чтобы они постоянно находились в Уруке? Вдруг они не успеют сюда добраться?

– Свой мастер-техник увеличит самостоятельность города и дестабилизирует устоявшуюся политическую систему. Разве это не очевидно?

Кромверк вздохнул.

– Ладно, речь не об этом. Похоже, я оказался не единственным умником в Уруке. Рутенберг убрал одного из членов совета. Слава Утнапишти, некому распустить слухи об этом.

– Надо думать того, кого вы считали принадлежащим к вашему лагерю?

– Это очевидно. Сукин сын, надо отдать ему должное, мыслит так же, как и я. Вы понимаете, что это значит? Если я останусь без поддержки...

– У вас мало времени, – лицо Чилдермана ничего не отражало. – На ближайшем заседании порекомендуйте членам совета с большим вниманием отнестись к своей охране. У Ландэма и Керстхоффа она была ни к черту. Их спокойно могли прибить даже вы сами, не обращаясь для этого ко мне.

– Разве это не создаст вам проблем?

– Вряд ли. Мои услуги стоят слишком дорого, чтобы ваши провинциальные шуты могли мне что-то противопоставить.

При этих словах Кромверк почувствовал себя неуютно. Хотя в чем-то он успел опередить Рутенберга, пусть это и стоило ему очень больших денег.

Элайджа Страйкер внял высказанному на совете предупреждению. Как и предполагал Чилдерман, это не особенно усложнило его задачу, но заставило отказаться от ее исполнения в жилой части города. Кроме того, при неудачном раскладе, ему предстояло избавить Урук от двух охранников Страйкера, полагавших, что они хорошо умеют обращаться с арбалетами. По возможности Чилдерман старался обойтись без лишних трупов, ведь Кромверк платил ему только за убийства ближайших соратников Рутенберга.

Чилдерман выследил Страйкера на придонном уровне города, занятом транспортными и рыболовными компаниями. Почему-то тот питал святую уверенность, что придонье – территория, на которой безраздельно властвуют только портовики. Поэтому, спускаясь туда, Страйкер расслаблялся и позволял себе заниматься делами без сопровождения двух шкафообразных молодчиков, с трудом способных связать два слова вслух, но обладавших отменными рефлексам.

По задумке строителей ковчега, придонный уровень не предназначался ни для чего, кроме размещения опорных конструкций города. Но с течением времени потребность в рабочих площадях росла, и его захватили воздухолетчики и рыболовы. Развесив под потолком гирлянды чадящих газовых ламп, они осветили нутро Урука и перекроили его под свои нужды. Сейчас между титановых опор пятидесятиметровой высоты парили десятки пришвартованных грузовых судов. Некоторые из них стояли на разгрузке, и цепочки носильщиков тащили по паутине веревочных мостов крепко связанные тюки. Разделенные сетками из канатов, придонье делили между собой и самые большие корабли ковчегов – носители, брюхо которых набивали как икра десятки рыболовных суденышек. Носители выходили в океан и выпускали парусные лодки на

охоту за основной пищей ковчегов – рыбой и съедобными водорослями.

В придонье стоял несмолкаемый шум, в который вплелись тысячи человеческих голосов, скрип портовых механизмов, грохот киянок ремонтников и сотни других звуков. И всюду, всюду царила густая, тяжелая вонь тухлой рыбы и гниющих водорослей.

Чилдерман, в отличие от постоянных обитателей придонья не привыкший к местным ароматам, вынужден был натянуть на нижнюю часть лица шарф, ткань хоть немного смягчала запах.

Планировка придонья и снующие туда-сюда воздушные корабли не позволяли возводить здесь дома, так что даже конторы важных шишек вроде Страйкера представляли собой просто огороженные картонными стенами участки, внутри которых стояло немного мебели. С нескольких сторон их подпирали штабеля ящиков с сушеной рыбой. На одном из них устроился Чилдерман. Он ждал, пока Страйкер вдоволь наговорится со своими управляющими.

– Мы ничего не можем поделать, – пожаловался сидящий ближе всех к Страйкеру тип. – В последние годы улов падает.

– Ну и какого черта? Может быть, мне просто уволить всех и набрать новые рыболовные команды?

– Вряд ли это поможет, – собеседник Страйкера покачал головой. – Люди вкалывают как проклятые, ничуть не хуже, чем раньше. Просто, похоже, древние установки биосферы оказались ошибочными.

– Очень интересно. И в чем это выражается?

– Зелёных водорослей стало слишком много. Планктон перестал справляться с их излишками, и во многих местах они создали пленку, которая полностью поглощает солнечный свет. Кое-где уже кроме как под парусом ходить невозможно, винты застревают в водорослях. Рыба, жившая в верхних слоях, либо погибает, либо уходит в другие места...

– Можно попробовать расчищать участки и разводить там рыбу самим, как пищевую спиролину? – подал голос еще один из управляющих.

– А чем ты будешь дышать после этого? – вопрос прозвучал на несколько голосов.

– Но если водорослей слишком много... – попытался оправдаться тот.

– Тебе-то откуда знать? Количество водорослей рассчитали тысячу лет назад, когда у нас еще были компьютеры. Может быть, у тебя дома тоже завалялась счетная машина?

Среди управляющих прокатилась волна смеха.

– Все, поржали и хватит, – Страйкер встал из-за стола. – Идите работайте.

После ухода подчиненных Страйкер застыл около стола, задумавшись о чем-то своем.

Чилдерман беззвучно прыгнул на пол у него за спиной и достал стилет.

– Стой, ты кто такой?

А он, похоже, недооценил охранников Страйкера. Или им просто повезло. Зато его полоса везения, похоже, закончилась, и обойтись без шума не получится – оба охранника вошли в кабинет в самый неподходящий момент.

– Поднимай руки и без фокусов.

Охранник обошел Чилдермана, держась на расстоянии, и несколько секунд спустя тот почувствовал, что ему в спину направлен арбалет.

Страйкер развернулся. На его лице отпечатался ужас от осознания происходящего. Он попятился и завизжал:

– Убейте его, это шестерка Кромверка!!!

Но еще раньше, чем тетива арбалета сказала «вжик» и вытолкнула болт, Чилдерман опрокинулся на спину, выхватывая револьверы. Ему было откровенно все равно, из какой позиции стрелять, хоть вверх ногами. Обоим арбалетчикам Страйкера хватило по одной пуле,

чтобы распластаться на нестерпимо воняющих рыбой досках из прессованных ламинарий.

Страйкер зашелся бабьим визгом и бросился в дверь. За стенами конторы он рванул в лабиринт ящиков. Выругавшись, Чилдерман вскочил на ноги и припустился за ним.

Ящички занимали почти все свободное от кораблей пространство. Искать в этом лабиринте Страйкера наугад было бессмысленно. Чилдерман разбежался и взлетел на ближайшую пирамиду ящиков. Сверху часть придонья, принадлежавшая Страйкеру, просматривалась как на ладони.

За одним из поворотов мелькнула дорогая лиловая куртка.

Рабочим, сбежавшимся на крики, показалось, что под потолком пронеслась тень, вроде легендарной летучей косатки. Вслед за этим раздался грохот выстрелов.

Тело Страйкера с пулями в черепе и сердце нашли несколько минут спустя.

Счет стал пять – три в пользу Кромверка.

– Чёрт возьми, Чилдерман, кажется, процесс начал выходить из-под контроля!

Кромверк снова не мог усидеть на месте. Он метался по кабинету, едва не сшибая многочисленные антикварные безделушки допотопной эпохи, любовно собранные за годы энмэрства.

– А чего вы ожидали? – Чилдерман любовался игрой света на лезвии стилета в запыленных лучах солнца. – Пусть это скрытая, но война. К тому же я не вижу причин для паники. Кортасар, если я не ошибаюсь, не был вашим сторонником. У вас появилась возможность не платить мне за него.

Густаво Кортасара нашли сегодня утром во дворе настигованного арбалетными болтами, как морской еж – иглами. Исполнитель оказался настолько нерасторопен, что переломал ноги, спускаясь с крыши дома жертвы, и через полчаса после убийства его нашли скулящим и извивающимся как червяк. Введенная семейным дознавателем в вены пара капель раствора яда морской змеи развязала горе-убийце язык практически мгновенно. Змеиный яд, даже в слабой концентрации, жег тело изнутри нестерпимым огнем, и продолжаться это могло часами. Убийца Кортасара, как и любой обитатель ковчега, знал это с детства. Так что в обмен на быструю смерть от удавки он рассказал все. Назвал и имя заказчика – Николаса Ковальски.

– Меня не волнует эта паскуда Кортасар! – взорвался Кромверк. – Но его друзья в совете наверняка потребуют осуждения Ковальски. Если бы эту работу выполнили вы, я не лишился бы своего человека! Ковальски владеет половиной производства газовой ткани на Уруке, и для меня его поддержка в совете никогда не была лишней!

– А разве Кортасар занимался не тем же самым?

– Вот то-то и оно, – Кромверк устало вздохнул. – Ковальски решил обтяпать под шумок свои дела и устранить конкурента. Проклятый идиот, он даже не знает подоплеку событий!

– Вы перехитрили сами себя, Кромверк. – Чилдерман убрал стилет. – Надо было поставить своих сторонников в известность о ваших планах. Или вы им недостаточно доверяете?

– Да.

– Ну, тогда у вас проблема: как спасти Ковальски, не привлекая внимания Ноблерата. У вас есть варианты?

Кромверк посмотрел на Чилдермана мутным взглядом.

– Издеваетесь? О происходящем в городе вот-вот станет известно на Ницире. Я прикладываю все усилия, чтобы не допустить этого, а вы предлагаете мне дать Рутенбергу возможность разобраться со мной одним махом?

– И что вы собираетесь делать?

– Казню Ковальски по законам Индики.

Ковальски не дожид до суда. Его кортеж расстреляли прямо на улице.

К этому времени все оставшиеся в живых члены совета сообразили, куда дует ветер, и забились по углам. Единственным, кто попытался бежать из Урука, оказался банкир Грэм Триз, решивший, что верность энмэру не стоит собственной жизни. Но его воздушный корабль, едва покинув причальные ворота, превратился в огненный шар. Пылающие обломки рухнули в океан, распространяя вокруг себя удушливый запах селитры.

Чудом выжил матрос, в момент взрыва ковырявшийся в носовых снастях корабля. Взрывная волна вышвырнула его в воду. Бедняга отделался обгоревшей шевелюрой и парой сломанных ребер, но совсем повредился рассудком. На допросах у дознавателей Кромверка он нес только какую-то несусветную чушь об огромной черной птице, взмывшей с борта корабля за несколько мгновений до взрыва.

Пару дней спустя еще два члена совета, Луис Эпплтон и Грег Эфрикян, не разминутись на узкой улочке Урука. В перестрелке погиб Эфрикян, примкнувший к Кромверку. Но и Эпплтон дожид только до следующий ночи, после чего Чилдерман пристрелил его в портовом борделе.

К вящему ужасу Кромверка, через неделю после прибытия Чилдермана в город не осталось ни одного живого члена совета, кроме него самого и Рутенберга.

Практически лишенный верховной власти, город притих, больше не помышляя ни о каких волнениях.

Двери распахнулись, впуская Чилдермана с саквояжем в руках.

– Вы куда-то собрались?

Кромверк подрагивающей рукой налил себе вина, расплескав содержимое бутылки по столу. Его уже мутило, причем не столько от выпитого, сколько от событий последних дней. Нанимая Чилдермана, он был уверен, что обтяпает все по-тихому, но Рутенберг оказался слишком ушлым типом. Если отбросить жертв хаотических разборок членов совета между собой, четверо сторонников Кромверка оказались на фабрике удобрений благодаря нанятым Рутенбергом убийцам. Которые, следовало признать, орудовали не хуже Чилдермана.

И следы такой резни будет сложно скрыть от инспекции Ноблерата. К тому же мерзавец Рутенберг так и не объявился.

Чилдерман подошел к Кромверку и отодвинул от него бутылку.

– Сегодня я покидаю вас.

– Уже? – Кромверк с трудом поднял на него взгляд.

– Моя работа практически выполнена.

– Валите на все четыре стороны, все равно мне конец.

Чилдерман усмехнулся.

– Прекратите истерировать, Кромверк, и оцените ситуацию спокойно. В городе остались только две реальные силы – вы и Рутенберг. Как только останется кто-то один, Ноблерату и шеду будет абсолютно все равно, каким образом это достигнуто. Ноблерат назначит новый совет, но пройдут годы, прежде чем эти люди наберут достаточный вес, чтобы противопоставить себя вам.

Чилдерман уселся в кресло напротив Кромверка и опустил саквояж на пол.

– К тому же я выследил Рутенберга.

Кромверк подался вперед.

– Вы убили его?

– Нет.

Чилдерман опустил руку в раскрытый саквояж.

– Дальше эту проблему вы будете решать между собой.

Укола иглы, выброшенной появившимся из саквояжа пневматическим инъектором, Кромверк даже не успел почувствовать. Судорожно вздохнув, он повалился на густой ворс ковра.

Восходящее солнце залило рыжим золотом купол Урука. Лениво поднимаясь над бесконечной гладью океана, оно осветило три крошечные фигурки на его плоской вершине.

Здесь, на огороженной площадке, почти в трех сотнях метров над уровнем океана, безраздельно властвовал пронизывающий утренний ветер. Он свистел в натянутых струнах сеточного ограждения, звенел натянутыми тросами, удерживающими метеорологические приборы, и азартно крутил чашки анемометров. Люди не поднимались сюда несколько десятков лет, и в городе почти никто не помнил дороги, ведущей на крышу мира.

Одна из фигур, завернутая в черный плащ, наклонилась над двумя другими, распластавшимися на ледяном металле обзорной площадки. В ее руке что-то блеснуло, и лежащие заворочались, издавая негромкие стоны.

– Что вы вытворяете, Чилдерман?! – первым пришел в себя Кромверк. – Вы спятили?

– У меня тот же вопрос, сволочь, – Рутенберг поднялся на колени, держась за голову. – Ты, кажется, слишком долго испытывал мое терпение за мои же деньги.

Рутенберг и Кромверк уставились друг на друга. В голове каждого из них вспышкой промелькнуло озарение.

– Ты кто такой, мать твою? – Кромверк, опираясь на вибрирующую сетку, заставил себя подняться.

Лицо Чилдермана скрывали огромные круглые летные окуляры, кожаные ленты от которых обхватывали голову. Рот и нос закрывала маска для работ на больших высотах. Но Кромверк готов был поклясться, что под маской Чилдерман улыбался.

– На вашем месте я бы задался другим вопросом, – Чилдерман показал рукой на север.

Сфокусировав взгляд в указанном Чилдерманом направлении, Кромверк обнаружил строй воздушных кораблей, приближающихся к Уруку.

– Это, господа, флот Корпуса шеду, визита которого вы, Кромверк, так боялись. Впрочем, ваши опасения напрасны – сыны Мардука лишь констатируют факт утверждения власти в Уруке в лице того из вас, кто встретит их у причальных ворот. Путь к ним лежит через этот люк, – он постучал ногой по торчащему из пола штурвалу. – И встречать их должен только один из вас.

– На кой черт вы водили нас за нос все это время? – выкрикнул Рутенберг, но часть фразы потонула в вое ветра. – Вы из Ноблерата?

– Я всего лишь скромный слуга тех, кто следит за равновесием этого мира. Шеду, господа, не всегда приходят с огнем и мечом. Это крайность, которой Ноблерат старается избежать. В большинстве случаев достаточно лишь заставить таких как вы все сделать за шеду. Они даже дали вам инструмент для этого – меня.

Чилдерман прижал правую руку к груди и поклонился.

– Поздравляю, господа, вы прекрасно поработали над тем, чтобы в городе остался только один законный столп власти.

– Чего вы хотите от нас? – задал Кромверк вопрос, на который уже знал ответ.

– Только одного, – Чилдерман отступил к ограждению. – Вы, Рутенберг, навсегда должны запомнить, что значит пытаться нарушить установленный порядок и чем за это можно заплатить. А вы, Кромверк, уже убедились, что расслабляться на вашей должности опасно для жизни. Впрочем, какое из этих двух напоминаний вам пригодится, будет зависеть от того, кто из вас уйдет отсюда живым.

– А если мы договоримся? – Кромверк пытался переорать усиливающийся ветер.

– Договоритесь? – Чилдерман рассмеялся. – Не смещите меня, господа. В игре может быть только один победитель.

Он вскочил на парапет и раскинул руки. Плащ, до этого развевавшийся по ветру, вдруг стал жестким, как плавник, и обрел очертания крыла. Налетевший ветер подхватил Чилдермана и смахнул его с купола. Мгновение спустя огромная черная птица уже парила в воздушном потоке, планируя в сторону приближающегося флота шеду.

Проводив ее взглядами, Кромверк и Рутенберг уставились друг на друга.

Кромверк первым нащупал рукоять ножа на поясе. Стоило ему ухватиться за нее, как лицо его исказила злобная гримаса. Такая же появилась на лице Рутенберга, осознавшего, что у него тоже есть нож.

Взревев, они бросились друг на друга.

Утром обнаруживаю, что в доме нет ни кусочка квида, и удрученно вздыхаю. На пути колеса сансары бессчетное число ям и ухабов – если не устлать дорогу листьями бетеля, каждая выбоина отзовется в душе особенно острой болью.

Так говорил Шатхадева, провозвестник новых времен, а я многократно уверялся, что каждое его слово – истина.

Через силу заставляю себя выпить чаю. Утренний ритуал непоправимо нарушен, и к кнопке карматрона я подхожу с упавшим сердцем. Вместо трепета надежды – дрожь страха. Идентифицируюсь. Жетон с глухим стуком падает в приемник, и я спешу увидеть свой сегодняшний жребий. На серебристой поверхности – изображение скарабея. Ну что ж, могло быть и хуже. Но могло быть и гораздо лучше.

Прикрепляю жетон к рубашке и выхожу на улицу.

Первым делом – квид. Покупаю полдюжины в ближайшем автомате. Аккуратно скатанный комочек отправляется в рот. Вообще-то я предпочитаю делать квид сам, есть в этом тоже что-то от ритуала, да и готовая смесь от приготовленной собственноручно отличается, как еда в столовой от домашней кухни... Но выбирать не приходится.

– Тьен, – окликает меня сосед, – слышал новость?

У соседа круглые голубые глаза, соломенные волосы и непроизносимая фамилия. Внешне мы две противоположности, живое напоминание о том, что еще не так давно мир делился на Восток и Запад. Теперь мир един, и люди едины, и между ними нет больше искусственно возведенных барьеров. «Все границы иллюзорны, – учит Шатхадева. – Жизнь становится смертью, смерть ведет к перерождению. Скарабей не отличается от сокола, ноль оборачивается бесконечностью». Много веков потребовалось на то, чтобы люди осознали, что это действительно так.

– Какую новость? – спрашиваю я.

– Знаешь Терри Танга из 95-А?

– Это такой улыбчивый студент с длинной, как у девушки, шевелюрой?

– Точно, – отвечает сосед. – Так вот. Он сегодня вытащил пустышку, представляешь?

– Вот те на, – говорю я. Я и правда ошеломлен. Такой был милый парнишка этот Терри. Тихий, приветливый, жил совершенным отшельником, дни и ночи сидел над учебниками. Мне казалось, уж у кого-кого, а у него с кармой все в полном порядке. Однако видимость обманчива.

– Конечно, тут же прибыла группа энфорсеров, – продолжает сосед. – Выставили Терри из квартиры – прямо в пижаме и тапочках, с пустыми руками. Я как раз выглянул в окно – посмотреть, что там с погодой, вижу: выводят. Ближайший сканер тут же считал пустышку, запищал на всю улицу. Народ завертел головами. Терри подскочил, как заяц, и рванул по направлению к набережной. Надеюсь, у него хотя бы хватило ума спрятаться в Олимпийском парке, хотя шансов мало. Он был совсем ошалевший, а в таком деле главное – самообладание. За ним как минимум трое увязалось, а сколько еще на пути прицепится...

Прощаюсь с соседом и стараюсь выкинуть бедолагу студента из головы. Он мертв, но скоро возродится. Возродится очищенным.

Времени еще много, решаю идти пешком. Вдох на три удара сердца, пауза на один, выдох на шесть. Мысль управляет дыханием, дыхание проясняет мышление. Вселенная состоит из взаимосвязей.

Дыхание – это жизнь. Карма – это ритм дыхания вселенной. На три удара – вдох – причина,

на шесть – выдох – следствие. Жизнеспособное общество должно уметь правильно дышать. Человеческая справедливость лукава и темна, и только высшая справедливость беспристрастна и прозрачна.

Новые времена положили конец ложной справедливости и ознаменовали начало истинной.

– У меня есть амулет специально для тебя, друг! – Продавец в пестром одеянии ловко хватает меня за штанину. Он черен, этот продавец, черен, как Великая мать Кали. Но цвет кожи не имеет значения в новые времена. Я улыбаюсь ему, как брату, и получаю ответную улыбку. Зубы торговца красны от сока бетеля – точно так же, как и у меня.

– Я уже купил у тебя специальный амулет, – говорю я весело. – Прошлой осенью. Ты сказал, что он охранит меня от ослепления духа.

– А этот даст тебе силу делать добро! – восклицает нимало не обескураженный торговец. – Возьми его – и готов поспорить, уже к концу года на твоей груди засверкает знак сокола.

Я смеюсь, качаю головой и следую своей дорогой. Даже купив еще десяток «специальных» амулетов, я не стал бы спорить о том, что людям не дано знать наверняка.

Человек выходит из Дома детства в четырнадцать лет. В этот день он впервые узнает о том, какова совокупная сумма его благих и дурных деяний, – в этот день он впервые нажимает кнопку карматрона и получает свой первый жетон. Если количество зла в череде перерождений человека велико, ему в руки упадет символ скарабея. Если число праведных поступков превосходит число прегрешений, на жетоне будет изображен сокол. Знак лотоса достается достойнейшему из достойных. Отсутствие какого-либо символа означает, что душа человека мертва.

Чаще всего на груди человека виден знак скарабея. Скарабей символизирует терпение и усердие, которые требуются для того, чтобы искупить былые прегрешения и не совершить новых. Владелец этого знака должен много работать: ведь чтобы толкать перед собой огромный ком дурных дел, накопившихся за многие и многие жизни, требуется немало труда.

Только скарабеи могут производить материальные блага и заниматься светскими искусствами.

Знак сокола отмечает немногих – очень немногих, – ведь путь праведности тернист и труден. Даже достигнув просветления, нельзя прекращать усилия. Стоит поддаться слабости, чаши весов опять качнутся, и сокол вновь сменится скарабеем. (Так было со мной, и я до сих пор не могу сместить баланс обратно.) Жизнь летящего к свету посвящена созерцанию и размышлениям – общество освобождает его от трудовой повинности и обеспечивает необходимыми материальными благами. В храме просветленные занимают почетные места, а на улице любой скарабей должен уступить соколу дорогу.

Только просветленные могут носить оружие и доставлять дар очищения.

Немногим удастся отрастить себе крылья, но только единицам удастся подняться с их помощью так высоко, что земное больше не имеет над ними власти. Это бессмертные, свободные от череды рождений и смертей, достигшие высшей мудрости и бесстрастия. Знак лотоса не увидишь на улицах: его обладатели живут вдали от людской суеты. Говорят, что они пребывают в постоянном созерцании и что их телесная оболочка более не нуждается в пище и воде.

Только бессмертным под силу изменить порядок вещей, возвестить новый закон или отменить старый.

Пустой жетон означает, что груз зла стал так тяжел, что душе не под силу больше двигать его вперед. Человек ходит, спит, испытывает голод и жажду, но этот человек мертв и останется мертвым в последующем перерождении. Чтобы вернуть ему жизнь, необходима посторонняя помощь: как искусственное дыхание способно воскресить утопленника, так дар очищения

способен освободить душу от мертвой хватки зла. Это единственный акт насилия, содержащий в себе лишь благо: благо для дающего и благо для принимающего.

Только обладатели пустых жетонов не имеют никаких прав и привилегий.

Я подхожу к служебному входу в городскую оранжерею. От стаи священных обезьян, расположившихся у фонтана, отделяется крупный самец, приближается ко мне и требовательно протягивает сухую длиннопалую ладонь, словно требуя плату за вход. Я смиренно протягиваю новоявленному привратнику горсть орехов и тяну на себя дверь.

Внутри прохладно и тихо. Сплюываю кирпично-красным в мусорный желоб и облачаюсь в белую униформу. Никогда не мечтал быть садовником, но, став им, полюбил эту работу всем сердцем. Ничто так не помогает обрести мир в сердце, как забота о беззащитных.

– Еще один жаркий денек, а, Дон? – окликаю коллегу. Дон Цзыи по прозвищу Орех работает в оранжерее почти так же давно, как и я, и мы всегда отлично ладили друг с другом. Пожалуй, нас даже можно назвать приятелями. Я помогаю Дону с поливкой магнолий и рассказываю о незадачливом студенте.

– Меня все время удивляет, – говорю я, – как одинаково ведут себя «пустые». Вместо того чтобы с облегчением и радостью принять дар очищения, они все как один ударяются в бег, словно желают остаться пустыми навеки. Наверное, нечистота души лишает сознание способности рассуждать здраво.

Дон что-то неразборчиво бурчит. Он вообще что-то мрачен в последнее время.

– Наверное, количество лжи в душе становится так велико, – продолжаю гадать я, – что все вокруг кажется ложью. И учения мудрых, и неделимая цепь поступков и воздаяний, и справедливость такого мироустройства. Может быть, хаос так плотно окутывает человека своим покрывалом, что несчастному мерещится ошибка – или случайность – в работе карматрона. Не знаю... – Я закидываю в рот новый комок квида. – Думаю, я никогда не поддамся такому заблуждению. Карматрон беспристрастен и нелицеприятен, и в его работе не бывает ошибок – я знаю это лучше многих.

– Что ты имеешь в виду? – спрашивает Орех.

– Я был соколом, – отвечаю я просто, – но мои крылья были недостаточно прочны. Я поддался соблазну и совершил сразу два греха: сомнения и неповиновения. Стоило мне увериться в мысли, что карматрон не является отражением высшей справедливости, как я немедленно убедился в обратном. Я снова стал скарабеем – несмотря на то, что твердо считал это невозможным для себя.

– Ты имел для этого основания?

Я начинаю испытывать неловкость от разговора. Мы никогда не беседовали на подобные темы прежде.

– Никаких оснований, – отвечаю я. – Кроме самонадеянности и гордыни. Я заглянул в список – список, который даже и не был предназначен для моих глаз, – и сделал поспешный и святотатственный вывод. Уже на следующее утро я убедился, как был неправ и какое большое зло содеял своей душе. Счастье еще, что сумма зла во мне не достигла критической величины, и жетон, оказавшийся в моих руках тем утром, не был пустым.

– Что это были за списки? – интересуется мой напарник.

– Не помню, – качаю головой я. – Да это и неважно... Давай не будем больше говорить об этом, Дон, мне мучительно вспоминания о собственной глупости.

Дон склоняется к застенчивым и робким серебристым крокусам, а я иду в тропический павильон. Мы снова встречаемся друг с другом только во время обеденного перерыва.

– Скажи, Тьен, – выпаливает Орех, – в тех списках, о которых ты упоминал, была ведь и

твоя фамилия?

Я неохотно киваю. Что это Дона так разобрало любопытство?

– А еще ты увидел там имена других недавно оперившихся соколов, ведь так? – пытливо допрашивает тот. Я хмурюсь и еще раз киваю:

– С некоторыми из них я познакомился на Церемонии четырех стихий, поэтому имена были свежи в моей памяти и я обратил на них внимание.

– Но в этом нет ничего удивительного, – глаза Дона цепко прищурены. – Имена новых соколов могли значиться в сотне разных списков. Что же заставило тебя сделать тот святотатственный вывод, который лишил тебя крыльев? И, кстати, может быть, скажешь, что это был за вывод?

Я хмурюсь еще сильнее:

– Я не думаю, что в этой беседе есть польза, друг. Каков бы он ни был, он был роковой и губительной ошибкой, повторять которую я не пожелаю никому...

– Ты уходишь от ответа, Тьен, – укоряет меня собеседник. – Но я и так его знаю. Ты увидел, что за действиями карматрона стоят не боги, как ты думал прежде, а люди. Ты увидел в этих списках что-то такое, что навело тебя на эту мысль. Может быть, еще не назначенных – я думаю, тут уместно именно такое слово – соколов из числа людей, которых ты знал в тот момент скарабеями. Может быть, ты увидел иные запланированные – ведь иначе как бы они попали в список – перемещения из одной группы в другую. Может быть, что-то еще... И это что-то привело тебя к мысли...

– Хватит, – прерываю я Дона. Голос мой звучит неожиданно громко, и с соседних столиков на нас удивленно оглядываются. Я сжимаю губы. Вдох на три удара сердца, пауза на один, выдох на шесть.

– Ты стоишь на зыбкой почве, друг Дон, – говорю я спокойно. – Мысль, которая посетила меня в тот день, – ложь. Если бы это было правдой, список открыл бы мне изменение, которое ожидало меня на следующий день. А оно было для меня полной неожиданностью. Если бы это было правдой, кто-то, помимо богов, должен был узнать о моем проступке. А ты – единственный за долгие годы, с кем я говорю о нем так прямо. Я делаю это потому, что вижу, куда ведут твои речи, и боюсь за тебя. Повторяю снова: не совершай моей ошибки и отгони соблазн.

Я пригибаю голову к тарелке и принимаюсь так сосредоточенно поглощать пищу, словно нет на свете занятия важнее. На Дона я не смотрю.

– Ты хороший человек, Тьен, – говорит тот. – Прошу тебя, продолжим разговор после работы. Это очень важно.

Мне хочется заткнуть уши.

Он ждет меня у выхода. Мы молча шагаем по направлению к скверу. Я беспокоен и напряжен, и дыхание мое то и дело учащается.

– Ты хороший человек, Тьен, – вдруг снова говорит Дон, и я вздрагиваю. – Ты мой друг.

Я хочу возразить, но почему-то молчу.

– Ты спас мне жизнь однажды.

Это преувеличение, хочу сказать я, тебе просто не было предначертано умереть в тот день. Если бы меня не оказалось поблизости, прием Хаймлиха применил бы кто-нибудь другой.

– Внимательно взглядишь в то, что кажется тебе значимым, и ты увидишь, что природа его иллюзорна, – начинаю я цитировать известное изречение Шатхадевы, но Дон перебивает меня:

– Я буду с тобой очень честен, Тьен, потому что уверен, что ты меня поймешь, и потому что обиняками и хитростью своей цели я не добьюсь.

Голос его хрипл, и мне хочется убежать, рвануть вниз по улице не разбирая дороги, как это сделал сегодня Терри Танг.

– У меня есть женщина, Тьен, – говорит Орех и умолкает.

Я недоуменно выгибаю бровь. У всех есть женщины, кроме священнослужителей и аскетов. На секунду мелькает подозрение, что Дон хочет обсудить со мной какую-нибудь щекотливую мужскую проблему. Но подозрение тут же развеивается.

– Ее зовут Лилли, – продолжает Орех. – Она красива и добра. И ей угрожает опасность.

– О какой опасности ты говоришь? – удивляюсь я, и тут на меня нисходит понимание. Глаза мои лезут на лоб: – Ты попался в ловушку привязанности! – восклицаю я громче, чем надо.

Дон сжимает челюсти. Его лицо становится непроницаемым, как стена.

– Нет ничего ужасного в привязанностях, – поверить не могу, что это говорит тот самый Орех, с которым я работаю бок о бок вот уже двенадцать лет! – Нельзя быть живым и совсем не испытывать их. Это под силу разве только камню.

Я открываю рот для протеста, но не произношу ни слова. Если уж Дон остался глух к учениям мудрейших, разве прислушается он сейчас к моим косноязычным возражениям?

– Два дня назад она получила известие, что ее имя внесено в списки пустых. Не спрашивай, кто и каким образом оповестил ее, об этом не знаю даже я.

Перемещение произойдет послезавтра. Отсрочка вызвана тем, что еще не окончена последняя проверка контактов Лилли.

– Ушам своим не верю, – говорю я зло. Во мне нет и следа спокойствия. Красный плевок летит мимо мусорного желоба.

– Поначалу и я не верил своим, – кивает Орех. – Но чем дольше я думал об этом, тем меньше у меня оставалось сомнений. Сегодня они окончательно исчезли.

– Исчезли сомнения? – кричу я шепотом. – Да они же просто поглотили тебя! Иллюзия затмевает в твоих глазах ту единственную истину...

– ...в которой уверяют нас священные тексты, – подхватывает Дон. В голосе его издевка, и меня берет оторопь. – Я давно думаю об этом, Тьен. Не встретить я Лилли, я и сам пришел бы к неизбежному выводу рано или поздно. Никаких новых времен не наступало, друг. Нами по-прежнему управляет не божественная, а людская справедливость. Только теперь мы не выбираем форму, в которую она может облекаться. Мы с малых лет учимся бесстрастию и отрешенности, мы умеряем чувства дыхательными упражнениями и поддерживаем постоянное благодушие с помощью бетеля. Нам внушают, что в мире нет ничего настоящего и что высшая мудрость – в разрушении всех связей с миром...

– Ты сомневаешься и в этом? – Во мне уже не осталось сил удивляться.

– Повторяю, Тьен, я больше ни в чем не сомневаюсь. Сомневаешься ты.

– Нет, – говорю я твердо.

– Да, – отвечает Дон. – Ты видел списки; ты знаешь, что их составляли не руки богов.

– Их составляли руки богов. И они же наказали меня за грех сомнения.

– Высшая сила обходится без бумажной работы, – усмехается Орех. – А наказание обеспечил тебе тот, кто застал тебя на месте преступления.

– Говорю же тебе, меня никто не видел.

– И у стен есть глаза и уши. Конечно, тебя видели. И в глубине души ты знаешь это и боишься, что за тобой продолжают наблюдать. Ты ведешь безупречную жизнь, ты посещаешь храм и цитируешь мудрых, но ты не можешь обмануть себя.

Я вдруг устаю спорить и доказывать очевидное.

– Что тебе нужно? – спрашиваю я равнодушно. – Или ты позвал меня перекидываться

словами?

– Ты прав, – Дон закусывает губу. – Я не стал бы смущать твой покой, если бы не имел в этом корысти. Видишь, я честен.

Разрази тебя гром с твоей честностью, думаю я угрюмо.

– Я твердо решил, что не дам Лилли умереть. Я знаю ее как себя самого – в ней нет зла. Она не нуждается в очищении; пустой жетон приговорит ее просто-напросто к убийству... В нашем распоряжении остался один завтрашний день. Я собираюсь бежать вместе с Лилли и предлагаю тебе присоединиться к нам.

– Бежать, – повторяю я горько. – Поистине нечистота души мешает рассуждать здраво. Бежать – куда?

– На корабль-призрак, – спокойно отвечает Дон, и я снова вздрагиваю.

– Это легенда, – говорю я глухо. – Миф.

– Корабль-призрак существует, и Лилли знает его нынешние координаты. Все что нам нужно, это захватить челнок и оторваться от Земли.

– И от преследования, – добавляю я иронично.

– И от преследования, – соглашается Орех. – Поэтому нам нужен пилот. Настоящий пилот, ас, прирожденный крылатый. Который летал десять лет, а на одиннадцатый вдруг решил, что его истинное призвание – быть садовником. Три – один – шесть. Три – один – шесть. Но сердце бьется слишком быстро.

Наше общество построено на покорности и самоограничении, – звучит хриплый голос в моих ушах. – Нам говорят, что мы движемся к блаженству, а на самом деле мы шебуршимся в навозе. И скарабеи, и соколы. Созидаем навозный трон для недостижимых бессмертных. Стоит кому-то задуматься, остановиться, воспротивиться – ему выпадает пустой жетон. Я больше не хочу этого, Тьен. В бесстрастии нет ценности. Я хочу любить свою женщину и знать своих сыновей. И не желаю, чтобы чужая воля определяла мое будущее.

Я сейчас уйду, – добавляет он после секундной паузы. – Подумай о том, что я сказал. Загляни в свое сердце. Я не появлюсь завтра в оранжерее, но буду ждать тебя в этот самый час на этом самом месте, в роще бумажных фонарей. До завтра, Тьен, – очень надеюсь, что до завтра.

Я не отвечаю, и Орех уходит.

Ветер раскачивает над головой бумажные фонарики.

Загляни в свое сердце, сказал Дон на прощание. Я кладу руку на грудь, и ладонь чувствует холод жетона: мое сердце закрыто. Мы шебуршимся в навозе, эхом отдается в голове, и я чувствую приступ тошноты. У бетеля вкус фекалий, в воздухе запах нечистот, мысли мои – беспорядочная куча дерьма... Я убыстряю шаг.

Наше общество построено на покорности и самоограничении, сказал Орех. Нет, это поверхностный взгляд, мысленно восклицаю я. Наше общество построено на страхе и надежде. Покорность – это только способ победить страх; самоограничение – возможность осуществить надежду.

Воображение рисует в сумерках лицо Дона. Общество должно быть воздвигнуто на равенстве и свободе, беззвучно возражает он. Ты хороший человек, Тьен. Загляни в свое сердце.

И я ускоряю шаг, бегу.

Прохожие расступаются в стороны и провожают меня взглядами. Щуплый подросток на мотопеде, на удивление похожий на Терри Танга, заглядевшись на меня, заруливает в кусты и громко чертыхается. Многочисленные сканеры торопливо обшаривают меня невидимыми лучами и, удостоверив мою личность, облегченно подмигивают зелеными огнями.

Я бегу и бегу, пока ноги не теряют чувствительности, а из головы не выветриваются все до

единой мысли. Останавливаюсь и поднимаю голову. Передо мной золотисто-янтарные двери храма. Собрав остаток сил, прохожу внутрь и, скрестив ноги, опускаюсь на теплый пол.

Три – один – шесть. Три – один – шесть. Через некоторое время бешеный стук сердца начинает стихать. Я перехожу на восемь – один – шестнадцать.

Безмятежно звенят вдалеке ветряные колокольчики. Чувства гаснут одно за другим. Я закрываю глаза.

Колесо сансары движется без остановки. Ночь сменяет день, день возрождается из ночи. Я осторожно прикасаюсь к лепесткам магнолии. Забота о незащищенных всегда помогала мне обрести покой в душе.

Близится назначенное Доном время, и я иду к условленному месту. Бумажные фонарики перешептываются над головой. Аллея пуста.

Я сделал свой выбор. И на этот раз я знаю, что он не был ошибочным.

Мир состоит из взаимосвязей. Страх делает нас равными, надежда наделяет нас свободой. Незачем лететь навстречу кораблю-призраку, мы уже на его борту. Справедливость вершится человеческими руками, но это все равно высшая справедливость. Над скарабеем реет сокол, над соколом высится бессмертный, бессмертные слушают дыхание вселенной. А пустоте нет места в мире живых.

Я надеюсь, наши дороги еще скрестятся, Дон Цзыи по прозвищу Орех, Терри Танг, женщина по имени Лилли. Вы примете дар очищения, и мы вновь – рука об руку – продолжим путь восхождения.

Я сплевываю красным и кладу руку на сердце. Жетон холодит ладонь. Жетон с изображением сокола.

1. Забытая страна

Крыша дворца в Атон-джец провалилась много лет назад. Но он все равно был прекрасен – особенно теперь, на закате, когда уцелевшая колоннада из желтоватого известняка порозовела в лучах нежаркого солнца. Колоннаду дворца обрамляли одичавшие пальмы, а прямо сквозь террасу прорастал в небо огромный эвкалипт. В капителях ворковали голуби, лестничные ступени утопали в зарослях ежевики. Чуть ниже, если хорошенько приглядеться, в колючках можно было разглядеть ржавые рельсы. Они уходили на восток, вдоль моря, и на запад – куда-то за гору Богини-Матери.

Руслан и Батал сидели, свесив ноги, на колоннаде и глядели, как на соседней горе, среди пышных крон, сияют расплавленным золотом купола храма бога Солнца. Этот храм славился на всю землю Апсны. Ни в одном из городов не сохранилось ничего подобного, все прочие уничтожила война. Но, видно, местные жрецы находились под особым покровительством богов. Ведь храм стоял на горе не просто так, а как бы запечатывал собой вход в пещеру, где был от века заточен злой дух. Верховный жрец солнечного бога – кстати сказать дядя Руслана, – слыша такие истории, только качал головой и с досадой говорил:

– Язычники! Совсем одичали!

Старый жрец часто уговаривал племянника пойти к нему в ученики и даже ухитрился выучить того тайному храмовому письму, которое в древние времена, как водится, было вовсе не храмовым и совсем не тайным. Так что теперь Руслан мог с легкостью прочитать полустертую надпись над главной террасой заброшенного дворца: «*Станция Новый Афон*». Вообще в Атон-джец сохранилось много старинных надписей, но смысл их по большей части оставался темен: как, к примеру, понять, что означает «*Стоянка такси*», или хуже того – «*Грязелечебница, вход 100 рублей*»?

Ниже, под горой, смутно виднелись в зелени плоские серые крыши Проклятых Башен – уродливых, с черным провалами окон, полуразрушенных солнцем, дождями и ветром. Проклятые Башни стояли на диво крепко, хотя их никто не чинил и не пытался там поселиться – разве что мальчишки пасли поблизости скотину. Видно, бывшие хозяева Башен, уходя, наложили на них крепкие заклятия. Хозяева эти звались кэрты.

Кто они были такие, эти кэрты, никто уже толком не знал. Враги – и все тут. Старики рассказывали, что давным-давно у людей Апсны с кэртами случилась война, которая навсегда изменила облик земли. Говорят, чтобы изгнать врагов, объединились все кланы, забыв о родовой вражде. Но кто победил в этой войне? «Конечно, мы! – с гордостью ответил бы любой мальчишка-пастух. – Ведь мы их выгнали!» Но старики качали головами – не все так просто. И начинали рассказывать сказки о временах, когда Апсны была могущественной и богатой страной, а дворцы, которые сейчас лежат в руинах, ломились от сокровищ. И где они теперь, эти сокровища? Кто их унес с собой, уходя? То-то же...

А еще ниже, по ту сторону рельсов, среди яблонь, гранатовых деревьев и грецких орехов пестрели черепичные крыши подворий рода Тура, к которому принадлежал Батал, и рода Сокола, откуда был Руслан. Парни дружили с детства, а с недавних пор считались первыми женихами в Атон-джец: оба сильные, ловкие и удачливые. Вдобавок Руслан имел знатных родственников в храме, а Батал был сыном лучшего охотника в городе и сам уже носил

ожерелье из когтей барса, которого убил копьем один на один.

И вот они сидели на колоннаде и смотрели, как внизу конные мальчишки гонят мимо дворца стадо рыжих домашних туров.

– Интересно, куда ведет эта дорога? – задумчиво проговорил Руслан.

– Какая еще дорога? – зевнул Батал, глядя на рельсы. – Ни конному, ни пешему... Вон дорога!

Оглянувшись, он махнул рукой в сторону разбитого проселка, огибавшего дворец со стороны моря.

– А дядя Никифор сказал, что это была дорога.

– Так, может, он заодно скажет, куда она ведет?

– Он не знает. И никто на свете не знает.

– Ха! – сказал Батал, сплюнув вниз. – Я знаю. Она ведет напрямик в преисподнюю, к дэвам или кэртам, что на самом деле одно и то же. Всем известно, что Атон-джец – это пуп земли Апсны, а земля Апсны – это пуп вселенной. Значит, куда бы ты отсюда ни пошел – рано или поздно угодишь в Нижний Мир!

Батал умолк и сделал неожиданный вывод:

– Но сходиться туда было бы здорово!

Руслан вздрогнул, словно друг прочитал его мысли.

– Почему ты так решил? – осторожно спросил он.

– А как же сокровища, которые утащили с собой изгнанные кэрты? Разве не достойное дело – отобрать их и вернуть обратно? Это будет подвиг, который прославит нас на всю Апсны!

Руслан хмыкнул.

– Я не верю в эти сказки об украденных сокровищах. Но если ты решишь пойти по этой дороге – я бы тоже с тобой пошел. Я давно уже мечтаю посмотреть, куда она ведет!

Батал несколько мгновений молчал, а потом сказал:

– Нет, если уж идти – так в разные стороны! Все равно мы наверняка встретимся в Нижнем Мире, а потом вместе накостыляем дэвам, или кэртам, или кто там еще водится в преисподней!

Тем же вечером они объявили о своем решении родичам.

Конечно, сначала их ни в какую не хотели отпускать, пугая опасностями и тяготами пути в неизвестность. Но потом, поняв, что упрямых юнцов не переубедить, – принялись всем родом собирать в дорогу. Столетний дед Ахра, глава рода Тура, призвал их к себе и приказал женщинам достать из сундука старинную одежду: пятнистый кафтан, штаны, шапку и высокие сапоги.

– Это не простая одежда, – прошамкал дед. – Много-много лет назад именно так одевались храбрые воины земли Апсны. Говорят, некогда она даровала невидимость и неуязвимость, но увы, те чары давно утрачены. Разделите эту одежду пополам: тебе, Батал, штаны и сапоги, а тебе, Руслан, кафтан с шапкой, – и пусть она внушает страх врагам, как и в древности!

Потом старец Ахра выгнал женщин и, крича, склонился над особым сундуком. Когда он поднял крышку, в воздухе запахло прогорклым маслом.

– А это... – Старец с величайшей осторожностью развернул ворох промасленных тряпок и достал дырчатую трубку с прикладом и спусковым крючком как у самострела. – Знаете ли вы, что это?!

Руслан покачал головой. Батал сунулся вперед, получил по рукам и предположил:

– Оружие?

– Вот именно! К несчастью, чары, с помощью которых оно стреляло, тоже давно рассеялись. Поэтому я его вам не дам. Но посмотрите на него внимательно. Эта трубка несла

верную смерть всем, на кого была направлена. Если вы увидите такую трубку в руках дэва или кэрта, у вас только два выхода: немедленно броситься ниц или бежать без оглядки!

– Воин рода Тура никогда не бежит перед лицом врага! – гордо сказал Батал. – И уж тем более не падает ниц!

На следующий день друзья сидели в темной келье верховного жреца, дяди Руслана, наслаждаясь прохладой после палящего дневного солнца. Отец Никифор – жилистый, седобородый, с ног до головы в черном, как требовала традиция, – рассказывал им всякое полезное о предстоящем пути. В основном – Руслану, ибо Батал все откровенно пропускал мимо ушей.

– Есть четыре стороны света, две из них – для дэвов, две – для людей. На севере – непроходимые горы, на юге – бескрайнее море, между ними протянулась земля Апсны. На востоке лежит страна Кэртпыла, обиталище кэртов... Ну, о войне вы знаете. Кэрты потерпели поражение, и, если они хоть немного похожи на нас, они нам этого вовеки не простят. Поэтому тот из вас, кто пойдет на восток, должен быть особенно осторожен. Особенно если он увидит такие магические надписи, – отец Никифор постучал по столу, чтобы привлечь внимание Батала. – *«Пограничная зона», «Прохода нет!» и «Осторожно, мины!»*. Выучите их наизусть! Далее. По пути вы будете проходить большой разрушенный город Сухум – не сворачивайте туда, с тамошними кланами у нас дружбы нет, да и нечисти там в развалинах полно...

– А что вторая сторона? – с любопытством спросил Руслан. – Та, что на западе?

– Там все покрыто мраком, – сурово сказал дядя. – Недаром путь на запад идет через подземелья, под горой Богини-Матери! Легенды говорят, что там находилась страна Уруспыла. И судя по всему, с ней у нас вражды не было. А может быть, даже и союз. Но однажды что-то случилось – и на границе наших земель возникла непреодолимая стена!

– Труссы и предатели! – заявил Батал. – Кэртов испугались!

– Не все так просто, – возразил отец Никифор. – Признаться, в западную сторону я бы и сам с вами сходил, если бы не обязанности – так меня занимает эта загадка...

– А меня – нисколько, – сказал Батал. – Чувствую, ни добычи, ни славы там не найдешь. Я бы лучше пошел на восток, если ты, Руслан, не возражаешь.

Руслан и не возражал.

В ближайшее полнолуние был проведен еще один важный обряд. На берегу моря, в тайном месте, собрались мужчины обоих дружественных кланов, и отец Батала заколол жертвенного бычка. А колдун-гадатель – из тех, о ком особенно неодобрительно отзывались жрецы с горы, – взглянув на внутренности животного, поведал отважным юношам о будущем. Конечно, только то, что сумел разглядеть.

– Ужас и позор! Почет и добыча! Мудрость и тайна! – воскликнул он, потрясая окровавленной требухой.

А в ответ на нетерпеливые расспросы, кому же выпадет слава, а кому позор, и при чем тут ужас и тайна, только пустил пену изо рта и упал на землю, забившись в судорогах. Его оттащили в сторонку, а потом развели на берегу костры и до рассвета пили, ели и веселились, и под полной луной звучали ритуальные песни – род провожал воинов в поход.

2. Поход Батала

Итак, следуя двум ржавым железным змеям, ведущим в преисподнюю, пережив множество

мелких приключений, которых какому-нибудь пастуху вполне хватило бы на всю жизнь, Батал однажды вышел в зеленое сумрачное ущелье, и тут чутье охотника подсказало ему – вот оно! Цель уже близка!

Встреченные им накануне в лесу дровосеки предупредили, чтобы он вообще не ходил в эту сторону. Ущелье было безлюдным и пугающе тихим. К полудню железные змеи привели Батала к заброшенному городку, каких он навидался десятками за время странствий, но этот отличался от прочих. В нем не осталось ни единого целого здания, как будто стены крушил и разбрасывал какой-то пьяный великан. На некоторых уцелевших остались вмятины от его кулаков, а землю уродовали непонятные ямы. Вспомнив поучения отца Никифора, Батал принялся искать древние надписи – но не нашел ни одной похожей на те, что заставил его выучить жрец. После пятнадцатой надписи Батал заметил, что буквы в них совсем другие, неизвестные. «Язык дэвов!» – подумал охотник. Тогда он облачился в древние воинские штаны и сапоги, которые до времени нес за плечами, поверх рубахи повесил ожерелье из клыков барса, вычернил лицо боевой раскраской, взял в руки мощный лук и стал бесшумно, словно демон, красться вдоль рельсов дальше к востоку.

Целый день до вечера он шел не встречая ни зверя, ни человека. Лишь однажды из-за гор донесся долгий громоподобный рокот – хотя никаких грозовых туч в небе не наблюдалось. Батал удвоил осторожность. А к закату он набрел на Стену.

Стена тянулась от края до края – куда бы ни сворачивал Батал, везде была она. Стена вовсе не казалась заброшенной, как все прежние постройки. Наоборот, ни единый камень из нее не выпал, ни один железный столб не покосился, наверху грозно поблескивали металлические колючки и смотрели в лес выпученные стеклянные глаза, а земля под Стеной была старательно распахана на десять шагов в ширину. Зачем – это Батал догадался сразу. «Ага, – подумал он, – сейчас я туда полезу, и в борозде останутся следы. А потом кэрты вынут след и наведут на меня порчу! Как же, ждите!»

Стена озадачила его. По словам отца Никифора, она должна была стоять в другой стороне – на западе. «Не сбили ли меня дэвы с дороги? А, неважно! Раз уж я прошел такой путь – неужели я остановлюсь на последнем шаге? Но если есть Стена, должны быть и ворота!»

Он нашел ворота уже в темноте и долго изучал их, спрятавшись на дереве по соседству. Ворота вовсе не показались ему непреодолимыми. Правда, они глядели в чашу стеклянными глазами и были сплошь расписаны магическими знаками, но ведь и Батал отправился в поход не с пустыми руками. Родные духи подсказывали ему, что за дорогой следят невидимые сторожа, и он замирал, время от времени чувствуя на себе их пристальный взгляд. За воротами ярко горел свет, перемещались тени, слышались смех и голоса, железный лязг и мягкое ворчание – Батал так и не понял, какого зверя. Сначала охотник хотел было дожждаться, когда кэрты – или дэвы, кто их разберет, – откроют ворота и высунутся наружу, но они и не думали выходить. К тому же, присмотревшись к ржавчине на петлях, Батал понял, что эти ворота вообще открываются очень редко – может, и никогда. «Ладно же, – решил он. – Тогда придется мне наведаться к вам!»

Просидев в ветвях дерева до полной темноты, он выждал, когда невидимые глаза от него отвернулись, прополз по земле до самых ворот, легко перелез через них и спрыгнул в пустой просторный двор. Видно, здешние сторожа слишком полагались на магию: Батал заметил лишь двоих часовых, причем один из них дремал на вышке, а второй вскоре широко зевнул и направился к дому с ярко освещенными окнами, откуда доносились веселые разговоры. Пока тот бродил по двору, Батал жадно разглядывал его, затаившись в тени стены. Надо же, как дэвы похожи на людей! Сторож выглядел его ровесником, да еще и в таких же пятнистых штанах. На голове у него косо сидела плоская голубая шапочка, а за спиной поблескивала почти такая же

дырчатая трубка с прикладом, какую показывал дед Ахра. И вообще этот кэрт был растяпой. Дважды прошел мимо Батала, который стоял в паре шагов, особо не скрываясь, – и не заметил его.

Когда сторож повернулся и шагнул в сторону дома, Батал отклеился от стены и хлопнул кэрта по плечу. Тот вздрогнул и быстро обернулся; глаза у него стали как плоски. Миг – и в грудь Батала уперлась дырчатая трубка.

«Падай ниц или спасайся, беги со всех ног – вот твое единственное спасение!» – вспомнились ему слова деда. Но бегать от этого мальчишки-недотепы... Батал фыркнул и расправил плечи.

Кэрт что-то нервно пролаял, тыкая в него трубкой. Отважный Батал и глазом не моргнул. – Вот это, – гордо сказал он, притрагиваясь к ожерелью из клыков, – защитит меня от вашего адского колдовства, и твой самострел обернется против тебя. А от врага я в жизни не бегал!

И он сделал шаг вперед. Палец кэрта надавил на спусковой крючок. Что-то сухо щелкнуло. Кэрт побледнел и нажал еще раз. И снова щелчок – и больше ничего. В третий раз он нажать не успел...

Батал не стал убивать смелого, но глупого юнца, который ни разу не сталкивался с могучей магией рода Тура, – просто оглушил его. В земле Апсны, где бок о бок живут десятки кланов, к убийствам относятся осторожно, ведь каждое из них влечет кровную месть. Но обождать побежденного врага до нитки было его святым правом. Вскоре Батал, прихватив пожитки часового, а заодно все, что ему приглянулось на территории пограничной заставы, с тяжелым вьюком на плечах перелезал через ворота обратно. Кэрт, раздетый до трусов, остался лежать во дворе. Рядом с ним валялся только его автомат – Батал решил, что такое никудышное оружие ему ни к чему.

3. Поход Руслана

Еще в самом начале пути Руслан узнал, что мир совсем не таков, каким его видят жители Атонджец. Не успел юноша отойти и на полдня от дома, как рельсы нырнули под гору, в сырую кромешную тьму. Руслан зажег факел и бестрепетно отправился в преисподнюю. Он почти не боялся – ведь на шее у него висел кипарисовый солнечный крест, подарок дяди. «Оба вы с вашим другом – закоренелые язычники, – сказал дядя на прощание. – Но ты хоть иногда держишь уши и глаза открытыми. Возьми, авось поможет...» И что же – амулет таки помог! Руслан вошел во тьму, готовый биться с дэвами, но дэвы так и не появились, зато вскоре рельсы снова пошли вверх, а там и вывели его на свет – с другой стороны горы Богини-Матери! Руслан подивился искусному колдовству древних людей, которые сумели так спрятать себе путь, – и пошел дальше.

Несколько дней спустя рельсы привели его в огромный разрушенный город Гагр, где Проклятые Башни торчали на каждом углу, а десятки пустых беломраморных дворцов, по крышу оплетенных плющом и диким виноградом, террасами спускались к морю. Куда до них было скромной колоннаде дворца с надписью «*Станция Новый Афон*»! И в голову Руслана закралась опасная мысль, что если Атон-джец и сердце мира, то сердце маленькое и тихое...

В дороге он часто думал о непреодолимой стене, якобы возведенной на границе земли Апсны в древние времена. Как же должны быть серьезны причины, заставившие жителей таинственной страны Уруспыла возвести ее! «Предатели», – сказал Батал. Но предатели не отгораживаются от преданных. Не запятнали ли себя позором его предки? Конечно,

изначальной причиной была война. Но, похоже, не только она...

После величественных развалин Гагра местность совсем обезлюдела. Больше на пути не попадались ни города, ни поселения, а встречные пастухи удирали от Руслана, словно он сам был дэвом. С несколькими ему удалось перекинуться парой слов. Пастухи предостерегали его, советовали не ходить дальше, тараща глаза и понижая голос, словно впереди его ожидало нечто ужасное и неназываемое. Спрашивал про Стену – сказали, что ни один человек до нее живым не дошел, только слышали далекий гром, а потом находили растерзанные тела на дороге.

– Спасибо, что предупредили. Значит, по дороге я не пойду, – сказал Руслан.

Пастухи только качали головами и смотрели на него как на сумасшедшего.

Через несколько дней пропали даже пастухи. Целыми днями юноша шагал себе по рельсам и не встречал ни единого человека. А земля вокруг была чудно хороша. Благоухали эвкалиптовые рощи, землю устилали огромные белые лепестки магнолий, зеленели поля дикой кукурузы, наливался и темнел оплетающий развалины виноград. Возле железной дороги начали попадаться какие-то огромные ржавые нелепицы. Как-то Руслан наткнулся на одну из них, приросшую колесами к рельсам. «Так вот на каких телегах они тут ездили!» – понял он и обрадовался – хоть одна небольшая тайна была раскрыта.

Но вот однажды Руслан наткнулся на стойбище странных людей. Они жили на берегу моря в ярких шатрах и внешне были совершенно не похожи на людей Апсны – бледнокожие, светловолосые и светлоглазые. Поначалу они испугались незваного гостя не меньше, чем пастухи, но потом, увидев, что он один, осмелели и принялись о чем-то расспрашивать. Увы, Руслан не понял ни слова.

– Уруспыла? – сказал он наконец наугад.

Старший из чужеземцев его вроде понял и что-то с жаром заговорил, указывая на запад. По всему выходило, что именно оттуда явились бледнокожие. «Но как же Стена? Как же гром, который разрывает людей на части?» – чуть не воскликнул Руслан – но они все равно бы его не поняли...

К Стене он вышел на следующее утро. Перешел по мосту через реку, спустился с рельсов и тут же наткнулся на железные ворота. Они были распахнуты настежь!

Вокруг царили запустение и сонная тишина, и не было видно ни единого человека, только голуби ворковали в тени. Руслан поискал надписи, о которых предупреждал дядя, но нашел всего одну и неправильную: «Зона карантинного контроля». Может, он еще не добрался до цели, и настоящая Стена будет дальше? Некоторое время Руслан выжидал, опасаясь ловушки, но потом ему надоело, и он вошел в гостеприимно распахнутые ворота.

Чем дальше он шагал, тем сильнее удивлялся. Нет, не это он ожидал найти в конце пути! Вдоль дороги тянулись какие-то груды железа, теснились покосившиеся домишки, лениво покачивались на ветру выцветшие полотнища... Все брошено, и брошено давно! И тут Руслан замер – он услышал голос.

Бормотание доносилось из домика, который выглядел покрепче и поновее других. Руслан подкрался к двери, осторожно заглянул внутрь, но никого не увидел, и только чуть позднее сообразил – бормочет сам дом! На одной из стен плоское окно мигало, бормотало, показывало чудеса. На колченогом столе рядышком сама собой кипела вода в кастрюле. Волшебное жилище варило еду и развлекало само себя! Руслан в ужасе выскочил наружу и поспешил дальше.

Чем дальше он шел, тем активнее вокруг становилась колдовская жизнь. Те ржавые нелепицы, которые догнивали по обочинам в земле Апсны, здесь проносились мимо так быстро, что Руслан даже не успевал испугаться. Другие пролетали в воздухе – то высоко и бесшумно, то низко, завывая и грохоча. Третьи стояли вроде бы неподвижно, но вдруг срывались с места и мгновенно исчезали вдалеке. А дома! Впереди уже виднелись стеклянные дворцы такой высоты,

что прекрасные руины Гагра казались рядом с ними жалкими хижинами.

Там и люди начали попадаться навстречу. Поначалу Руслан здоровался и заговаривал со встречными – но они удивленно косились на него, видно не понимая языка, и проходили мимо. А потом людей на улицах стало столько, что Руслан онемел, да так и шагал, открыв рот, а ноги сами несли его дальше.

Стеклянные дворцы обступили его со всех сторон, заслоняя небо. Везде что-то продавали и покупали, со всех сторон доносилась музыка, на каждом углу показывали небывальщину висящие в воздухе окна, а людей было так много, что вообще не протолкнуться. Толпы полуголых мужчин и женщин, праздных, крикливых, в яркой, смешной и вызывающей одежде – они все куда-то неслись, так и норовя толкнуть Руслана. И при этом никто не обращал на него внимания, никому не было до него дела! Руслан попытался прочитать надписи, но не нашел ни одной понятной или знакомой. Да и что бы ему сказал, к примеру, указатель «Аэропорт Адлера» или переливчатая голограмма, рекламирующая шашлык из «немодифицированной баранины»?

К полудню Руслан почувствовал, что вот-вот сойдет с ума. Этот невероятный город совсем не нравился ему; одолела тоска по тишине и покою, тоска по дому. Он нашел место, с которого виднелись горы, повернулся и пошел обратно.

Усталый, голодный, к вечеру он наконец добрал до ворот в несуществующей Стене... И там его наконец кто-то окликнул.

Руслан живо обернулся на голос. На пороге волшебного домика, откуда он в таком страхе убежал утром, стоял старик и пристально разглядывал его пятнистую куртку. Закончив осмотр, старик нахмурился и что-то строго спросил.

– Я не понимаю по-вашему, – развел руками Руслан. – Мне ничего здесь не надо. Я иду домой.

– Эй, парень! – восхищенно воскликнул старик на языке Апсны. – Да ты с той стороны пришел, что ли? Ну-ка, иди сюда!

Вскоре они уже сидели за колченогим столиком и пили чай, а волшебный домик тем временем варил для них что-то мясное. Старик, хоть и говорил на человеческом языке, а приличий не знал и не давал Руслану спокойно поесть, одолевая расспросами. Сам он родился по эту сторону Стены и всю свою жизнь провел охраняя границу. А потом охрану сняли и границу открыли...

– А я и решил – тут останусь, – рассказывал дед. – Семьи нет, так зачем и куда мне уходить? Ага, вот и еда готова...

– Что это? – спросил Руслан, принюхиваясь.

– Как что? Манты с бараниной.

– Это же не баранина!

Старик захихикал.

– Да уж конечно! Натуральная баранина – это разве что в Сочи, в дорогих ресторанах. А ты небось и пельменей в жизни не видал? Ну, деревня...

Наевшись ненастоящей баранины, дед принялся рассказывать про то, что больше всего интересовало Руслана, – про Стену.

– Раньше-то, еще лет двадцать назад, тут все строго было! По периметру колючка под током, лазеры, тепловизоры... Да только зря деньги переводили – никто к нам с вашей стороны не лез. За последние тридцать пять лет – ты первый! И то удивляюсь, как дошел, – там ведь у вас все еще с войны заминировано...

– И с вашей стороны тоже никто к нам не ходит? – недоверчиво спросил Руслан.

– Какие-то «черные следопыты» иногда лазают, старое оружие ищут с металлоискателями.

Но и они далеко не забираются – говорят, вы там совсем одичали, между собой режетесь и всех чужаков убиваете. К тому же с кэртами у нас отношения до сих пор прохладные, а все-таки это их территория...

– Как с кэртами? – изумился Руслан. – При чем тут кэрты? Их же еще наши прадеды прогнали!

– Прогнали – не прогнали... По закону это их земля. А на самом деле все непросто! После первой войны тут лет тридцать все кипело. Кэрты с войсками сунутся, люди Апсны их порежут, те вопят: урусы виноваты! Воюют с нами же на нашей земле – оккупация! А урусам только этого и не хватало. Им в Евросоюз вступать, а тут снова под боком то теракт, то диверсия... Сплошной урон международному престижу! И вот наконец собрались вместе с европейцами и сообща решили – оставить Апсны в покое. Кэрты говорят: «Хорошо, мы уберем войска, но пусть тогда и урусы тоже проваливают со своими «миротворцами»!» И тогда поставили две Стены: одна на востоке, другая на западе, и заключили договор об изоляции на пятьдесят лет...

– А как же люди Апсны?! – воскликнул Руслан. – Неужели их никто не спросил?

– Да твои же сородичи это и предложили! «А уходите все, – говорят. – Нам без вас спокойнее будет». Так и закрыли границу на замок – и стало тихо.

Руслан молча покачал головой. Он не знал, что ответить...

– Оставайся здесь, парень! – уговаривал его старик. – Что тебе там делать, в вашей глухомани? А тут цивилизация. Мы тут нынче, тьфу-тьфу, живем мирно, богато... Да ведь и не дойдешь до дома, на mine подорвешься...

– Нет уж, я лучше пойду, – сказал Руслан.

«Все это надо непременно рассказать старейшинам, жрецам... Дяде...» – думал Руслан на обратном пути. Пусть решают старшие... Но чем больше думал, тем яснее ему становилось, что решать-то надо ему. Если он поделится тем, что видел, и передаст слова старика – ему просто не поверят. Или скажут, что он попал в преисподнюю, и там его заморочили дэвы... А если поверят – не будет ли только хуже? Ведь если он вернется и расскажет, что никакой Стены больше нет, – не сделается ли их тихая и прекрасная земля такой же, как эта безумная Уруспыла? Не мудрее ли поступили его далекие предки?

Руслан вошел в Атон-джец в сумерках и сразу понял – в городе праздник. Весь род Тура гулял и веселился. На берегу горели костры и тянуло жареным мясом, женщины ходили, украсив лоб и запястья серебром, а на главных воротах подворья Тура, на месте прежнего оберега, конского черепа, висел новый – круглый стеклянный глаз с котел величиной, с коротким оборванным хвостиком. Вот только заставить его светиться местным колдунам не удалось. Не иначе как Батал вернулся домой! А вот и он сам – с ног до головы в новой пятнистой одежде и голубой плоской шапочке, стоит, подбоченившись, у костра и рассказывает о своем героическом набеге на кэртов, и все, даже старики, с благоговением ему внимают.

– Руслан! – радостно воскликнул Батал, заметив друга. – Наконец-то! Тебя уже и не ждали, думали, дэвы сожрали тебя под горой. Ну, где ты был? В преисподней? Или все-таки дошел до западной Стены? Ну, что там за ней?

– Нигде я не был, – ответил Руслан, опустив голову. – И никакой Стены не видел. Струсил и повернул обратно.

Денис Чекалов

Свистящий Страх

Снежана Кэмерон, киборг класса 75-XWP, поправила на носу очки в тяжелой оправе и постучала по столу тонким изящным пальчиком.

– Тихо, – приказала она.

Очки ей, разумеется, не нужны – она же киборг. Но Снежана считает, будто так выглядит цивилизно.

Не знаю, правда, что это значит.

Я как-то заметил, что ей стоит попробовать носить юбки чуть-чуть подлиннее. Так, чтобы их хотя бы не путали с поясом. Но она не прониклась.

По столу, с места удара, потекла тоненькая трещина.

Над нашими головами сверкал и плевался искрами голографический куб. Вообще-то там можно написать все что угодно – от «С днем рождения» до «Затопим шахты на Марсе». Главное – заплатить владельцам торгового зала.

В десяти футах от нас, к примеру, сияло объявление: «Имплантаты», а напротив – «Продай себя в рабство на 10 лет». Здесь с полсотни подобных будок. Одни арендуют постоянно, другие – временно.

Над нашей порхал знак: «Прием прошений в Гильдию дипломатов».

Вокруг стоял такой шум, что я спросил себя – как люди жили раньше, когда среди них не было телепатов? Здесь таких больше половины, и все равно гул голосов сплющивал мою несчастную голову, превращая мозги в ломтик плавленого сыра.

Я поздравил себя с тем, что переманил к себе Снежану из Альянса наемников. Теперь я мог просто страдать от утомления, пока она работает.

Маленький человечек подсеменил к будке. Из его носа высунулась крошечная голова на тонкой шее и осведомилась:

– А где портал на Бетельгейзе?

– Я справочная? – мрачно осведомилась Снежана.

– Нет, – отвечало существо. – Но туда очередь больше.

Девушка пронзила его негодующим взглядом, и крошечная голова сразу же спряталась в нос. Человечек поднял невинные круглые глаза, давая понять, что никак не может отвечать за дерзость своего соседа по телу.

– Шестой терминал справа, – буркнула красавица-киборг.

Существо кивнуло – при этом вторая голова вывалилась у него из носа и запрыгала на шее, словно шар на резиночке. Потом оно растворилось в толпе.

Обычно здесь вместо будки стоит стандартный мегакомпьютер, торгующий кофе, пончиками и стереокомиксами. В него же вы можете заковырять свое прошение, и через шесть микросекунд оно просочится в штаб-квартиру Гильдии дипломатов.

Однако время от времени арендатор должен сам появляться возле своего стенда. Таковы правила, введенные после Второй пончиковой войны, – тогда выяснилось, что в забытом на сто одиннадцать лет автомате появилась разумная жизнь.

Разгоревшийся из-за этого вооруженный конфликт привел к падению протектората Скорпиона – впрочем, если вы не с Беллатрикса, то наверняка проходили это в школе.

На Беллатриксе школы запрещены.

У будки затормозила женщина. Если мода измеряется в миллионах кредитов, то она была одета очень модно. Позади нее телепался человек среднего возраста, на лбу которого разве что

не было написано: «Муж».

Сперва мне показалось, будто она ведет его на поводке. Потом я понял, что он поправляет галстук.

– Вы должны спасти нашего сына, – сказала она.

Гильдия дипломатов никому не отказывает в помощи. Однако я все же считал своим долгом уточнить:

– Вы уверены, что не ошиблись адресом?

Я указал на правый дальний ряд будок, выстроившихся вдоль стены. Над ними поднимались надписи:

«СПАСЕНИЕ НЕВИННЫХ»

«СПАСЕНИЕ ПРИНЦЕСС ОТ ДРАКОНОВ»

«СПАСЕНИЕ ДРАКОНОВ ОТ ПРИНЦЕСС»

«СПАСЕНИЕ МИРА с наценкой на инфляцию»

От пятой будки виднелись лишь буквы «СПА», так что, возможно, там уже предлагался уход за кожей или вид на Спасскую башню.

– Вы не понимаете, – женщина замотала головой, как корова, пытающаяся прогнать комара. Наверняка она говорила эти слова мужу по сто раз на дню. И считала его весьма непонятливым.

– Вы должны спасти нашего сына от него самого. Он решил бросить нас.

Эндрю Стивенсу было лет двенадцать.

Одни в его возрасте хотят стать астронавтами, другие – полицейскими. Парень, который учился вместе со мной в колледже, говорил, что станет боссом наркомафии. Последнее, что я слышал о нем, – он работает в хосписе, и больные его боготворят.

Детские мечты никогда не воплощаются в жизнь.

Поэтому Эндрю Стивенс решил навсегда остаться ребенком.

Светящийся бирюзовый шар переливался тысячью мерцающих брызг. Комната сверкала стерильной чистотой хрома, стекла и пластика.

– Мальчик погружен в энергетическую сферу, – пояснил осьминог-служитель. – Нанороботы поддерживают его тело в идеальной физической форме.

– А разум? – спросила Снежана.

– Ученые давно установили, что у людей его нет, – отмахнулся спрут. – Согласно звездному кадастру, землян нельзя считать разумными существами. Они находятся где-то между личинками жуков и жабами с Альдебарана.

Он развел лапами, словно соболезнавал жалкому человечеству.

– Но если вы имеете в виду сознание мальчика, то оно подключено к компьютерной игре «Амазонки и кентавры». Согласно желанию мистера Эндрю Стивенса, он будет оставаться там всю свою жизнь.

Магда Стивенс – так звали женщину в модно-дорогом платье – заломила руки. К счастью,

только себе, а не мужу. Она бы могла.

– Видите, что сделал с собой мой мальчик! – вскричала она, и осьминог узрел новое подтверждение тому, что людей нельзя считать разумными существами. – Проклятая сатанинская реклама промыла ему мозги.

Женщина бросила взгляд на мужа, явно обвиняя того в непослушании сына.

– Сперва он хотел лазерный меч. Потом костюм Героя-Морлока. Теперь вот это. Зачем? Мы ведь подарили ему столько развивающих игр. Например, «Хоббит и налоговое законодательство» или «Джимми-нейрохирург».

– Юный мистер Эндрю – большой поклонник нашей игры, – возразил осьминог. – И решил остаться в ней навсегда. Это его право, закрепленное в конституции.

Миссис Стивенс выпучила глаза. Сперва я даже подумал, что она наполовину жаба с Альдебарана.

К несчастью, нет.

– Кто оплачивает все это? – спросил я.

В разговор вступил профессиональный муж:

– Наш сын. У него есть собственные деньги, их оставила ему бабушка.

– Вы обращались в суд? – спросила Снежана.

Рот миссис Стивенс дернулся, словно она ухватила что-то зубами и ни за что не собиралась выпускать.

– Мы его проиграли, – выцедила она. – Эта жирная туша, судья, сказала, что Эндрю вправе сам распоряжаться своей жизнью. Но это же неправда! Он наш сын.

Она говорила о нем словно о ковре, который не достался ей при разделе имущества.

– Вы поможете нам?

Лицо миссис Стивенс от жалости к себе превратилось в каплю, которая едва не скатилась с шеи вместе с головой.

– Прошу вас, поговорите с моим сыном. Меня он давно не слушает.

Муж, естественно, в расчет не брался.

– Это наша единственная надежда.

Я пытался разглядеть очертания маленького мальчика среди всполохов бирюзовой сферы.

Мы стояли на вершине холма, и нежные перистые облачка бежали над нашими головами.

Так красиво бывает только на Касторе Прайм, в созвездии Близнецов. Но даже там не найти столь нежного аромата роз.

– Графика так себе, – мрачно сообщила Снежана. – Или я не тот разъем подключила.

Я неторопливо спускался по тропе, усыпанной золотым песком, и любовался тем, как небо отражается в капельках росы на траве.

Погружение в виртуальную реальность было полным. Создать совершенный мир сложно, но заставить человека поверить в его реальность – почти невыполнимая задача.

По крайней мере Господу это не удалось.

Большинство разработчиков предлагают игрокам страшные игры. Планеты-кладбища, населенные вампирами и зомби. Подземные туннели, тянущиеся на мили и мили вниз, без лучика солнечного света. Холодный, бездушный мегаполис, где правят бал корпорации.

В отличие от них «Амазонки и кентавры» – прекрасная, волшебная страна, где живут единороги и халфлинги, прекрасные нимфы и благородные эльфы. Впрочем, вы наверняка сами играли в нее.

Хотя бы чуть-чуть.

И, как в любом раю, здесь были свои демоны.

Огромное существо с четырьмя крыльями, взмахивая шипастым хвостом, налетело на воина-скелета с гигантским ржавым мечом в руках. При каждом ударе из костяного бойца обильно плескала кровь – хотя взяться ей было неоткуда.

Я не знал, кто из них – монстр, а кто игрок. Да и не хотел выяснять.

Высокий человек в длинной белой одежде предстал перед нами, творя сложное заклинание.

– Я – Наблюдатель, – произнес он. – Представляю интересы компании. Вы не должны мешать нашим игрокам. Его руки продолжали вертеться, и он пояснил: – Художник добавил мне эти жесты для красоты. Порой чувствую себя очень глупо.

– Неудивительно, – съязвил я.

– Мы хотим поговорить с Эндрю Стивенсом, – веско сказала Снежана. – Суд разрешил ему навсегда остаться в игре – но при условии, что родители и те, кого они сочтут нужным прислать, будут иметь возможность общаться с мальчиком по первому требованию.

Столь длинная фраза весьма озадачила Наблюдателя, привыкшего общаться с людьми при помощи слов «dk ty afk».^[1] Он сотворил пару голубей, которые взлетели к небесам яркой радугой, и отошел в сторону.

Эндрю Стивенс сидел у высокого дерева. Справа от него лежала груда досок, из которых он сосредоточенно делал боевые шесты.

– Вас прислали мои родители? – спросил он, не поднимая глаз.

Я шагнул к нему, и перед моим взглядом вспыхнула надпись: «Вы находитесь в безопасной зоне. Любые сражения невозможны». Вскоре она исчезла.

– Как ты догадался? – Я сел рядом с ним.

Он пожал плечами, как горожанин, объясняющий провинциалу, что такое метро.

– Над вами белая надпись «гость».

– Твои родители беспокоятся, – сказала Снежана.

– Почему? – Он искренне удивился. – Это совершенно безопасный мир. Здесь я не могу попасть в автокатастрофу, поскользнуться в ванной или отравиться ГМ-черникой.

– Какой? – спросила Снежана.

– Генно-модифицированной, – пояснил я.

Она с силой стукнула себя по виску – так человек бьет по неисправному телевизору.

– Вот черт. Забыла – мне же пришлось выгрузить дополнительные словари, чтобы попасть сюда.

У киборгов память не чета нашей, и параметры игры не были на нее рассчитаны.

Эндрю вновь занялся боевыми шестами.

– Тебе помочь? – спросила Снежана.

Он посмотрел на нее как на полоумную.

– Это делается для тренировки, – пояснил я.

Девушка встряхнула головой.

– Люди платят большие деньги за то, чтобы заниматься ручным трудом? Разве вы создали машины не затем, чтобы избавиться от него?

Я еще не встречал киборга, который бы играл в компьютерные игры. Им скучно.

– Ладно, Эндрю, – сказал я. – Рад был повидаться. А что, хороша игра?

Я ожидал, что на меня польется щенячий восторг. Но передо мной сидел юный циник, убивший больше орков и некромантов, чем я съел пончиков.

– Ничего, – ответил он. – Я играю еще в восемнадцать. Но чаще в эту.

Хотелось сказать нечто мудрое, прежде чем раствориться на фоне заката. Однако ничего в голову не пришло. Снежана выдала:

– Если будешь делать дубинки, поднимешь навык быстрее.

- Насколько?
- На полпроцента.

Он закрыл глаза, видимо что-то подсчитывая. Потом принялся вырезать дубинку.

Серая тень, появившаяся на далеком горизонте, начала стремительно приближаться к нам. Эндрю поднял голову и пробормотал несколько слов – таких, которые в его возрасте не то что произносить, но даже и знать не следует.

– Свистящий Страх, – пробормотал он. – Вот ведь не повезло.

– Что это? – спросил я скорее из вежливости.

– Самый сильный монстр в игре, – пояснил мальчик. – Его еще никому не удавалось победить, даже командой. Теперь он убьет нас всех.

– Разве здесь не зона безопасности?

– Да, но Страх это не остановит.

– Я не могу вывести нас из игры, – сообщила Снежана.

– Правильно, – согласился Эндрю. – Никто не может, если рядом Страх. Но вам-то что? Вы не игроки, всего лишь гости. А вот я много опыта потеряю. Черт...

Он по-прежнему сидел под деревом, даже не пытаясь убежать. Только прекратил вырезать дубинки и бессильно откинулся спиной на широкий ствол.

Серая тень все приближалась. У нее не было ясных очертаний – она походила на облако, непрерывно меняющее форму.

– Я не собираюсь ждать, пока меня убьют, – воскликнула Снежана. – Надо защищаться.

– Не будь смешной, – я снова опустился на траву рядом с мальчиком. – Это всего лишь игра. Иерарх Гильдии дипломатов не может сражаться с мультиком. Расслабься и получи удовольствие.

– Ну уж нет.

Снежана подняла правую руку, и та от локтя до кисти превратилась в шестиствольный пулемет. Эндрю и ухом не повел. Во-первых, люди вообще не умеют шевелить ушами – хотя пословица вроде бы утверждает обратное. А во-вторых, для компьютерной игры подобные фокусы – такая же редкость, как деньги у ростовщика. Вот если бы юный Стивенс узнал, что моя партнерша способна на этот трюк и в реальной жизни, – он, возможно, перестал бы считать «Амазонок и кентавров» самым занимательным развлечением в мире.

Девушка-киборг вскинула оружие и прицелилась.

– Я тебя умоляю, – простонал я. – Не позорься. А если журналисты узнают? Нет, придется мне для таких случаев заказать табличку «Я не знаю эту девушку».

Свистящий Страх замер над нами, как Винни-Пух, летящий на воздушном шарике, над Пятачком, и Снежана действительно выпустила в него очередь из пулемета. Может, ей стоило остаться в Альянсе наемников?

Монстр развернулся и полетел прочь.

– Впервые вижу, чтобы он отступил, – сказал Эндрю с ленивым интересом. – Наверное, потому, что вы гости. Гостям оружие не положено, оттого и сбой.

– Я подам в суд на вашу компанию, – сказала Снежана.

Осьминог развел шестью щупальцами сразу. Развел бы и двумя оставшимися, но на них он стоял.

– Это какая-то ошибка, – сказал он с искренностью мошенника. – В игре «Амазонки и кентавры» нет Свистящего Страха. А в безопасной зоне монстры не нападают на игроков.

Правая рука девушки все еще сохраняла форму пулемета, приводя служителя в трепет.

Думаю, Снежана сделала это нарочно.

– Мой мальчик, – болботала Магда, отпихивая в сторону мужа – больше по привычке, чем из необходимости. – Когда он вернется домой?

Я повернулся к ней:

– Вы можете пригласить другого специалиста, миссис Стивенс. Но, думаю, результат будет тот же. Ваш сын уже достаточно взрослый, чтобы распоряжаться своей жизнью. Суд это подтвердил. Раз он не хочет покидать компьютерную игру... – Я пожал плечами. – Это лучше, чем принимать наркотики или торговать ими.

Магда закултыхалась, и я понял, что у юного Эндрю была веская причина сбежать из дома.

– Вы не можете говорить всерьез, – заявила она. – Ведь это все ненастоящее. У моего мальчика все впереди – жизнь, карьера. Он должен возглавить семейный бизнес, жениться, завести детей...

– Чем вы занимаетесь? – спросил я.

– У нас небольшой химический концерн на Альтаире, – ответил супруг. – Мыло, порошок, туалетная бумага...

Я кивнул:

– Волшебство, приключения, сокровища – или туалетная бумага. Для нормального человека выбор очевиден, не так ли, миссис Стивенс?

С этим я ушел.

Следующий день выдался довольно хлопотливым, но, к счастью, мне некуда было спешить. Я передал все текущие дела другим иерархам Гильдии, написал прошение об отставке и к вечеру вновь оказался в штаб-квартире игры «Амазонки и кентавры».

Хром, стекло и пластик по-прежнему окружали меня, и восьмирукий служитель все так же вежливо улыбался, словно я никуда и не уходил. Только на сей раз я находился уже в другом отсеке – в том, что станет моим.

– Вы сделали правильный выбор, – произнес спрут. – Вам остается только подписать эти бумаги, и ваша жизнь полностью переменится. Разумеется, вы сможете покинуть игру, как только захотите. Но... Он хитро прищурился. – Еще никто этого не делал.

Лазоревое небо вспыхнуло над моей головой. Две яркие бабочки вспорхнули из-под ног, большая мохнатая собака доверчиво потерлась о мое колено.

«Добро пожаловать в игру!» – вспыхнула и погасла надпись.

Я снял со спины кирку и неторопливо подошел к неровной серой стене, в которой виднелись золотые прожилки. Работа шла быстро, и через пару часов возле меня уже высились шесть груд драгоценного металла. Собака, высунув язык, с интересом смотрела на меня.

В кармане зазвонил мобильный. Я вытащил его, разложил вдвое, потом еще и еще, пока он не превратился в Снежану Кэмерон.

– Не думала, что тебе удастся пронести меня сюда, – заметила девушка. – Иначе пришлось бы закачать мою программу тебе в мозг.

– Мы не настолько близко знакомы, – ответил я. – Что дало сканирование?

Она хмыкнула.

– Мы были правы. Все дело в Свистящем Страхе. Все остальное работает как часы, а вот его в игре быть не должно. Думаю, именно он удерживает здесь детей.

Я вскинул кирку на плечо.

– Значит, пойдём и убьём его, – предложил я. – Только что делать с золотом? Я два часа копал. Жалко оставлять.

Снежана вскинула руку, превратившуюся в дуло гранатомета, и я поспешно зажал уши. Через мгновение там, где лежали мои сокровища, появился симпатичный кратер.

– Теперь другим не достанется, – бросила девушка. – Пошли.

Собака смотрела на нас осуждающе.

– Как ты думаешь, что это? – спросил я.

Я уже сожалел, что создал нового персонажа. Надо было купить готового, который умеет телепортироваться, летать или хотя бы лошадь в банке хранит.

Девушка встряхнула роскошными черными волосами:

– Тут и думать нечего. Компьютерный вирус, который просачивается в мозг. Он и заставляет человека навсегда остаться в игре. Виртуальные наркотики – идеальный способ зарабатывать деньги.

– Наивная ты у меня, Снежа, – усмехнулся я. – Их же проверяет Имперский комитет по развлечениям и порнографии. А от него и пиксель не утаишь. Нет, крошка. Эта тварь – воплощение человеческих тревог и страхов. Людям свойственно бежать от действительности, а тут им предложили идеальный мир. С каждым разом покидать его все труднее. Страх игроков перед реальной жизнью все усиливался и наконец воплотился в монстра. Помнишь, что случилось с тем аппаратом для пончиков? Так и здесь – живое существо возникло само собой, питаясь эмоциями игроков.

– Такого не бывает, – сказала Снежана.

– Поспорил бы с тобой, да не хочу обижать маленьких.

– Ладно, спорим. На что?

Я остановился:

– Если я прав – ты поставишь себе фильтр нецензурных выражений.

Девушка задохнулась от возмущения:

– Тогда я буду не я.

Я хмыкнул:

– Говорил же, не хочу спорить с кнопкой.

– Ладно.

Снежана глубоко засопела, изобретая ставку:

– Когда ты убедишься, что это вирус, – ты на мне женишься.

Я отмахнулся:

– Снежа, я не могу, ты ведь киборг. Вы гораздо более совершенная форма жизни, чем люди. Согласно звездному кадастру, браки между нами запрещены.

Она пожала плечами:

– Тогда возьму тебя в рабство. Это почти одно и то же.

Я нарочито громко засмеялся:

– Согласен. Ты все равно не выиграешь.

Свистящий Страх завис на дне узкого ущелья. Почуввав нас, он стал медленно подниматься по склону. Монстр не спешил – знал, что нам не сбежать.

– Кибернетическая форма жизни, – сказала Снежана, проводя перед ним сканером. – Но не разумная. Посмотрим, что у него внутри?

Ее руки превратились в две ракетницы, и я вновь поспешно заткнул уши. Серое облако разлетелось на рваные клочки. Девушка шагнула вперед, пытаясь рассмотреть их сквозь дым.

– Свадьба, – сказала она.

– Фильтр, – возразил я.

Лоскутки Страху несколько секунд кружили в воздухе. Потом они дрогнули, вспыхнули, вознеслись вверх и, с громкой веселой песенкой, закрутились и заплясали надписью: «Покупайте пончики через Интернет».

– Рекламный баннер? – спросил я.

Я не спеша опустился на траву.

– Да, и к тому же трехлетней давности, – согласилась Снежана. – Наверное, его просто не до конца стерли, и обрывки программы постепенно превратились в монстра.

Я положил кирку на колени:

– Значит, не он удерживал людей здесь?

– Нет, он просто не мог.

– Тогда почему они это делают?

Снежана почесала затылок:

– Не знаю. Наверное, просто игра хорошая.

Я озадаченно смотрел на рекламу:

– Но это же глупо. Гд е мораль? Наставление юным читателям?

– Не знаю, – повторила Снежана. – Может быть: всегда носите с собой ракетницу?

Мне пришлось заплатить большой штраф за то, что я протащил киборга в игру и к тому же пользовался там запрещенными видами оружия. Я подал встречный иск, и все остались при своих.

Прощение об отставке я, естественно, так и не отправил – а осьминог до сих пор обижен на меня за обман.

Эндрю Стивенс играл в «Амазонок» два года подряд, потом бросил. Он закончил школу экстерном и теперь учится на адвоката по налогам. Все же хоббит старался не зря.

Его отец обчистил кассу компании и сбежал с секретаршей.

После его ухода Магда начала сильно пить и несколько раз устраивала пьяные драки в барах. Имперский суд приговорил ее к трем годам домашнего ареста, и, поскольку Эндрю оплатил пожизненную подписку на игру «Амазонки и кентавры», его мать коротает время там.

Теперь она летает над изумрудными полями в облике твари с четырьмя крыльями и рвет игроков в куски. Особенно достается новичкам – к ним Магда просто безжалостна.

Впервые в жизни она абсолютно счастлива.

*Совсем другие времена —
Иные имена.*

«Ария»

– Пристегните, пожалуйста, ремни. Через несколько минут мы совершим посадку, – произнес приятный женский голос.

Я отложил буклет в сторону. Что, в сущности, я знал о Танатосе? Население – двадцать тысяч человек, два космопорта, четыреста гравилетных площадок. Один спутник на орбите. Еще, правда, город – тоже один. Интересно, как они тут живут?

За окном изгибалась зеленоватая поверхность планеты. Мой сосед, распаренный толстяк в дорогом костюме, потыкал в ее сторону пальцем:

– Вот они, настоящие инвестиции. Не ярусные сады и не метан, нет. Там – будущее.

Я деликатно промолчал. Моя командировка только начиналась, и отягощать ее знакомством было не с руки. Уцепив за ремень сак, я поднялся вслед за остальными. Ручеек пассажиров вытекал в прохладу вестибюля.

– Теодор Юй-Бергман? Какое обращение предпочитаете: господин или товарищ?

Мне было все равно.

– Добро пожаловать! – Лицо девушки на миг осветила стандартная улыбка, а затем все ее внимание перешло к новому клиенту.

Пройдя гало-цыпленка – монополиста линий дальнего сообщения, – я ступил на пластон. Волосы ерошил легкий ветерок. В воздухе пахло чем-то неявным, но настраивавшим на лиричный лад.

Транспорт был обычный, разве что чуть поновее земного. Закинув мешок в дянькар, я приложил ладонь к панели и назвал адрес – Тамагуйя-Ритц. После Альфы контраст был разительным: ни шума, ни грохота машин. По пути нам встретилась только одна белая торпеда, которая неслась навстречу.

Поклонившись гин'у, я вошел под сень лавров. Услужливый портье сразу подхватил вещи:

– ...вам у нас понравится, – на ходу увещевал адрастеянин. – Чистый воздух, свежая артезианская вода – все по индексу 6-А. Кстати, в этом году открывается второй в Шэньтауне павильон. Есть любые услуги, в том числе сной-той и дилдо. Если хотите, можно заказать прямо в номер.

Спровадив назойливого служащего, я огляделся. Непритязательно – зато, по крайней мере, чисто. На столик легли мои нехитрые богатства: початая банка с кристаллином, ингалятор и щипцы. Особое место нашлось и маленькому образу Иисуса в яшмовой рамке.

Визор осветился сиреневым. На местном семви работали два канала: развлекательный для пенсионеров и «тринадцать плюс». Если все действительно обстояло так, как говорил портье, платить за имитацию утех на дискане не было смысла.

Запечатав мембрану, я решил прогуляться до бара. Из полусотни столиков были заняты максимум пять, найти свободный угол не составило труда. Перемигиваясь лампочками, сразу же подкатил официант. Кредитка – стандартные «ноль-восемь» – легла в щель идентификатора.

– Заказ подтвержден, метасинт имеется на складе. Предупреждение: минимальный лимит для крепких напитков составляет двести граммов. Желаете заказать что-нибудь еще?

Я не желал. Под столом, тихо загудев, заработал стимулятор. Из щелей доносилась музыка, смесь ритм-энд-блэка и сорроу. Не в моем вкусе, но вполне расслабляюще – если, конечно, к барной музыке применимо такое слово. Внутри включился невидимый счетчик: за столом можно было просидеть два часа, а после начинала расти наценка. Большие парни из Метрополии умели считать свои юани. Время потянулось как мед.

– К вам можно? – произнес женский голос.

Я медленно поднял глаза. Красивая. Примерно моих лет – хотя нет, могу ошибаться: смотреть надо на шею и руки, а их скрывала черная ткань.

Голова автоматически кивнула – видимо, я уже достаточно набрался. Незнакомка, улыбнувшись, устроилась напротив. Напиток обжег горло терпкой полынью.

– Пьете один? Зря.

– Иногда, особенно после крупных городов, хочется побыть в тишине.

– Понимаю, – голос у нее был грудной и какой-то... волнующий. – Я тоже считала это место провинцией, какое-то время. Потом – привыкла.

– Думаю, мне привыкать не придется, – ответил я, отхлебывая. – Челнок прилетел сегодня.

– А, утренний рейс. К нам нечасто прибывают гости, я хочу сказать – те, с которыми можно поговорить, – она рассмеялась. – А вы как: по делу или просто так?

– Работа... – Рука безнадежно махнула. – Надеюсь, пробуду две недели, в смысле – не меньше. Говорят, здесь у вас неплохо.

Она не ответила.

– Теодор, – я протянул руку.

– Елена дин Макабре.

– Так вы из местнорожденных! – Я хлопнул себя по лбу. Действительно, как это сразу не догадался.

– Да. А в вас, Теодор, есть нечто старомодное, – моя новая знакомая понизила голос. В глазах плясали темные искорки. – Что-то от кавалеров на лаковом полу, парашютистов и агентов в черных плащах. Вы случайно не секретный агент?

– Что вы! – Я рассмеялся. – Просто страховой инспектор.

– Ага... – Гостья на секунду отвела взгляд, словно бы что-то оценивая. Затем кивнула. – Ну тоже неплохо. Знаете, когда кругом изо дня в день видишь одни и те же лица, поневоле привыкаешь... Начинаешь считать их чем-то постоянным, вроде мебели. Вам знакомо это чувство?

– Честно говоря, нет, – я коснулся печатки, и молния смокинга послушно отошла до половины. – Я приверженец свободных отношений, как и все в Тегеранской юнии. Мою ориентацию можно было бы охарактеризовать как б-прим, хотя, наверное, это все же чистая бета.

Рука устремилась к бокалу, но тот оказался пуст. Серф наполнил стекло темно-вишневым.

– Ну а вы как? Разведены? Или... – Мой взгляд невольно скользнул по черному.

– Замужем. Он небольшой чиновник в департаменте, мы из традиционалистов, – пояснила Елена. – Можно я буду называть вас просто Тео?

– Пожалуйста, – наши глаза встретились. Помада в ультрафиолетовом свете сияла алым. – Если хочешь.

Она молчала. Биосветляки озаряли сумрак крохотными вспышками. Что-то заставляло меня принять эту игру.

– И что дальше?

– Как обычно... Поговорим?

Почему бы и нет.

Похоже, намечалось небольшое садомазо: приятное разнообразие после недели пути. Интересно, о чем пойдет речь? О моих прежних партнерах или о размере? А может...

– Скажи, Тео, а тебе нравится твоя жизнь? – неожиданно спросила Елена.

– Не знаю. Я не задумывался, – вопрос застиг меня врасплох. – У меня хорошая кредитная история, меня ценят. В офисе моя печать дважды висела у входа.

– Я не об этом. Как там у Чжу Ни: «Быть прославляемым в кругу семьи...»?

– Мой ценз еще не вышел. Пока об этом рано говорить. Буду думать, когда придет срок.

– Но ты счастлив?

– Моя жизнь – это польза компании, – я взглянул на циферблат – Хон! Мне пора. – Время пролетело, как один миг. Превозмогая качку, я стал подниматься.

– Это значит – да?

– Это значит завтра.

Паучок под кожей зашевелился, начиная цикл очистки.

– В час, на пересечении сто шестьдесят седьмой и белой, – дин Макабре улыбнулась одними губами. – Не опаздывай.

* * *

– Кто теперь возместит мне ущерб? Скажите, кто? – Алерик Фуст еще раз пнул ногой оранжевый цилиндр. – Жэнь та бяо лян!

Четыре неопарника наполняли воздух легким запахом орхидей. Обломки пятого – вместе с роботом-чистильщиком последней модели – торчали из-под капсулы, и не похоже было, чтобы оставались шансы что-то из них извлечь.

– Хорошо. Давайте вы еще раз объясните мне, что это за штука и откуда она здесь взялась?

– Их, – господин Фуст вздохнул и заложил руки за подтяжки, – ладно. Вы, наверное, знаете, что культивация растений на планетоидах – очень трудная задача. Почти невыполнимая, сказал бы я. Это делает цветы особенно ценными, ведь они не имеют практической пользы.

Мы, Фусты, уже три поколения занимаемся выращиванием *Cattleya labiata*. Грунт на Танатос завез мой дед – тогда планета только рассматривалась как перспективная. Шесть тонн, все наше тогдашнее состояние. Семена пришлось брать у Всемирного банка, это было... не очень приятно.

Я кивнул.

– С каждым поколением площади удваивались, расходы, соответственно, тоже. Вы знаете, сколько всего им нужно? На один квадратный метр уходит двадцать литров воды, и это – не считая кальция, магния и ньясу. Мои дети очень нежные, вы понимаете...

– Ваши дети?

Фуст густо покраснел.

– Ну, я их так называю. Поймите, мистер Бергман, у меня нет наследников, и орхидеи – моя единственная любовь. Они как собственная плоть. Беззащитные, нуждающиеся в опеке, требовательные. А эти... – Мужчина погрозил небу кулаком. – Они убили их, та маде!

Словно в подтверждение его слов, зашевелился торчащий из-под капсулы манипулятор. Я поднял глаза:

– Значит, владелец контейнера...

– «Инжекто». Компания принадлежит руссоояпонцам, у них здесь небольшая община, – Алерик поморщился. – Не люблю этих якудза. Впрочем, у них наш гелий.

– То есть подобное уже случалось?

– Вообще-то нет. При моем отце был дождь Огненных Камней, в парниках побило стекла. Власти приняли меры – но этого, как всегда, оказалось недостаточно. Именно после того случая мы решили застраховаться в «Шинзи».

Я почтительно склонил голову.

– Полный пакет, все включено. Говорят, у вас лучшие дознаватели.

– Это правда.

– Я простой заводчик цветов, – начал Фуст доверительно. – С меня берут налог с физических лиц, подоходный налог. Налог на обеспечение безопасности. Налог на биосферу. Еще шесть налогов, на которые, похоже, всем здесь наплевать, во нан фэй.

Сверившись с тонгшеном, я сообщил:

– Господин Фуст, у меня для вас две новости, хорошая и плохая. Хорошая заключается в том, что ситуация подпадает под параграфы 7 и 19 действующего соглашения, и компания берется за возмещение. Плохая – возможно, придется судиться с «Инжекто». А на это нужно время.

Кроме того, производитель робота может выразить сомнение, что случай гарантийный, и тогда вы сможете рассчитывать самое большее на бесплатный ремонт. На Ио. От полугода и дольше.

– Ерунда, – бросил цветочник сварливо. – По сравнению со всем остальным, его стоимость – пара центов. После второго кризиса.

Я вежливо улыбнулся.

– Претензии?

– О чем речь. Знаете, господин Бергман... С вами приятно иметь дело. Похоже, мой предок сделал правильный выбор, пин юн вашу компанию.

– Еще один вопрос. Отвлеченный, если позволите, – на секунду я засомневался, но потом решил: – Вы случайно не знаете госпожу дин Макабре?

– Супруга Тамира Закье, из местных. Видел ее пару раз, она любит гулять по аллеям. – Фуст огляделся. – Красивая женщина.

– Огромное вам спасибо!

– Не за что. Сегодня же отправлю список вам на хало.

* * *

– Хотала, – произнес начальник полицейского управления Ван Вэй, поднеся чашку к губам. Потом аккуратно поставил ее на стол.

Чай был горячий и сладкий, как хосин келе, мята – горчила, как табак. Комната, оформленная в кантонском стиле, поражала аскетизмом. Хозяин – одетый в халат крупный мужчина лет пятидесяти – смотрел на меня прямо, без всякого выражения. Над бамбуковым столиком вращалась трехмерная модель сектора, в глубине которого плыла яркая точка – Танатос.

– Итак, что вы хотите от меня услышать?

– Прежде всего, насчет «Инжекто»...

– Компания основана переселенцами. Прежнее название – «Эксако», потом, правда, ее перекупили руссояпонцы. Полностью легальный бизнес, стопроцентный фидбэк.

– Чем они занимаются?

– Пояс Кайпера, – глава службы безопасности указал внутрь спирали. – Каждые тридцать два дня мимо нас пролетает комета Санги, ее хвост на четверть состоит из тяжелого гелия. Как

только спутник набирает достаточное количество газа, он сбрасывает вниз патрон. Система полностью автономна: новые оболочки синтезируются из солнечного света и метана, старые – подбираются ю фэй в атмосфере.

– Ловец?

– Ну да. Вроде воздушного шара, только крупнее. Он обхватывает контейнеры, – Ван Вэй сдвинул руки ковшиком. – Как цзин гу, сачком. Потом отправляет их на землю.

– Прежде инциденты были?

– Никогда, насколько я знаю. Система считается абсолютно надежной, фангтан.

– Ладно, а что вы можете сказать насчет господина Фуста?

– Уважаемый человек. Обеспечивает живыми цветами элитные похороны, исправно платит налоги. Его лан хуа известны далеко за пределами планетоида.

– Однако вам он почему-то не нравится, – заметил я.

– Я этого не говорил, – лицо Ван Вэя вновь сделалось каменным. – С чего вы взяли?

– Господин вейбин, у нас с вами приватная беседа. Поймите, мне надо знать о клиенте все, что только можно. В том числе – чтобы исключить страховое мошенничество. Поверьте, я бы не стал вас беспокоить, если бы всерьез не рассчитывал на вашу помощь, цзен шиди.

Несколько минут начальник полиции смотрел на меня взглядом рыбы. Потом неожиданно заметил:

– Сэньшень Алерик Фуст – скандалист. Я бы не сказал, что он пройдоха... Вернее, ничего подобного за ним не водилось. Но если бы у меня спросили, кому я хочу доверить единственный оставшийся юань, Фуста я бы назвал одним из последних. Это не для прессы, вы понимаете.

Я кивнул.

– ...Разумеется, я не хочу сказать, что Алерик Фуст сам бросил на свой участок капсулу, да и вряд ли это возможно чисто технически. Но есть люди, которые буквально притягивают к себе неприятности, нао ши. Так вот Фуст – один из них.

Однако как начальник городской полиции я всегда готов оказать Фусту любую помощь, – закончил Ван Вэй быстро.

– Вы зарегистрировали падение?

– Разумеется, сразу же, как только о нем сообщили. Однако по правилам объекты страховых случаев запрещено передвигать до приезда представителя компании.

– И «Шинзи» вам за это благодарна. – Мы обменялись поклонами. – Думаете, разбирательство не продлится долго?

– Полагаю, нет, – Вэй взял чайник. – Все предельно ясно: произошла ошибка, вину за нее несет владелец груза, то есть «Инжекто». Как только формальности будут улажены, мои люди, мэйю венти, вернут груз прежнему владельцу. Землю заровняют, счет будет прислан виновному.

– Ган бей! – Мужчина поднял тост: – За спокойствие, порядок и процветание.

* * *

«...В результате имело место происшествие, повлекшее за собой ущерб для парника и владельца». Я протер глаза; ерунда какая-то. Мне не нравился йинпин – по сравнению с кантонским ему не хватало выразительности.

За окном занимался рассвет, напоенный огнем из заветных цилиндров. Пора было нанести визит главному фигуранту. Шесть часов бодрствования – нелегкая задача, но «Биотико» пока действовал; значит, должно было хватить и на встречу.

Свежая мордашка секретарши, натуральная нянцин без коллагена, сообщила:

– Господин Танчи Дахуань вас обязательно примет.

Симпатичная. Впрочем, наверное, это был корпоративный бот. Пропыленная торпеда остановилась перед зданием в форме пятиконечной звезды.

– Хао.

Я вовремя удержался от рукопожатия: вместо правой руки у представителя по связям с общественностью был галоновый транскрайбер.

– Итак, господин Юй-Бергман, что вы хотите услышать? – Танчи приложил единственную ладонь к груди.

– Прежде всего должен сообщить, что представляю интересы компании «Шинзи-Ган». – Взаимный поклон. – И ее клиента мистера Фуста.

– Нам известно, – кратко ответил биосинт.

– Хорошо, это сэкономит время. Я должен задать вам пару вопросов, в интересах сторон. Цилиндр не содержит токсичных веществ?

– Абсолютно.

– Вы в этом точно уверены?

– Мистер Бергман, – Танчи поднялся и подошел к окну. – Все, что вы видите, создано гелиевой энергетикой. Все, включая рощи и наше голубое небо, – разве это не доказательство? Содержимое контейнера – чистый гелий-3 плюс два с чем-то процента водорода. Если нужны точные цифры, можете обратиться к пресс-релизу, – менеджер уселся обратно.

Я помедлил. Потом спросил:

– Сэнь Дахуань... А чем, по-вашему, могло быть вызвано падение?

– Понятия не имею. Над этим сейчас работают техники, насколько я знаю.

– Цилиндр имеет отклоняющие системы, двигатели?

– Это закрытая информация.

– Господин управляющий, – я вздохнул, – так мы ни до чего не договоримся. Вы же понимаете, что наши эксперты должны взять пробу на анализ. Но у нас есть проблема: ваша ай пи. Предмет, лежащий на частной территории, должен быть осмотрен, но, поскольку он содержит элементы ноу-хау, требуется обоюдное согласие сторон. Параграф семь-восемь. Могу предложить боковое сверление в присутствии ваших людей... кстати, какова толщина стенок?

– Закрытая информация, – Танчи стиснул зубы. – Но мы готовы обеспечить рукав.

– Очень хорошо. Должен вас проинформировать, что страховая сумма составляет два миллиона триста тысяч юаней. Это не считая стоимости посадок, которые еще предстоит оценить. Считаете ли вы возможным миру...

Молодой человек помотал головой:

– Это совершенно неприемлемо, об этом не может быть и речи. У компании нет свободных средств.

– Но если удастся доказать, что имел место саботаж...

Лицо менеджера окаменело. Танчи приложил ладонь к уху:

– Да. Да. Ясно, – когда он поднял глаза, выражение было совершенно иным. – Разговор окончен. Вам лучше уйти.

– Прошу прощения?

– Уходите, или мне придется вызвать охрану.

– Но, сэнь Дахуань, я еще не назвал полную сумму иска...

– Вон, я сказал! – Мужчина выставил обрубок.

Оказавшись в вестибюле, я вздохнул. Внутри все дрожало: побочный эффект стимулятора с адреналином. Стакан воды был бы как нельзя кстати. На стене, в бесконечном повторе, шли картины счастливых молодых людей на фоне эмблемы.

– Не получилось? Сочувствую.

Я поднял взгляд: картинка из моего визора ожила.

– Вы... Настоящая?!

– Ну да, – девушка засмеялась. Потом подала руку: – Я – Кэти Вонг. А вы, видимо, тот самый страховщик.

– Кэти, а ничего, что вы со мной общаетесь? Обвинение в корпоративной нелояльности вам не грозит?

– Секретарь должен создавать позитивный имидж компании. И потом, один из учредителей – мой отец.

Мы вместе рассмеялись.

– То есть можем говорить спокойно?

– Если речь не идет о закрытой информации, – она погрозила пальчиком. Совпадение?

– Вы молоды.

– Для этой планеты, хотите сказать? Вас интересует, почему я не уехала на Землю? – Причудливый пучок, в который были увиты волосы, колыхнулся.

– Ну... в общем, да.

– У нас очень хорошие законы. И потом, я ведь не могу бросить отца.

– Понимаю. – Шпильки в голове меня определенно завораживали.

– Послушайте, Теодор. Мне кажется, мы могли бы познакомиться поближе.

– И что вы предлагаете?

– Предлагаю «Белый тигр», это такое вымершее животное.

– Надо будет запомнить. Я... – Датчик в плече запульсировал. – Кэти, с вами было очень приятно, правда. Но мне надо спешить.

Фарфоровое солнце улыбалось мне вслед.

* * *

Гирен я оставил у входа, на второй линии. Тащить его дальше не было смысла, все равно скорость на аллеях снижалась гинем до минимума.

Слева и справа тянулись одинаковые монументы. 400 квадратных миль, восемьсот семь тысяч захоронений – «И счет продолжается», как говорил Цяо в своем шоу.

Не все могилы были плитами, кое-где из земли вырастали небольшие храмы. Другие участки, напротив, пустовали – о том, что они не ничейные, говорили золоченые столбцы в ограде. «Удачное вложение», – сказал мой сосед по стратоплану. И он был прав.

Никого. Рука коснулась запястья, в воздухе медленно всплыли и растаяли цифры: 13:07. Цветочные акселераты опустили головки.

Обычная, ничем не примечательная могила. На плите различались слова: «Джон Бrado Дэниелс, 2071–2144» и, чуть ниже: «Все возвращается на круги своя». Последняя буква отбилась. Возможно, я перепутал место? Но тонгшен подтвердил: все так.

Шли минуты. Я уже собирался искать гравилетную площадку, когда впереди замаячила фигура. Забыв про все, я кинулся за ней:

– Елена... Пойдите!

Силуэт скрылся за поворотом. Обескураженный, я остановился, оглядываясь по сторонам. Или мне показалось?

Двухметровые тамариски колыхались на ветру. Видно, это была старая часть кладбища: склепы увивал плющ; по стене шла резьба – скелеты раскинули ноги в нелепом танце.

– Дверь-на-горе, и что же теперь делать...

Справа послышался шорох. Я обернулся – и в этот момент в голову ударило. Сознание ухнуло в колодец.

Душно. И тяжело. Реальность медленно возвращалась. Попробовал пошевелиться – руки и ноги что-то держало. Кругом была темнота, как при выключенной сети. Хон, как я здесь очутился?

Воспоминание ожгло: кладбище. Но разве не должен сейчас быть день? Я попытался крикнуть – рот залепило ватой, датчики молчали. Это было самое ужасное: тишина, отсутствие сигналов. Вообще ничего, словно меня отключили как преступника.

Голова немного кружилась. Попробуем рассуждать здраво: импланты работают и в воде, на глубине до ста метров. Если только... О нет. Я забился в беззвучном крике. Перед глазами, как наяву, всплыла страничка 37 из руководства: «Фирма не гарантирует работу под землей, а также в пещерах».

Руки были стянуты за спиной, пальцы царапали землю. Дикость, средневековая Европа... меня замуровали заживо. Вырваться не получалось. По лицу, извиваясь, прополз червяк.

Затем к шороху грунта добавился новый звук. Что-то происходило. Я чувствовал, как задыхаюсь. Кисти свело судорогой, на лицо упал ком земли... и тут в глаза ударил свет. Кусочек неба все расширялся. В проеме возникла кучерявая голова.

Тихий голос произнес:

– Эй, вы как?

Я сидел на стуле в полицейском управлении Шэньтауна. Одежда пахла землей – робот-уборщик проворно собрал крошки с пола.

Вейбин закончил водить вокруг меня полицейским сканером и покачал головой:

– Считайте, что вам повезло. Рана несерьезная.

– И кому я обязан спасением?

– Эсташ Пибоди, мой помощник, из неопакистанцев.

Я поклонился.

– То есть вы – наследник Европейского Дома?

– В некотором смысле, – тот смущенно отвел глаза. – Эсташ случайно увидел у входа ваш гирен, – пояснил Ван Вэй, – и захотел проверить владельца. Когда поблизости никого не оказалось, сэн Пибоди решил посмотреть дальше. На дороге были следы. Вас волочили.

Начальник полиции помолчал.

– Мне очень жаль, что подобное случилось на вверенном мне участке. Я уже написал рапорт. Если начальство выберет отставку... что ж, я с ней согласен.

– Как?.. – Я закашлялся. – Как они это сделали?

– Лопата. Обычная лопата, – полицейский поднял у двери измазанный в земле предмет, затем положил обратно.

– Еще у вас в крови обнаружены следы стимулятора. Собственно, благодаря ему вы и продержались столько – видимо, преступник не знал об этом.

– Ах, да... пси-фактор, – я потер виски. – Утром готовился к встрече.

– Вы поосторожней, – посетовал Эсташ. – Иначе придется менять сердце на «Кордико», сами знаете, какие у них цены.

Я повернулся к вейбину:

– Как вы думаете, негодяя поймают?

– Трудно сказать, – начальник полиции почесал голову. – Прежде всего, господин Юй-Бергман, скажите, что вы делали на кладбище?

– Я должен был встретиться с одним человеком. Она... он не пришел.

Ван Вэй посмотрел на меня, но ничего не сказал. Потом заметил:

– Рана у вас, суньбянь шоицзюй, очень примечательная. Нанесена тупым предметом – но не лопатой, нет. Скорее, я бы сказал, какой-то инструмент. Или даже протез или манипулятор – хотя в последнее верится с трудом. Сами понимаете, первый закон. – Я кивнул. – У вас никаких идей на этот счет?

– Нет.

– Ну ладно. Не смею вас больше задерживать.

– То есть я могу идти?

– Да, конечно. Я отправлю чжунши посмотреть.

В гостинице мне хватило времени ровно на то, чтобы привести себя в порядок.

На экране появилось встревоженное лицо Эсташа:

– Цилиндр пропал.

* * *

– Это хон знает что такое! – Алерик прыгал по краю, потрясая кулаками. – Меня, представителя одного из старейших семейств, выставляют дураком! Вы должны в этом разобраться.

Только теперь я смог оценить размеры ямы: тридцать метров в длину и двенадцать в ширину. Машина прошла до скального основания; кое-где выбивались робкие ростки, но в основном это была мертвая биомасса.

– Как давно вы заметили пропажу?

– Сегодня днем. Утром она была, потом я отправился в город... А когда вернулся, увидел вот это. Ужасно.

– Кстати, а зачем вы ездили? – Полицейский поднял глаза.

– Удобрения... Почему вы на меня так смотрите?

– Господин Фуст, сейчас я задам вам вопрос, на который вы должны ответить максимально кэнъце. Между часом и тремя вы были в городе? Кто еще может это подтвердить?

– Конечно. Мой поставщик. «Вронский и сыновья» – ну, вы знаете.

Вейбин тщательно записывал.

– Сэнь хуацзян, я знаю, вы никогда не покидали планету. И все же на время расследования советую вам воздержаться от путешествий.

– Да, я понимаю, – Алерик выглядел обескураженным. – Но вы ведь найдете их, правда?

– Ничего обещать не могу, но я постараюсь.

Садовник ушел в дом. Ван Вэй на ходу убирал тонгшен в сак.

– Много у вас людей?

– Двести человек, – начальник полиции огляделся и понизил голос. – Но большинство занято охраной могил, ведь это главный доход. К счастью, законы соблюдаются.

– Стойте, стойте! – на полпути меня окликнул Фуст.

Я остановился. Садовник, сжимавший что-то в руках, горячо зашептал:

– Господин Бергман, я все же надеюсь, что мой вопрос будет решен лучшим образом...

– Вы о чем?

– Это орхидея, она почти мертва и не имеет коммерческой ценности. Но, может быть, вы найдете ей лучшее применение. Например, подарите своей девушке... – Садовник почти насильно вручил мне коробочку с цветами.

Вейбин без лишних вопросов поднял машину над трассой. Потом заметил:

– Сейчас, если не возражаете, заедем еще в одно место.

Участок был таким, каким я его помнил: чисто вымыт и залит солнцем. В дверях послышался шум. Первым вошел Эсташ, а за ним, держа руки за спиной, – менеджер «Инжекто». Ван Вэй выступил вперед.

Увидев меня, Танчи Дахуань процедил:

– Ваша компания хочет и здесь всем заправлять, да?

Пибоди снял наручники и проводил его в камеру.

– Вы имеете право хранить молчание. Каждое слово, сказанное вами, будет автоматически регистрироваться. В течение трех суток вам будет предъявлено обвинение. Или, если такового не найдется, будут принесены официальные извинения.

В проеме включилось силовое поле.

– Сэнь Бергман, система слежения установила, что сразу после вашего ухода господин Дахуань покинул пределы офиса. Он отсутствовал более часа... И, честно говоря, пока мы не знаем, где он был все это время. Нам также известно о конфликте, произошедшем между вами и менеджером. Мотивы пока неясны.

– Биосинт! – Я хлопнул себя по лбу.

– Да, анализ формы транскрайбера показал, что рана с вероятностью в девяносто шесть процентов могла быть нанесена им. К сожалению, модель имеет сменные оболочки, которые утилизируются.

– Но ведь это не доказательство.

– Есть и другое, – Ван Вэй пожевал губами, потом достал из стола куб. – Это было найдено рядом с местом преступления.

Несколько пассивов над пластиком – и на грани отчетливо высветились буквы: «ТД».

– Вы, конечно, знаете, что это такое.

– Корпоративная нашивка... да. Обязательна к ношению, у меня тоже такая есть, – я показал отворот.

– Мы не смогли найти у сэня Дахуаня одежду без бирки – возможно, она уже переработана. В любом случае, буду держать вас в курсе.

Псевдоптица заливалась на ветке темно-сиреневым.

– ...Компания не может позволить себе бросить дело, вопрос чести. 6384-й – уважаемый клиент, и неудача даст почву для пересудов. Наши конкуренты опять поднимут головы. Это недопустимо.

Лицо Бэндань Ланхана колебалось – планета как раз проходила пояс астероидов.

– Вам надо копать глубже, – я хотел ответить, что уже видел планетоид, но лицо в экране не подразумевало возражений. – Найдите контейнер, прижмите «Инжекто», арест Танчи Дахуаня нам только на руку. Делайте что угодно, клиент должен остаться доволен.

– В случае, если решение затянется... Будет ли продлен мой срок?

– Нет, – начальник был непреклонен. – У вас одиннадцать дней. Работайте.

Шоуйин дальней связи выключился. Задача. Коридор давал избавление, на какое-то время. Я вышел – и столкнулся нос к носу с Еленой.

– Вы?!

– Вы не пришли.

– Я... опоздал, – рука вышла из-за спины. Вообще-то я рассчитывал подарить орхидеи Кэти – видно, не судьба. – Может быть, этот скромный подарок послужит извинением?

– Одних извинений недостаточно, – дин Макабре улыбнулась. – Понадобится нечто

большее.

Я открыл дверь.

* * *

Под ногой скрипнула половица. Я смущенно переступил: низкие потолки, вместо стен – легкие карбоновые панели. Отделка деревом. В сумраке квадратами светились старые фотографии.

Подняв глаза выше, вздрогнул. На почетном месте висел меч, черная рукоять с синим шнуром. Вдоль подвесов едва слышно текло силовое поле. По всему было видно, что живущий здесь – не ханец.

Мое внимание привлекли рамки. Двое мужчин с допотопными автоматами обнимались возле раскуроченного танка. На другом снимке группа в зеленой форме и кепи выстроилась у флагаштока; увы, верхний край был обрезан.

– Нравится? Мой предок слева, – пояснил голос из-за спины.

Передо мной стоял высокий сэнъ, уже немолодой: виски серебрило, но серые глаза смотрели остро.

– Господин Тами...

– Рин.

– Прошу прощения, рин Закъе. Надеюсь, я не оскорбил вас любопытством?

– Нет, отчего же. Смотрите, если хотите.

– Фотографии и вправду старинные... – Я обернулся: – Это двадцатый век?

– Нет, прошлый. Прадед сражался в 30-м корпусе, награжден алой лентой и дважды – медалью за образцовую службу. Это они во время похода на Север, вдоль побережья.

– Большой передел?

– О, вижу, вы разбираетесь в истории, – Закъе запустил руки в широкие рукава. – Вы должны понимать, Иидзима никогда не был профессиональным военным, но суровые времена требуют суровых решений. В том бою он лично подбил два хове́ра, а его приятель – три. К сожалению, на следующий день тот погиб: вокруг города были мощные укрепления.

– Разве на Кань Че́цзя когда-нибудь жили люди? – я удивился.

– Да, там был известный курорт. И рыбные промыслы – вторые по величине. Разумеется, когда биосфера еще не была стерильной.

Я кивнул.

– Впрочем, это наша история, не ваша. Так что вы хотели спросить?

– По информации Бюро ценза, ваш род – один из старейших на Танатосе. Это правда?

– В общем, да. Мы и Фусты прибыли сюда на «Эскоре», когда планета еще не была обустроена, – заметив мое непонимание, Тамир пояснил: – Это из ранней истории колонизации; на Земле тогда было беспокойно, и многие кидались в омут головой, ища стабильности. Средний транспорт «Эскор» – детище смутного времени, когда один корабль из трех не долетал до цели. Собственно, это и произошло. На середине пути – местом назначения было облако Оорта – один из маршевых двигателей отказал, и триста колонистов, включая моего прадеда, неделю ждали помощи с Земли. Семнадцать человек погибли, остальных спасатели высадили на Танатос, в защитных скафандрах. Некоторые скафандры оказались неисправными... как и всегда. Но жизнь под куполом, если вы понимаете, лучше кассетных бомбежек. Я ни в коем случае не осуждаю армию: в конце концов, они делали свое дело. Зато через тридцать лет планету было не узнать.

– А что случилось с кораблем?

– Рассыпался, полагаю, – бросил Тамир равнодушно. – Там все держалось на клееной бумаге. Фигурально выражаясь, естественно.

Я почесал голову.

– А вейбин?

– Что вы, Надзирающие прибыли сюда позже, после возведения личинками зданий. Да и вряд ли он мог бы занять здесь должность, с подобной фамилией. Прикрыться именем предка, и все такое...

– Полагаю, вы связаны с «Инжекто»?

– Это вам Фуст про меня наговорил? – Закье холодно улыбнулся. – Да, некоторые действительно считают, что мы все здесь заодно. Руссо-японцы, я имею в виду. На самом деле перед вами – обычный кабинетный ум. Я этимолог, изучаю словообразование. Еще у меня есть кое-какая собственность. Вчера доставили томик Фусумеру. Вы представляете себе, что такое настоящая бумажная книга?

– Честно говоря, не очень.

– Ему больше двухсот лет. Поверьте, это ни на что не похоже. Этот запах, эти страницы... ни с чем не сравнимое ощущение. Мне редко удастся выйти из дома; но порой мне кажется, оно этого стоит.

– То есть с сэном Алериком у вас нет никаких отношений? – Я решил переменить тему.

– Абсолютно. Вряд ли смогу вам насчет него рассказать. Я книжный червь, общаюсь с мертвыми, если так можно выразиться.

– Потому что это проще, чем с живыми?

– Мистер Бергман, языки, как и культуры, не умирают, – хозяин поднял палец. – Они просто принимают другую форму.

– Что ж, вы мне очень помогли. Рад видеть, что дела вашей семьи процветают.

Тамир опустил глаза. Его голос сделался глухим:

– Семья – слишком громко сказано. Вы видите меч, но его некому будет передать. У нас это даже так называют – «Проклятие первых поселенцев». Вроде бы какой-то псих на отлете предсказал, что ни одна из семей не доживет до пятого колена. На четвертом все пресечется, как это правильнее... эсин сюнхуань.

– И вы в это верите?

– Обычный псевдонаучный бред, – Закье помотал головой. – Но многие принимают всерьез. Не механисты, конечно. И не власти. Что ж, вы интересный человек, господин Бергман, и в другое время я бы, пожалуй, охотно с вами пообщался. Сейчас прошу извинить, меня ждет Фусумеру.

Я поклонился. Затем спохватился:

– Выразите мое почтение супруге.

– Простите? – Самурай остановился.

– Я имею в виду дин Макаб...

– Тут какая-то ошибка. Любой в Шэньтауне скажет – я не женат. И никогда не был. Вас, видно, ввели в заблуждение.

– Да-да, наверное, – на негнущихся ногах я пошел к выходу. – Еще раз прошу меня извинить.

Что же все-таки произошло? С кем я был вчера? Попытался вспомнить, но перед глазами мелькали цветные пятна.

Легкое касание крыльев... взмах... взлет...

Пламя свечи в темной комнате. Обжигающий горло байцзю... Воздушный змей в небе.

Нет, на ум больше ничего не приходило. Шахматка мостовой перестроилась в черно-белые узоры. Солнце пылало на рекламном щите. Одни вопросы без ответов. Что искала Елена? И что искал я? Камешек на дороге отбрасывал длинную тень.

Из мыслей меня вырвал шорох торпеды. Гирен вынырнул неожиданно, лицо обдало порывом ветра. Что-то взвизгнуло. И вновь – тишина. Над пластоном рассеялось облачко пыли.

Потом взгляд мой упал на кипарис... и внутри похолодело. Из ствола, подрагивая, торчал металлический стержень. Что... Меня пытались убить. В этом не было никакого сомнения. Но страховых инспекторов не убивают просто так... Или теперь правила изменились? Неужели я был близок к разгадке?

Рассказать начальнику полиции? Но Ван Вэй меня наверняка засмеет. Да и не о чем было рассказывать.

Садовник был там же, где мы встретились в прошлый раз. Мужчина вышел из теплицы и подставил руки подлетевшему фейсину – тот очистил их от земли. Я заметил, что под глазами у Фуста легли темные круги.

– Итак, господин Бергман, что вы еще хотели спросить?

– Сэнь Алерик, – я помялся. – Вам не кажется, что на планете происходит нечто странное? Что-то, чего быть не должно?

– Ничего не замечал. Хон, – взявшись за подтяжки, мужчина пнул механизм. – А что вас беспокоит? Надеюсь, мое дело...

– На мою жизнь покушались. Сегодня. И еще раз, прежде. У меня складывается ощущение, что меня обманывают. Все – вейбин, Дахуань, вы... Особенно – вы.

Фуст развел руками:

– Не уверен, что понимаю, о чем вы.

– А я думаю, понимаете.

– Бросьте. Как там ваша девушка?

– Сэнь Алерик, почему вы сказали мне, что Елена дин Макабре – супруга Закье? – Я посмотрел хуацзяну в глаза.

– Это не я, – Фуст сжался и пискнул. – Меня заставили.

– Но вы могли бы помочь...

– Нет, нет! – Алерик убежал в дом. С тихим рокотом опустились ставни.

Постояв еще немного, я направился к центру.

Стробофреймы играли на стенах бликами. Древнее чучело в пластиковой оболочке, скалясь, застыло в бесконечном прыжке. Мы заказали спаржу по-бейдзински.

– Вам правда нравится? – Кэти посмотрела на меня.

– Да, очень. А откуда это?

– Овощи привозят с Адрастеи, а соя – местная. Посадки принадлежат компании.

На вкус соус от «Инжекто» был пресноват, но я решил ничего не говорить. Кэти улынулась:

– Как там ваше расследование?

– Честно говоря, не очень. Могло быть и хуже... Хотя нет, вру – хуже просто некуда.

– И все-таки вы пришли. Почему?

– Кэти... У меня большие проблемы. И я не знаю, к кому можно обратиться. Кроме вас.

– Теодор. Вы, должно быть, шутите? – Наряд гостии был бесподобен.

– Меня пытались убить.

– Вам надо меньше смотреть семви.

– Не верите? Ладно, – оглядевшись, я достал из клапана ткань. – Смотрите.

Предмет лег перед нами, как знак вопроса. Лицо девушки вмиг посерьезнело.

– Это от игольного ружья. Армейские.

– Откуда вы знаете?

– Мой отец... воевал, – Кэти подняла глаза. – Теодор, вы должны немедленно сообщить обо всем властям.

– Правда? А зачем? – В моем голосе появилась неожиданная веселость. – Я вроде уже привык.

– Сэнь...

– Меня зарыли, в меня стреляли. Вейбин подозревает вашего шефа. Но вряд ли тот мог бы сделать это из тюрьмы – вы не находите?

– Теодор, – тон девушки сделался молящим, – пожалуйста, обещайте, что обратитесь в полицию.

– Ну ладно, ладно. Хорошо, завтра. – Потом спросил: – Ну, так вы мне поможете?

– Да. Смотря в чем.

– Меня интересует прошлое планеты. Вот вы, например, слышали о Проклятии первых поселенцев?

На лицо Кэти набежала тучка, затем на него вернулось обычное выражение.

– Впервые слышу.

– Гм... Ладно.

– То есть вы сами, Теодор, толком не знаете, что ищете?

– Ну, в общем... да. Что-нибудь этакое, особенное.

Девушка задумалась.

– Есть общественная библиотека, недалеко отсюда. Там все документы с момента основания колонии, кроме секретных.

– И у вас есть допуск?

– Он у любого гражданина, даже вы можете...

– Но...

Кэти подняла палец. Публика в зале заплодировала – на помосте, висящем без опор, появилась сиреневая фигура. Все маяки устремились на нее. Я наклонился к спутнице:

– Она известна?

– Это местная дива, – шепнула та в ответ.

Так же внезапно все стихло. Голос, родившись в вышине, постепенно заполнил пространство:

Осень поровну сегодня разделив,
колесо успело сотни ли пройти,
вечный спутник безмятежных облаков
на сияющем, небесном их пути.

Лунный Заяц, верно, с месяца упал,
словно тень его оттуда кто-то стер.
Жаба Лунная пока не голодна —
совершенный круг на небе видит взор.

Над головами поплыли светляки.

Мы к Луне решили с другом полететь,
наша встреча у Волшебного Плота.
Только ждем, когда Небесная Река
станет полностью прозрачна и чиста. [\[2\]](#)

* * *

– Вот видите?

Створки разошлись в стороны. Под потолком, одна за одной, зажглись лампы. Все дышало запущенностью – мебель в холле была старой, с нашим появлением в глубине стала разгораться панель.

– Доквантовый компьютер... Нам понадобится кто-то, кто умеет с ним работать.

– Да. К счастью, я могу.

– Вы? – Девушка потупилась.

Вслед за Кэти я приложил ладонь. Мигнуло зеленым – наш доступ был подтвержден. Дверь в глубине открылась.

– Мы разве будем не здесь?

– Нет, в фондах. Там еще должны остаться стулья.

Слева и справа на нас пялились рыбы глаза визоров. Сидений нигде не было. Когда я обратил на это внимание, моя провожатая пояснила:

– Решение градоуправления. В библиотеку ходит слишком мало людей, и излишки мебели перенесли в бары.

На мой взгляд, место могло быть и повнушительнее. Старый биопласт неохотно размягчился. Терминал ожил под теплыми пальцами.

– Что будем искать? – Кэти посмотрела на меня.

– «Эскор». Это такой корабль, который...

– Я знаю, – руки девушки забежали по огонькам. – Есть характеристики, акт о списании, список экипажа, полетные данные.

– Список экипажа.

– Триста семнадцать человек, включая пассажиров. У шестерых стоят белые кресты, это...

– Да, я понял. Как его вывести? – Я прочитал: – Бенджамин и Мария Фуст, с сем. 4 чел. Хакем аль-Рийяд. Да, все верно. Иидзима Хэйтаро, 2 человека.

– Это то, что вы искали? – Кэти посмотрела на меня.

– Ну... в общем, не совсем.

– Тут еще есть статьи, от частных лиц. «Причины поломки двигателя компании «Магнокинетикс»», новая версия... Ого, почти полвека назад.

– Эта компания еще существует?

– Нет. Распалась сразу после аварии. «Сто лет стабильности» – это официальная речь. Еще – расчет эллиптических орбит в пределах Внешнего кольца, – девушка зябко пожала плечами. – Не понимаю, зачем здесь это.

– Давайте посмотрим.

– Объекты Вояджер и Кассини, это совсем древнее. Так. Обоснование. Оптимальные

параметры первого и второго толчка. Эксцентриситет, с учетом влияния Юпитера и Солнца. Зависимость орбиты от размера и массы небесного тела...

Спутница прочитала вслух:

– Первоначальный прогноз кажется чересчур оптимистичным. Расчеты проводились с учетом двух толчков, однако взрыв произошел раньше точки Гомана, что увеличило эллиптичность, но уменьшило энергию разгона. В течение первых тридцати лет не наблюдалось... Распределение масс полученных объектов позволяет судить... Ага, вот. В течение десяти – семнадцати лет орбита должна стабилизироваться на уровне половины расчетной. Это означает, что цикл обращения близок к 60–80 годам, причем крупные обломки составят не менее 30 % от общей массы, включая неповрежденные секции контейнеров. Необходимо принять меры по защите планетоида... По-моему, это патент. Оценочная стоимость – сорок миллионов юаней.

– И кто автор?

– Подписано псевдонимом – «брадо». Не знаю, кто это.

Я пощелкал пальцами – брадо, брадо. На ум, как назло, ничего не лезло. Я прильнул к визору:

– Сближение 2 мили. Захват и доставка груза возможны, объем семь тысяч кубических метров. Регулировка скорости не менее...

– Теодор, это же наша техника!

Закусив губу, спутница молчала. Строчки бежали по экрану.

– Значит, у цилиндра все-таки есть отклоняющие системы?

Вонг нехотя кивнула. Я вздохнул.

– Какой груз был на «Эскоре»?

– Тогда как раз открыли один из последних Тайников мира. Корабль должен был доставить все за облако Оорта, предварительно высадив колонистов на Танатос. Не вышло. В отчете комиссии сказано: «ушел на неопределенно долгую орбиту», но... О боже!

– Что вез корабль, Кэти? – повторил я вопрос.

Та ответила не сразу:

– Контракт «Total Disarming» – комитета по разоружению. Реактивные минометы. Ракеты среднего и малого радиуса действия, средства защиты. Энергетическое оружие, неучтенное – восемьсот единиц. И еще... шесть термоядерных боеголовок.

Воцарилась молчание.

– Мы должны записать это.

– Да.

– Тут много. Я схожу в хранилище.

Обессиленный, я вышел в коридор, прислонился к притолоке. Затем поднял глаза.

Напротив сидела Елена. Тени играли на лице, из-за чего выражения было не разобрать.

– Вы?!

Без ответа.

– Почему вы меня преследуете?

Дин Макабре молчала. Кажется, она улыбнулась. В проеме появилась Кэти:

– Теодор, вы разговаривали сами с собой?

– Нет, но...

– Пойдемте, надо взять мнемокристаллы, – девушка увлекла меня за руку.

– Как, такая древность?

– А вы что хотели. Это же не метрополия.

Я примирительно поднял руки. Потом обернулся – никого. Подул легкий ветерок. Ладонь

дрогнула, когда в нее лег холодный камень.

– Один вам, второй – мне... Кэти посмотрела на меня. – На всякий случай.

* * *

Скрипнула калитка. Вглубь вела дорожка из белого камня.

Мужчина в клетчатой рубашке поднял глаза. Вейбин читал.

– Господин Бергман?

– Сэнь.

Мы поклонились. Из дома выглянула женщина одного с Ван Вэем возраста:

– Ли Мей, не играй с догуненши!

Серебристый диск, помигав огоньками, скрылся за домом. Девчушка в белом запихнула в рот пальчик и озорно посмотрела на нас.

– Ли Мей и Чунь Фан. Одногодки, но не близнецы. Сиюэ, приготовь что-нибудь гостю.

– Не надо, господин Вэй, я буквально на минуту. Думаю, у меня есть информация, которая может быть вам интересна.

– Вообще-то у меня выходной. Младший продолжает расследование. Ну ладно, давайте, – мужчина придвинул тонгшен.

По мере того как считывалась информация, на лбу у вейбина пролегла складка.

– Мы совершили ту же ошибку, что и мэйгойцы когда-то. Решили, что наши культура и язык единственные, – Ван Вэй поднял на меня глаза. – Это не йинпин, это латиница.

– И тогда это означает...

Вейбин поднялся.

– Ты куда-то уходишь? – Лицо женщины казалось встревоженным, она вынесла вещи.

– Извини, цинь. Опять дела, – Ван Вэй застегнул перевязь. – Но ты не волнуйся: думаю, буду к пяти.

Сиюэ посмотрела на меня, я деликатно отвернулся.

Сад встретил нас непривычно холодно, над головой нависли низкие облака. Вейбин сразу направился в дом, но уже через две минуты вернулся:

– Никого нет.

– Может, господин Алерик просто не...

– Да, – мужчина приложил ладонь к уху. – Слышу, чжунши. Фуст отсутствует, на полу всюду следы борьбы. Нет, крови нет.

Я вышел с участка. Прямо за дорогой начиналось кладбище: ровные ряды обелисков тянулись до самого горизонта. Затем из-за серого гранита появился силуэт – Пибоди явно что-то нес в руке.

Ван Вэй развернул свой штаб прямо посреди плантации. Неизвестно откуда взявшийся стол и тонгшен не в пример моему, большой и бронированный.

– Нашел.

Эташ положил на стол перед вейбином руку манипулятора. Я придвинулся:

– Здесь клеймо, владение 413В. От робота-садовника, я полагаю.

Мужчина перевернул предмет – с той стороны к нему присохли волосы и что-то темное. Меня замутило. Сквозь шум я не расслышал вопроса.

– ...Трехсотая линия. Нет, от цилиндра по-прежнему никаких следов. Правда, есть еще одно место.

– Какое?

Эташ замялся.

– Это хуан ди, или кратер, как его называют. Ничейная земля.

– Но ведь там же фонит.

– Именно. Мы смотрели со спутника и ничего не нашли. А если где и можно спрятать столько металла разом, это – оно.

– Хорошо, едем, – вейбин хлопнул по крышке.

Он собирал вещи.

– Что такое кратер? – спросил я вполголоса уже на ходу.

– Место, где высадились первые поселенцы. Точка купола.

Гирен спиной выехал на трассу. Замелькали маркеры дорожной разметки. Установив автопилот, Ван Вэй одной рукой вводил данные. Наконец я решил:

– Вы разве не запросите помощи?

– У кого? – полицейский обернулся.

– Ну, не знаю. У военных... у национальной гвардии...

– Сэнь Бергман, Танатос – полностью демилитаризованная зона. Оружие здесь есть только у трех человек.

– Приближаемся, – это был Пибоди. Его голос звучал напряженно.

Машина остановилась на обочине. Зелени не было. Дорога без предупреждения переходила в песчаные балки, земля имела грязно-желтый цвет.

– Кажется.

Мощный порыв ветра уложил меня на землю.

– ...ись!

Я потряс головой, выбивая вату из ушей. Рядом ворочался полицейский. Хорошо.

– Не подходите к машине, – предупредил он меня.

Ухнуло. Над пластоном распустился новый цветок. Гирен обратился в пламя.

– Надо что-то делать! – голос Пибоди прозвучал глухо.

– Да.

Ван Вэй с сожалением поглядел на горящие останки. Затем что-то подкрутил в своем станнере:

– Ну, я пошел.

Мужчина зигзагами полз к центру осыпи. Над головой прошипела алая комета – я невольно выставил над собой сак, как будто это могло дать защиту. Теперь неизвестный бил прицельно, и сгустки пламени вспыхивали то справа, то слева от вейбина. Зажмурившись, я двинулся следом.

Пастор говорил про ад – наверное, это был он. Видно, так чувствует себя муха под гигантской мухобойкой. Эх, Юй-Бергман... глаза запорошило песком, сенсор сдох.

Все прекратилось так же внезапно.

– Господин Бергман, можете выходить.

Оранжевая махина лежала на боку, а рядом валялись металлические коробки всех размеров и форм. Ржавый контейнер, вросший в рельеф, казался крошкой около оранжевого исполина, дверца была распахнута настежь. Над крышей торчало подобие антенны.

Садовник, как карп, перемотанный вдоль и поперек silentой, смотрел на нас слезящимися глазами. Я подошел ближе – и замер, не в силах вымолвить ни слова.

– Так их двое...

Похоже, вейбин был поражен не меньше моего.

Пибоди отключил силовое поле. Менеджер вышел. Растирая руки, он исподлобья посмотрел на меня:

– Думаю, мы еще встретимся.

– И вам всего хорошего.

Танчи Дахуань ничего не ответил. Хлопнула дверь. Я повернулся. Двое мужчин, стоявших перед нами в участке, выглядели точными копиями друг друга. Только левый был облачен в серую робу и выглядел чуть старше, наверное, оттого, что держался прямо и уверенно; правый – носил уже знакомые нам штаны с подтяжками.

– Может быть, вы все-таки объясните нам, что это значит? – Ван Вей перестал расхаживать перед парой и остановился напротив.

– Теперь уже поздно отпираться, – первым начал Алерик, – Марвин действительно не прошел регистрацию. Время тогда было тяжелое, врачей вечно не хватало. Мой батюшка, светлая ему память, решил, что ребенок не жив... Но потом – о счастье! – брат задышал. Так мне рассказывали. Правда, после начались проблемы. Система уже устоялась – без зафиксированного факта рождения нельзя было внести живущего в список граждан.

Мой брат пробовал устроиться, но... пришлось ему уйти жить в пустошь. Иногда, правда, Марвин помогал мне по саду.

– И заодно изображал вас?

– К-как вы догадались? – Марвин поднял на меня серые глаза. Взгляд прямой и умный, загорелое лицо...

Да, общаться с ним мне определенно нравилось больше.

– Алерик Фуст ни за что бы не отдал цветы бесплатно.

– Должен заметить, – сказал Ван Вэй, – что планы у Марвина Фуста были поистине грандиозные. Он не только сумел выяснить положение вещей и взять под контроль спутник «Инжекто», но и изучал возможности управления механистами через встроенные имплантаты. Совсем чуть-чуть – но достаточно, чтобы влиять на поведение.

– Погодите... Разве такое возможно?

– Сэнь Бергман, вы знаете, какой процент людей имеет встроенные электронные блоки? – Я покачал головой. – Девяносто, и это не считая профессиональных применений. Каждое устройство – маленький жучок в теле. Заставить их исполнять чужую волю – лишь вопрос времени. А к тому моменту, я думаю, на Танатосе накопилось бы достаточно оружия для небольшой армии. В числе прочих попался и мастер Дахуань. Его страсть к запрещенным стимуляторам сделала его... легкой добычей. Прежде Танчи никогда не срывался с рабочего места, чтобы попасть к дилеру. Все было продумано идеально, место для посадки – кратер, убежище. Но в итоге нелепая случайность, а также характер сэня хуацзяна свели все на нет.

– Божья кара, – прошептал Алерик. Его никто не услышал.

– И вы ничего не знали о делах брата?

– Нет, черт побери!

– Марвин Джотан Фуст, – Эшаш посмотрел на старшего и выступил вперед, – вам предъявляется обвинение по трем статьям: бродяжничество, покушение на жизнь и незаконный оборот оружия.

Мужчину увели. Затем кто-то тронул меня за рукав:

– И... что теперь будет? – Вид у Алерика был несчастный.

– По правилам, причинивший ущерб отвечает всем имуществом. А у вашего брата, если я правильно понимаю, нет другого имущества, кроме вещей вашей семьи. Но не расстраивайтесь, «Инжекто» – они уже признали это – допустило брешь в своей системе безопасности. Так что, думаю, вы смело можете рассчитывать на запрашиваемую сумму плюс-минус двадцать

процентов.

Фуст рассеянно кивнул. Моя работа была закончена.

* * *

Меня принимали в Зале Директоров. Кафель и золотое солнце искрились под ногами. Грузный мужчина в дорогом костюме пожал руку и заметил:

– Правление компании выражает благодарность за оказанное содействие. Системы будут снабжены дополнительной защитой, сотрудники – подвергнуты дисциплинарному обследованию. Мы также рассчитываем на сохранение конфиденциальности.

– Но вы же понимаете, что я должен изложить все в отчете?

– Разумеется, – тот кивнул. – Вашему руководству уже направлена тайная нота. К вашему прибытию она должна быть рассмотрена. Глава Службы Безопасности отметил ваши высокие профессиональные качества и выразил надежду на совместную работу в будущем. Разрешите вас ему представить...

– Вы?!

Кэти выступила вперед:

– Простите меня, Теодор. Мне следовало рассказать вам с самого начала.

– Да нет, что вы. Я понимаю, – я поклонился.

Нужно было, наверное, сказать что-то еще... но больше добавить было нечего. Уже потом я вспомнил, что забыл спросить одну вещь – но было поздно.

* * *

Приятный женский голос из динамиков сообщил:

– Ньюшимен хэн сянъшимень, приветствуем вас на борту челнока компании «Синьхонсе Худе», совершающего рейс «Танатос – Деймос-2 – Земля». Конечная точка нашего путешествия – Поднебесная, – в салоне захлопали. – Сейчас мы совершим выход в околопланетное пространство. Пожалуйста, оставайтесь на местах до появления серебряного сигнала. Желаем вам приятного путешествия!

Я думал о предстоящем отчете. Все следовало описать максимально подробно, со схемами и выкладками. Господин Ланхань должен остаться доволен. Потом скользнул к окну. У ограждения застыла фигурка. С расстояния трудно было увидеть лицо – ветер колыхал палантин, как крылья черной птицы.

...Да, и об этом тоже. Взревели двигатели.

*Сидя на красивом холме,
Я часто вижу сны, и вот что кажется мне:
Что дело не в деньгах, и не в количестве женщин,
И не в старом фольклоре, и не в «новой волне»...*

Б. Гребенчиков

Песчаный пустырь, отделяющий бесконечную свалку от окружного шоссе, тонул во мраке. Звезды и луну пеленал смог, и там, куда не доставал свет фонарей, было темно хоть глаз выколи. Маленький костер, разложенный на песке, казался в фиолетовом мареве огоньком газовой горелки. Вокруг костра лежала компания бродяг.

День оказался удачным – они наткнулись на контейнер телевизоров, в которых еще использовались микросхемы, сдали их в пункт приема и выручили круглую сумму, которой хватило с лихвой и на еду, и на развлечения.

Грязный как трубочист молодой парень приподнялся на локтях и пьяно огляделся по сторонам.

– Слышь, Ригель, врубай свою технику, хоть новости поглядим, – прокаркал он, обращаясь к поджарому, давно не стриженному мужику.

Тот, кого он назвал Ригелем, очумело замотал головой, навел резкость и, тихо матерясь, принялся прилаживать к аккумулятору разноцветные провода, соединяя его с обломком телевизионной моноплиты. Покрутив антенну, он добился устойчивого изображения. Трещина в центре экрана сильно искажала звук, но слова удавалось разобрать почти все.

– Эх, Ригелетто, – восхитился молодой, – ну что бы мы без тебя делали?!

– Квасили бы, как обычно, – вмешался в разговор третий, чья привычка держать сигарету тремя пальцами, огоньком к ладони, выдавала бывшего зэка, – заткнись, Зужа, ща социальная лотерея после рекламы. Будем глядеть.

– Бяха, ты в натуре веришь в это фуффло? – спросил Ригель, почесываясь. – Это же для народа, вместо боженьки, чтобы мечтали про лучшую жизнь. А на самом деле – понты для лохов.

– Заткни скворечник, сам ты лох! – рявкнул в ответ Бяха. – У нас на зоне один ботаник опущенный был, он при мне выиграл миллион по карточке. Сразу же освободился, дом купил, а потом всех, кто его в лагере нагибал, взял по соцлимиту в слуги и устроил им такую житуху, что они через три месяца согласились на двойной срок обратно, на подводные рудники, в солнечный Шпицберген...

Ригель авторитетов не признавал. Он было вскинулся, чтобы ответить, но над костром, прерывая назревающую драку, вспыхнул ярко-белый прожектор.

На песок, посверкивая мигалкой, опустился милицейский антиграв. Машина была старая, производства Симбирского завода, изрядно помятая и крашенная дешевой серой эмалью. Из нее выбрались два мента патрульно-постовой службы.

– Так, – сказал старший мент, – знакомые все лица. Готовим документы для проверки, граждане.

– Все пучком, начальник, – миролюбиво осклабился Бяха. С появлением антиграва он присел на корточки. – Мы люди мирные, культурно отдыхаем.

– Документы, тебе сказали, урод, – набычился мент помоложе и положил руку на кобур парализатора.

Бяха злобно поглядел на ментов, но спорить не стал. Они явно уже успели вмазать, и, похоже, им не хватило – отсюда и ночной наезд. Бывший зэк кивнул, он и оба его товарища принялись шарить по карманам в поисках карточек. Бомжиха, лежащая на песке, признаков жизни не подавала.

– Зужа, Ригель, – буркнул Бяха, – Масяню растолкайте, мля.

Бомжи ринулись к неподвижному телу.

– Стоять! – заорал молодой мент и вытащил парализатор. При этом его слегка пошатывало.

– Да нормалек, начальник, – прогудел Бяха, – ну перебрала девка слегонца, с кем не бывает. Пусть Зужа ей поможет.

Мент махнул парализатором от Зужи к Масяне. Тот шустро достал у нее из-за пазухи карточку и приложил ее к считывателю одновременно с большим пальцем подруги. Старший мент посмотрел на данные, которые высветились на мониторе, нащупал у бомжихи пульс на шее и удовлетворенно кивнул. Зужа и Ригель по очереди повторили процедуру идентификации.

Когда очередь дошла до Бяхи, экран считывателя осветил откормленные рожи ментов красным светом, и оба пэпээсника облегченно вздохнули.

– На карточке минус сто два, – объявил старший. Младший потянулся к ремню, на котором висели наручники.

– Как сто два, начальник?! – вытаращился Бяха. – Падла буду, днем в ларьке затаривался, было минус девяносто пять! Я закон знаю, на моей категории соцкредит сотка, на том стоим.

– А леший тебя знает, – злорадно ответил молодой, – может, накачался да перепутал. Давай, короче, собирайся. Мы тут с управляющим тысяча тридцать пятого жилтоварищества договорились, покрасишь два подъезда – червонец тебе на карточку, остальное, сам понимаешь, в фонд охраны правопорядка...

– Мужики, – обиженно загундосил Бяха, – у нас тут хабара на полтинник. Завтра в восемь часов скупка откроется, я счет пополню, и вся любовь...

– Вот уж хрен тебе, бомжара, – жестко произнес старший, – сегодня ты попал. Давай, лезь в машину, пока в управление не повезли. Там отработкой не отделаешься, за превышение соцлимита по новому постановлению суд и до трех месяцев принудительных работ.

– Ну, магарычом-то хоть поделитесь? – Бяха сделал характерный синяковский жест.

– Тут как управишься. Ты с нами по-хорошему, так и мы с тобой тоже.

Бяха, подхваченный с двух сторон, ритуально завыл: «А на черной скамье, на скамье подсудимых...» – и скрылся в «обезьяннике» антиграва.

– Не понимаю я вас, бичи, – с фальшивым участием в голосе заговорил старший. После «удачной операции» его потянуло на философию. – Вы же все соцминимум получаете. Устроились бы на работу, получили бы общагу, глядишь, года через два и зажили бы как люди...

– Фуфло не гони, начальник, – огрызнулся Ригель, – что я с вашего президентского сороковника буду иметь в приюте? Бланду из синтетического картофеля да матрац с клопами? А пахать меня за это заставят на химзаводе, в опасном цеху и без противогаза...

Старший посмотрел на бомжей пустыми глазами – ему уже не терпелось получить магарыч, – забрался внутрь и захлопнул за собой помятую дверь. Менты выключили прожектор, погасили мигалку и рванули в сторону чернеющих вдали высоток.

Масяня застонала и села. Сладко потянувшись до хруста в суставах, она огляделась по сторонам:

– А где Бяха, мальчики, в магазин пошел?

– Будет нам магазин! – зло ответил Ригель. – Последний флакон был у него в заначке, так

что теперь, Зужа, тащись через дорогу и бери на троих, как обычно. А мы тут пока с Масянькой за жисть покумекаем...

Бомжиха начала безропотно расстегивать пуговицы верхней кофточки.

Зужа не стал спорить – он тут был человеком новым, и в отсутствие Бяхи власть по праву старшинства переходила к Ригелю. Он встал, отряхнул с одежды песок и затрусил в сторону бетонного забора, ограждающего кольцевое шоссе.

Магнитное покрытие на дороге еще не успело остыть и распространяло резкий, неприятный запах. Он протиснулся в дыру, выглянул из-за столба придорожной рекламы, бросил внимательный взгляд направо, потом налево, а затем, от греха подальше, поглядел вверх. Штраф за переход в неположенном месте обошелся бы в тридцать семь деревянных, а это немедленный арест. Но, к счастью, машины здесь ходили редко, и камер наблюдения на этом участке не было. Дождавшись, когда мимо прогудит стотонный дальнобойщик, Зужа рванул через дорогу.

С ярко светящегося рекламного щита за нарушителем правил дорожного движения безучастно наблюдал седоватый ковбой с яркой упаковкой в руке. Надпись на рекламе гласила: «Только „Мальборо“ приведет тебя в страну грез».

Ларек, обслуживающий редких ночных прохожих да бомжей, живущих хабаром со свалки, чернел в сотне метров от забора первым бастионом цивилизации. Перед ларьком стоял приземистый антиграв-купе. «Сони-Моторола-Даймлер», – подойдя поближе, прочел Зужа на багажнике. Парочки, не располагавшие деньгами на мотели, часто выбирались сюда, чтобы потрахаться на пустыре.

Машина чуть слышно загудела, приподнялась над землей и потянулась к переезду. Зужа подождал, когда поднимется стальная пластина, защищающая окошко, и пробормотал в глубину: «Две „Столичных“ и „Белый медведь“». В зарешеченной бойнице появился считыватель. Зужа вставил в него карточку. На экране высветилась цифра, после чего на полку, заменявшую прилавок, легли три разовых шприца в яркой упаковке. Зужа сгреб их дрожащими пальцами и, воровато оглянувшись по сторонам, побежал обратно к пролому.

Дорога здесь изгибалась большой дугой, поэтому обзор при переходе отсюда был намного меньше. Ковбой «Мальборо» все так же безучастно наблюдал за тем, как бомж, убедившись, что трасса пуста, готовится рвануть вперед.

Вдыхая на бегу запах дороги и ловя краем глаза отблески фонарей, Зужа вдруг отчетливо представил, как «Столичная» растекается по венам, принося тепло и умиротворение. Расслабившись, он сбросил темп и пропустил момент, когда из-за поворота вылетел на полном ходу большой черный антиграв.

Машина взревела сиреной, вильнула, раздалось гудение тормозной системы, переходящее в визг, и из-под днища вылетел сноп разноцветных искр. «Сомода-Стрейнджер 850SL», – успел прочитать на капоте Зужа, прежде чем его отшвырнуло в сторону, и он потерял сознание.

Водитель заметил появившегося словно из-под земли пешехода и даже успел рвануть на себя руль, но аварийный автопилот отреагировал на долю секунды быстрее. Раздался сигнал тревоги, машина врубила освещение, отключенное на пустой трассе для экономии, и выполнила маневр уклонения. Магнитный слой днища чуть царапнул по дорожному покрытию. На мониторе забегали желтые и красные ряды цифр внутренней диагностики.

Первым делом убедившись, что антиграв в порядке, водитель отогнал его с проезжей части на полосу безопасности, выскочил наружу и со всех ног кинулся к сбитому человеку, чернеющему посреди дороги кучей грязного тряпья.

Как и следовало ожидать, это был бомж. Теперь он сидел на асфальте и чумовато озирался.

– Тебе что, урод, жить надоело? – Водитель схватил бомжа за грудки, приподнял и начал

трясти. – Накурился, скотина, так топай на переход...

Бомж молча ухмылялся щербатым ртом. Он прищурил глаза, и на мгновение это узкое лицо с характерной ямочкой на подбородке показалось водителю очень знакомым.

Мимо пролетала малолитражка. Водитель обернулся на звук и ослабил хватку. Бомж немедленно воспользовался предоставленной возможностью. Он толкнул водителя в грудь, вырвался и отработанным движением, словно преодолевая элемент армейской полосы препятствий «разрушенная кирпичная стена», – нырком, руками и ногой вперед вонзился в пролом, отпрыгнул, перекатился на бок и, выполнив (похоже, машинально) вполне грамотный уход от неприцельной стрельбы, помчался в глубину пустыря.

Водитель погнался за ним, но, добежав до забора, оглянулся на брошенную машину и благоразумно остановился. Сквозь дыру был виден костер, вокруг которого копошились едва различимые фигуры.

Водитель вернулся в машину. На пульте бортового компьютера светилась надпись: «Дать оповещение о ДТП? Да-нет». Он заглянул в салон, глубоко вздохнул и дал отбой. Машина тронулась. Шеф на заднем сиденье заворочался и продрал глаза:

– Ты что, придурок, ездить разучился? Я чуть на пол не упал!

– Простите, Иван Денисович, пешеход на трассу выскочил...

Шеф крутанул регулятор прозрачности стекол и глянул на улицу:

– Ну, ты и козел, Колян! Ты куда меня завез?

– На хайвее пробка на два часа, Иван Денисович, – терпеливо объяснил Колян, – я по окружной быстрее проскочу.

Шеф недовольно засопел, врубил встроенный в спинку кресла лазерный телевизор и стал просматривать запись утреннего заседания государственного совета. Камеры стояли на верхней галерее, и депутаты, чинно сидящие в два ряда перед толстой рожей шефа, смотрелись как шахматы на доске.

Колян перевел взгляд с зеркала заднего вида на дорогу и ехал, вполуха слушая выступление очередного слуги народа:

«Я хочу, чтобы все уважаемые депутаты поняли – социал-демократическая партия не выступает за введение сухого закона. Нам достаточно примера Соединенных Штатов, когда они ухитрились за какие-то полгода загнать в тень чуть не четверть денежного оборота страны и обрушили экономику. Но мы по-прежнему ратуем за запрет рекламы наркотиков по телевидению, в общественном транспорте и на уличных щитах. Мы требуем, чтобы все предприятия, производящие наркотические вещества, были национализированы...»

– А теперь реклама! – прервал депутатский речитатив бодрый голос телеведущего. Послышалась характерная мелодия. Колян знал этот ролик – там демонстрировался переполненный зал аукциона «Сотбис».

– Лот триста семнадцать. Картина Леона Мазайкера «Лиловый дым», миллион девятьсот! Мужчина в пятом ряду – два миллиона сто! Кто больше? Два миллиона сто – раз! Два миллиона сто – два! Два миллиона сто – три! Картина продана!

Леон, уже третья ваша картина продается по цене выше полутора миллионов. Откуда вы черпаете вдохновение?

– Я курю сигареты «ЛД». Только эта марихуана дает настоящее вдохновение.

– «ЛД – вдохновение миллионов», – завершал клип знаменитым слоганом проникновенный голос за кадром.

– Суки эти демократы! – взревел шеф. Щелкнула зажигалка, и по салону разнесся кисло-сладкий запах дорожущего «Кандагара». – У моей кабельной сети девяносто процентов дохода от рекламы дури! Если они еще раз с этим законопроектом вылезут, будем мочить на хрен!

Реклама завершилась, забубнил очередной депутат, а шеф, размягченный хорошей травкой, снова захрапел, откинувшись на мягкий кожаный подголовник. Машина свернула с окружной, вышла на проспект, покрутилась между домами и остановилась напротив ухоженной парадной двери.

– Значит, так, Колян, – с трудом выбираясь из салона, прокряхтел шеф, – машину загоняй в гараж и завтра до одиннадцати свободен. Я утром сам поведу, приедешь в офис – жди меня в дежурке.

Шеф сделал несколько нетвердых шагов, сильно качнулся и схватился обеими руками за дверной косяк. Вставить карточку в считыватель замка ему удалось только с пятого раза. «И так вот чуть не каждый день, – с ненавистью подумал Колян, – к концу дня накурится до свинского состояния и лыка не вяжет. Не мог сразу предупредить, что машину забирает?»

Николай вышел из подземной парковки, задрал голову и начал разглядывать низкие облака. Среди множества рекламных транспарантов, нарисованных лазером прямо на смоге, отыскался и номер для заказа такси. Колян достал телефон. Псевдоэкран засветился, повис в воздухе, и на нем появилось синтезированное изображение девушки-диспетчера.

– Добрый вечер, – сказала девушка и мило улыбнулась. – Желаете такси?

– Да, – ответил Николай.

– Ваше местонахождение определено. Сообщите, пожалуйста, пункт назначения.

– Седьмой проезд Новодворской, дом пятьсот восемнадцать, корпус «Ю».

– Оптимальный маршрут для наземного такси составляет двести одиннадцать километров. Предположительное время поездки – три часа сорок минут. Время подачи машины – четырнадцать минут. Время доставки воздушным такси – двенадцать минут. Стоимость поездки шестьсот ...

– Спасибо, не нужно, – оборвал робота Николай.

– Благодарим вас за звонок, – ответила «девушка» и сразу же отключилась.

Платить из расчета двадцать копеек километр плюс рубль за посадку ради того, чтобы три с половиной часа тащиться в бесконечных тянучках, не было ни малейшего смысла. Воздушное такси домчит за четверть часа, но обойдется в половину месячного оклада. Оставалось одно – поехать на ближайшую станцию монорельса и добираться домой с двумя пересадками.

Прежде чем подняться в метро, он решил купить кое-какие медикаменты. В аптеке по позднему времени было почти пусто. Четверо подростков неопределенного пола терзали автомат, торгующий презервативами, а у прилавка стоял унылый тип в униформе службы контроля за канализационными сетями. Вышколенная продавщица в свежайшем белом халате вела с ним разговор:

– Что вам, молодой человек?

– Мне этот... эвтаназил.

– Какой будете брать, московский, швейцарский, венгерский, украинский?

– Не знаю. А какой самый дешевый?

– «Регенбоген» – дорогой, а остальные все примерно в одной цене. Берите «Рейнбоу» производства «Байер-Мицунэ», у них акция, скидка пять процентов, или вот этот, «Аркенсель». Можно киевскую «Веселку», но сами понимаете, завод американский, качество еще то...

– Хорошо, давайте «Рейнбоу».

– Вашу карточку.

– Вот, пожалуйста.

– Себе берете, родственникам, знакомым?

– Матери. Она на социалке, третий месяц заканчивается. Доктор сказал, что завтра можно будет...

– Обязана вас предупредить, – заученно зачастила продавщица, – что эвтаназил разрешается использовать только по назначению лечащего врача, утвержденному комиссией социальных гарантий. Нецелевое применение препарата является уголовно наказуемым преступлением и расценивается, в зависимости от применения, как самоубийство (с конфискацией имущества), преднамеренное убийство (с применением смертной казни) либо, в случае утери или хищения – как непреднамеренное убийство (с пожизненным заключением). В состав медикамента введены молекулы с уникальным кодом, а с вашей карточки считывается индивидуальный номер, так что в любом случае применение препарата будет зарегистрировано.

– Да матери моей сто семь лет. Она третий месяц на искусственном дыхании и кровообращении. Померла уже давно, но по новому постановлению только через три месяца можно отключать, даже при согласии всех ближайших родственников и установлении судом недееспособности. Но говорят, что все равно, хоть она вроде уже и не чувствует ничего, когда отключают – то мучения сильные, вот доктор и посоветовал побаловать напоследок...

Неприятный тип забрал свой «Рейнбоу» – плоскую коробочку с изображением символического тоннеля и радуги, и отвалил от прилавка. Колян, не дожидаясь вопроса, протянул продавщице карточку и перечислил все, что ему требовалось.

Таблетка-стимулятор подействовала почти мгновенно. Усталость, накопленную за день, как рукой сняло. Николай не обольщался, он знал, что в его распоряжении всего три часа, которых хватит, чтобы добраться до комнаты в общежитии и при этом не задремать в метро, – в городе было множество подростковых банд, которые специализировались на «шмоне» спящих пассажиров.

Мысли вернулись к происшествию на окружной. Голова заработала, и он наконец вспомнил, где видел лицо чуть не сбитого бомжа. «Василь! – прошептал он. – Василь Бережной! Но я же не знал, что и тебя...»

После того как в пятом классе на уроке начальной военной подготовки Коля впервые в жизни взял в руки пусть учебный, но автомат, у него больше не было никаких сомнений по поводу выбора жизненного пути. Отец, криптозоолог, и мать, редактор книжного издательства, отнеслись к этому с пониманием, хотя и не разделяли его увлечений.

Когда стало понятно, что с возрастом детское увлечение сына переросло во всепоглощающую страсть – он не вылезал с военно-исторических форумов и всерьез увлекался военными симуляторами, – они оплатили обучение в высшей военной школе. О госзаказе, даже после того как он получил высший вступительный балл, нечего было и мечтать – согласно постановлению Кабинета министров, преимущественным правом приема на бюджет пользовались дети офицеров.

По той же самой причине на распределение в армию Федерации можно было не рассчитывать – на долю контрактников оставались плохо оплачиваемые «иностранные легионы» да служба в миротворческих силах. После выпуска он подал заявку в рекрутскую службу и получил контракт в Южной Америке.

Демаркационную линию ни с чем нельзя было спутать. Стометровая контрольно-следовая полоса, плотно засеянная малыми пехотными минами и огороженная колючей проволокой с надписью на трех языках: «Стоять, опасная зона, огонь без предупреждения!» – тянулась от горизонта до горизонта. Базовый лагерь находился у подножия ацтекской пирамиды, а зона ответственности дивизии простиралась на пятьдесят километров на запад и двести на восток. По мандату Лиги Наций они блокировали границу между Мексиканской империей и Объединенными Картелями.

Картели, потеряв монополию на производство кокаина, искали новые источники доходов и, пользуясь своим несомненным военно-техническим преимуществом, чуть было не вторглись в

молодое индейское государство. Миротворческие силы Лиги встали у них на пути четыре года назад, когда в состав Империи, вслед за Техасом и Калифорнией, вошли государства Центральной Америки. Там командир взвода Николай Роцин принял свой первый бой и получил первое ранение. Звание старшего лейтенанта, а затем капитана ему присвоили досрочно.

Последний раз он видел Бережного в тот день, когда вся его жизнь пошла наперекосяк... Батальон особого назначения, в котором он командовал ротой, был поднят по тревоге. Выдвинувшись к полосе безопасности, миротворцы наблюдали, как на стороне Картелей из джунглей появляются беженцы. Толпа, состоявшая из женщин и детей, с трудом пробираясь через высокую, по пояс траву, приближалась к колючей проволоке.

Такое происходило далеко не в первый раз. Совет Картелей заключил договор с международной корпорацией с «обезьяньим» названием – «United Mankind» (их звали в народе «манки», обезьяны) и продавал ей под вырубку участки в джунглях, а заодно и находящиеся там индейские деревни. Индейцы, живущие без паспортов, по законам Картелей не имели гражданских прав и приравнивались к диким животным. Обычно перед зачисткой рейдеры – наемные отряды Картелей – отлавливали их и передавали «мартышкам» (так называли корпорацию офицеры и солдаты дивизии, в основном русские, украинцы и белорусы) как доноров для трансплантации органов. По всему миру бурно развивалась индустрия омоложения, и спрос на подобный товар в последние годы рос лавинообразно.

Но на сей раз, как сообщила разведка, картельщики, зачищая прилегающий к границе участок, встретили организованный отпор. Жители деревни, зная о том, что их ждет в ближайшем будущем, раздобыли оружие, и теперь мужчины, укрывшись в домах, прикрывали отход женщин и детей. Те, рассчитывая на помощь миротворцев, вышли к границе прямо напротив позиций, которые занимала его рота.

За деревьями взметнулась огненная стена.

– Суки, – процедил сквозь зубы связист Василь Бережной, – деревню сожгли, теперь будут снотворными капсулами отстреливать...

Над лесом появились антигравы рейдеров. Руки Роцина сильно, до боли сжимали держатель перископа. Он был русским офицером и позволить, чтобы вот так, прямо на глазах, мирных и ни в чем не повинных людей отлавливали, словно бродячих собак, не мог. Глядя на искаженные страхом детские лица, он скрипнул зубами, щелкнул тумблером общей связи и рявкнул в ларингофон:

– Рота! Слушай мою команду! Нападение на мирных граждан Мексиканской империи!

Через три секунды – табельное время активизации двигателей – в воздух взмыли все десять БМП-17 с полным боекомплектом на борту. Машины построились в боевой порядок и в мгновение ока пересекли границу.

– Второй взвод! Приступить к эвакуации мирного населения! Первый и третий, обеспечить прикрытие! А ты, сержант, – обратился он к Бережному, – отруби связь с командованием, а сам ори по открытым каналам: «Плохо слышу, повторите!» – пока не дам отбой. – Василь с пониманием глянул на командира и начал колдовать за пультом.

Над верхушками деревьев показались бронетранспортеры рейдеров. Система целеуказания насчитала пять харьковских «Гардиан 6У», устаревших но, тем не менее, представляющих собой грозную силу.

Три машины миротворцев опустились на землю в нескольких метрах от беженцев. Кормовые люки разъехались в стороны, и десантники, выскочив наружу, начали распределять индейцев по отсекам. Остальные БМП, прикрывая операцию спасения, кружили над землей, грозно наводя стволы на оторопевшего противника.

БМП второго взвода в считанные минуты приняли «живой груз», поднялись в воздух и понеслись в сторону ближайшей мексиканской деревни, расположенной в десятке километров. Роцин знал, что там спасенным беженцам в течение часа оформят все необходимые документы и дадут гражданство. Империя и Картели находятся в состоянии войны, жалобу в Лигу Наций никто подавать не станет, и операцию спишут как учебную тревогу.

Но рейдеры тоже были наемниками-профессионалами, им не хотелось терять лицо. Короткий выстрел лазерной пушки сжег кусты в сотне метров от беженцев, взятых в кольцо десантниками. Так противник давал понять, что предлагает «разумный компромисс», – командир рейдеров согласен на то, чтобы сентиментальные миротворцы забрали половину «товара», а половину оставили им как законную добычу. Такое иногда случалось, и многие командиры шли на молчаливое соглашение, понимая, что половина спасенных людей – это намного больше, чем ничего, а открытие огня на территории противника может привести к тому, что Лига проголосует за лишение Мексики миротворческого мандата.

Машины второго взвода разгрузились и мчались обратно. Остальные продолжали выполнять маневр прикрытия. Завидев, что миротворцы не собираются «делиться добычей», рейдеры начали перестраиваться в боевой порядок. Роцин снова скрипнул зубами. Нужно было немедленно что-то решать.

– Комвзвода-один! – отчетливо, под запись, проговорил он в микрофон. – Принимай командование! Как только заберете всех гражданских, немедленно возвращайтесь на базу. Ни на какие провокации не реагировать! Я действую на собственный страх и риск.

Пальцы Роцина забегали по клавиатуре. Он перевел управление огнем на командирский пульт, заблокировал все внешние каналы и, впервые в жизни порадовавшись тому, что командирской машине роты спецназа не полагается десантный экипаж, отстранил от управления всех, кто находился на борту, – связиста, механика-пилота и оператора вооружения.

Второй выстрел рейдеров оставил черное пятно в нескольких метрах от плотно сбившейся кучки людей. Не было ни малейших сомнений, что если миротворцы немедленно не уберутся восвояси и не бросят оставшихся индейцев, то следующим будет залп на поражение.

Не дожидаясь, когда машины приземлятся и начнут погрузку людей, Роцин взмыл над лесом, резким противоракетным маневром увел БМП в сторону и выпустил залп по первой цели. Транспортёр рейдеров, уже выходящий на боевой разворот, превратился в огненный шар. Остальные разошлись веером и выставили щиты силового поля, готовясь к атаке. Тактический пульт показал, что к рейдерам подходит подкрепление.

За семь с половиной минут наземного боя, который, как известно, характеризуется «скоротечностью, маневренностью и одновременными согласованными действиями в нескольких воздушных эшелонах», капитан Роцин, прикрывая эвакуацию мирного населения и отход вверенной ему роты, в одиночку управляя машиной и вооружением, продемонстрировал все, что умел. А умел он многое.

Руки, перелетая от штурвала к пультам, действовали так быстро, что сознание едва поспевало регистрировать отработанные до автоматизма действия. В глазах его при этом стояли лица женщин и детей, которых он наблюдал в перископ. «Самих вас, гадов, на органы...» – повторял он про себя каждый раз, когда очередная машина противника взрывалась либо, чадя, словно автопокрышка, падала в джунгли. Рейдеры, потеряв еще три транспортера, позорно бежали.

Возвращаясь на базу, он разблокировал связь и прошелся по каналам. Наблюдатель от Лиги Наций брызгал слюной так, что это ощущалось даже через армейскую радиостанцию. Штаб дивизии хранил молчание. В ангаре его ждал антиграв военной полиции. Роцин открыл отсеки, убедился, что все три его сержанта целы и невредимы, и, не оглядываясь назад, твердой

походкой двинулся в сторону ярко-синей машины с работающими мигалками.

Мексиканская империя больше всего на свете боялась утратить миротворческий мандат Лиги Наций и готова была по первому же требованию объявить самоуправного капитана военным преступником. Но Лига, по ряду внутренних причин, решила хода делу не давать и ограничилась аннулированием контракта.

Командир дивизии генерал Белоусов принял его в своем кабинете. Прервав доклад о прибытии, он вышел из-за стола, встретил капитана на полпути и крепко пожал ему руку:

– Спасибо за службу, сынок. Ты поступил как настоящий офицер. Будь моя воля – вычистил бы эту паршу до седьмого колена, – громыхнул он сверху вниз – генерал был почти двухметрового роста, – ну да ты нос не вешай. Что делать дальше собираешься?

– Еще не знаю, товарищ генерал. Может, пока в Сан-Франциско на работу устроюсь. Все-таки иностранный специалист...

– Даже и не думай, капитан, – покачал головой Белоусов, – после развала и инфляции в странах бывших США офицерская зарплата в пересчете на наши деньги – семь-восемь рублей. Так что без выходного пособия ты домой и через десять лет не вернешься. Деды наши думали, распадется Союз – будет манна небесная, отцы полагали: развалятся Штаты – настанет мир во всем мире. А оно вот как вышло – ни Союза, ни Штатов нет уже и в помине, а до рая земного как до морковкиного заговенья... Ладно, садись, Рощин, давай-ка по маленькой.

Генерал достал из стенного шкафа бутылку «Смирнова» – в дивизии традиционно не жаловали новомодную дурь – и разлил водку в хрустальные рюмки. Они чокнулись и выпили до дна.

– Приказом по Вооруженным силам Лиги тебя уволили без компенсации, – сказал после третьей генерал, – ты уж прости, капитан, время сейчас поганое, не я все решаю. Вот, что могу, – он протянул Рощину карточку с изображением стратоплана, – это билет до Москвы на вечерний рейс. Приедешь – позвони по этому номеру. Мой бывший начштаба в крупной компании замом по безопасности, поможет с работой.

Так капитан Николай Рощин, возвратившись в Федерацию, превратился в Коляна, персонального водителя генерального директора городской сети кабельных телеканалов. Позже, адаптировавшись к гражданской жизни, он понял, что билет на невообразимо дорогой рейс «Аэрофлота» генерал Белоусов справил ему за собственный счет.

То, что вслед за ним со службы вылетел его сержант-связист, было ошеломляющей новостью. Ведь он сделал все возможное, чтобы ответственность за бой с рейдерами легла на него, и только на него. Заходя в вагон монорельса, он думал, кому бы позвонить из бывших сослуживцев, чтобы справиться о судьбе Бережного. Почему же сержант, вернувшись обратно, не нашел его, не устроился на работу, оказался среди бродяг?

После беседы с генералом ему выдали в строевой части документы и в машине военной полиции, не позволив заехать за нехитрыми офицерскими пожитками, отвезли в аэропорт.

Для него осталось загадкой, как проникла в тщательно охраняемую «демилитаризованную» зону старуха-индианка. Была ли она среди тех, кого эвакуировали утром с территории Картелей, – он не знал. Старуха, в расшитом бисером пончо, с полосатым пером в черных как смоль волосах и неизменной трубкой словно материализовалась из серой бетонной стены и преградила ему дорогу.

– Ты великий воин, – сказала она, – ты спас женщин и детей. Мой народ благодарит тебя. Мы хотели устроить в твою честь праздник. Самые красивые девушки готовы любить тебя и желают родить от тебя ребенка. Но ты уезжаешь и больше никогда не вернешься на нашу землю. В знак признательности за то, что ты для нас сделал, мы дарим тебе талисман, – она сняла с шеи ониксовый медальон на тонком кожаном шнурке, – наклонись, я сама повешу его тебе. Вот так.

Спрячь под одежду и носи на теле. Когда тебе станет совсем плохо, попроси у него помощи.

С этими словами старуха развернулась и исчезла в боковом проходе. За несколько часов, оставшихся до начала регистрации, Рощин обошел все закоулки огромного здания, но так и не смог ее найти...

...Вспоминая о четырехчасовом полете в салоне бизнес-класса как о самом приятном событии за все последующие годы, Николай непроизвольно стиснул кулаки и протолкался в середину вагона.

Молодой человек, сидевший напротив, явно хвастаясь новым дорогим телефоном, в который был встроен цифровой телевизор, включил новостной канал и вывел цветное объемное изображение на свободную часть прохода.

«Сегодня Объединенная партия активистов национал-социализма и сионизма, так называемая ОПАНАСИС, провела ежегодную акцию, приуроченную к годовщине смерти исторического лидера этого движения, Дедмышера. Полвека назад молодой человек, после того как ему в очередной раз отказали в публикации эпической поэмы „Смерть черножопым!“, устроил публичный перформанс „в защиту свободы творчества“, утопившись в чане собственных испражнений, которые копил на протяжении нескольких лет. Один из фрагментов его поэмы, исполняемый на музыкальное попурри из „Хорста Весселя“ и „Хаванагилы“, с тех пор является гимном ОПАНАСИС. Министерство иностранных дел Израильской Автономии направило послу Федерации в Тель-Авиве ноту протеста по поводу допущения столь возмутительных акций, на что посол, как обычно, ответил...» На экране в это время начала разворачиваться архивная видеосъемка знаменитого самоутопления.

Рощина передернуло от отвращения. «Талисман, – привычно подумал он, – память о том, что было. Нету в нем, конечно, никакой магии, но вот прикоснешься – и легче на душе становится. Интересно, будет мне когда-нибудь еще хуже, чем сейчас?» Он привычным движением запустил руку под куртку и нащупал на груди теплый камень.

Парень с навороченным телефоном переключился на другой канал. Там тоже шли новости.

«Как известно, – стоя с микрофоном на краю свежеспаханного поля, вещала миловидная девица, – полтора месяца назад жители нескольких донских станиц оказали вооруженное сопротивление „United Mankind“ – организации, которая попыталась скупить принадлежащие им земли. Боевые действия в регионе, исторически заселенном казаками, вызвали широкий общественный резонанс. После референдума область провозгласила себя Донской Казачьей Автономией. В Новочеркасске сформировано правительство национального возрождения, которому Южная мобильная группа войск Федерации принесла присягу в полном составе. Новая администрация не успевает принимать добровольцев, прибывающих со всех концов страны. Следуя примеру казаков, начали борьбу с экономической экспансией международных корпораций жители Уральска, Запорожья, Читы и Хабаровска. Один из членов правительства национального возрождения согласился ответить на вопросы нашего корреспондента».

Рощин замер от удивления. На экране появился генерал Белоусов. Только теперь на нем была не угловатая чиновничья форма миротворческих сил, а парадный казачий мундир.

«Узнав, что происходит на родной земле, – громыхал генерал, – я оставил пост заместителя командующего Вооруженными силами Лиги Наций, вернулся домой и принял командование Добровольческой армией. На сегодня мы полностью очистили свою территорию от всей этой мрази, которая думает лишь о прибыли и в погоне за длинным рублем готова уничтожить все – культуру, традиции, нравственность. Само понятие „человек“ в терминах этих вот „Mankind“ приобретает совсем иное значение. Поэтому им не место на нашей земле. Правительство сформировано полностью, его полномочные представители делегированы в Совет Федерации, где на ближайшем заседании будет рассматриваться вопрос о признании Донской Казачьей

Автономии и вхождении ее в состав...»

Парень переключился на музыкальный канал. Рощин включил телефон и, не жалея денег, настроился на сетевое вещание.

«...нас уже поддержали братья из Запорожья, Читы и Хабаровска. В Новочеркасске работает десять приемных пунктов для записи добровольцев. Все, кто готов защищать нашу землю с оружием в руках, автоматически получают гражданство ДКА. И подписывать с Федерацией соглашение о „взаимной выдаче экономических преступников“ – а фактически ни в чем не повинных граждан, попавших в колеса бездушной тоталитарной машины и превращенных в рабов за мифические долги, – мы не планируем. Как говорили еще при царе Алексее Михайловиче: „С Дону выдачи нет!“»

Рассматривая на маленьком экране чистое, не затянутое вечным смогом небо над Доном, Рощин отчетливо представил, как завтра придет в центральный офис и наберет на пульте текст заявления об увольнении по собственному желанию.

На его место выстроилась целая очередь претендентов, так что начальство вряд ли потребует положенной по закону шестинедельной отработки.

А если и потребует, то к тому времени, когда суд вынесет решение о штрафе и аресте, он уже будет гражданином Донской Автономии. Он защелкал клавишами, выводя на экран расписание самолетов.

По проходу, шатаясь из стороны в сторону и толкая пассажиров, рваной походкой двигался уколотый в дым молодой синяк. На футболке у него была надпись «Frodo Beggins Forever». Рощин, которого тот подтолкнул под локоть, в отличие от безропотной толпы, не стерпел и схватил парня за шиворот. Наркоман ворочал расширенными зрачками и тупо улыбался.

– А ну-ка не тронь! – неожиданно взвилась пожилая женщина, до этого мирно сидевшая рядом. – Садись, сынок, отдохни, – она встала, уступая место синяку, – с работы поди, устал. Ну укололся немного, ничего страшного. Дело житейское, мой старший вот такой же – а ведь мухи не обидит, когда трезвый. А всё дружки со своей дурью.

Синяк, не обращая внимания на заступницу, что-то недовольно забормотал, плюхнулся на освободившееся место, навалился на девушку, сидевшую рядом, и пьяно захрапел. Рощин с трудом подавил желание накрутить немытые патлы на руку и, как только раскроются двери, вышвырнуть его из вагона.

Выбравшись на платформу, он пошарил глазами по облакам, обнаружил рекламу с нужным телефоном и набрал номер:

– Заказ билетов? Зарезервируйте два места на утренний рейс до Ростова-на-Дону. Один оплачиваю немедленно, второй подтверждаю через три часа. Нет, давайте, пожалуй, сразу два и пришлите мне воздушное такси. Цель поездки – окружное шоссе, северо-запад.

Зужа первым отошел после дозы. Над ними снова завис антиграв, и он решил, что это милицейский бобик, забравший Бяху, вернулся за дополнительной рабочей силой. Он не удивился, когда из машины вылез давешний водила, который чуть не сбил его на дороге. «Все, написал заявление, теперь точно закроют», – тоскливо подумал он и начал привычно ощупывать карманы.

– Василь! Сержант! Ты меня узнаешь? – неожиданно произнес водила.

– К-командир? – удивленно-вопросительно пробормотал еще не до конца протрезвевший Бережной.

– Да я это, я. Идти-то хоть можешь?

– Командир? Ты тут? Куда мы едем? Я проспал подъем?

– Поедем, сержант, туда, где за спасение женщин и детей со службы не выгоняют, – произнес Рощин, подставляя плечо медленно приходящему в себя парню. – Теперь все у нас

будет хорошо.

Водитель такси при виде грязного бомжа, которого выгодный клиент явно тянул в салон, хотел было возмутиться, но, услышав их разговор, лишь буркнул: «Покрывало в багажнике возьми, капитан, седушки не пачкайте, мне через два часа смену сдавать». Дождавшись, когда пассажиры займут места, он дал сигнал и резким движением военного пилота поднял машину в воздух.

«Похоже, – подумал Рощин, – что если сейчас попросить его включить трансляцию с Дона, то нам понадобится не два, а три билета на самолет».

Евгения Привезенцева

Город, который спал

Город чувствовал резкий запах людских эмоций. Терпкого и пряного животного влечения, мятной иронии, легкой гнильцы зависти и жажды мести, приторной наивности, тягучих цветочных нот восхищения. Все вместе давало какое-то сладковатое сочетание. Ужин, уже немного попробованный, но не съеденный. Три-четыре основных блюда, несколько десертов, застрявшие где-то посередине между кухней и помойкой. И так уже много тысячелетий.

Люди жили вместе с городом уже очень долго. Город веселился, и тогда смеялись и веселились они. Город грустил, и они говорили об упадке, кризисе, и их институты выпускали очередную партию психотерапевтов. Город любил. И у них случался демографический взрыв.

А сейчас город устал.

На мостовую упал кусок камня. Искусственный гранит, из которого было выстроено все стоэтажное здание, пробил бетонную плитку. Человек, шедший мимо, отскочил и выругался сквозь зубы, осознав, что камень пролетел в метре от его головы. А наверху серая тварь с крыльями хмуро разглядывала раскрошившиеся под когтями перила балкона, на которых она сидела. Она всего лишь грелась на солнце и мечтала о том, как ночью будет гонять кошек по крышам. Сидела, как обычно, спрятавшись в бликах света и никого не тревожа. А балкон начал рассыпаться под ее весом.

Где-то под ней, на двенадцатом этаже, семейка домовых собирала вещи в узлы.

– Не забудь плоску, заberi плоску, кому я сказала! Нет, эту оставь людям, ты что, как они без мисочки? И эту положи на шкаф. Найдут, не беспокойся.

Домовенок завязывал постиранным и выглаженным обувным шнурком края своего мешочка для игрушек. Мешочек был из натуральной ткани, он достался ему от бабушки. Настоящий хлопок, где сейчас такой возьмешь? Тихонько подошедший на мягких лапах кот принес в зубах свою старую игрушку – покусанную резиновую мышку.

– Ты хочешь, чтобы я ее взял, Тимоша?

Кот положил игрушку перед домовенком и улегся рядом.

Еще ниже, в парке, в ветвях старого дуба, окруженного «антивандальным» силовым полем и цепью, показывающей, где это самое поле начиналось, проснулся лунный вампир, невидимый при солнечном свете. Он достал кулон с кусочком лунного света, закованного в серебро, и прижался к нему губами. Свет грел его, он видел очертания держащих талисман рук. На соседних деревьях проснулись его друзья. Он чувствовал их и знал, что они, так же как он, смотрят сейчас из-под полуприкрытых век на окружающие парк дома. Бессонница... Он знал, что это значит.

– Ты устал? Ты хочешь спать? Люди не понимают тебя. Зато тебя понимаем мы. Мы поможем тебе. А когда ты отдохнешь, ты только дай знак.

Ветер пронесся по старому парку, взметнув свежескошенную траву. Город вздохнул.

Она стояла на веранде и смотрела вниз. Семьдесят пять этажей. Туман внизу и мороз, сжимающий легкие, вверху. В город пришел холод. И это было не только понижение температур... Ее сестра не звонила ей уже третий день. Что прошло трое суток, Ная понимала только по часам – все это время она сидела дома, не высывая носа на улицу. Лэра обычно звонила ей каждое утро, спрашивала, как дела. Перед тем как идти на работу, она узнавала у своей любимой сестренки, чем та собирается занять очередной свободный день. И Ная говорила, что будет рисовать, или пойдет в парк, или спустится в катакомбы, или будет бродить по

заброшенным складам, чтобы поймать идеи. Она всегда ловила идеи. Не ждала их, не звала, а искала, бежала следом и ловила. И рисовала, быстрее, быстрее, пока идеи еще были яркими и остро пахнущими. А когда они тускнели, отпускала их на волю готовыми полотнами, чтобы они набирались сил и смеха в галереях. Может, там их тоже кто-то поймает...

В первый день Ная позвонила сама.

– Все нормально. Прости. Я подумала, что тебе не нужно, чтобы я звонила.

На второй день тоже:

– Все хорошо. Просто... Я почти не спала сегодня, не следила за временем, думала, ты еще спишь.

Десять часов. Ная никогда не спала в такое время. А сегодня она не спала вообще. Тупая, гулкая, как эхо, тоска жгутом сворачивалась вокруг снов, не пуская их к ней.

Она вертела в руках трубку с набранным номером. Нажала «вызов».

– Ох, привет... Да, все хорошо. Ты прости, да... Просто так получилось. Ная, мне так грустно, мне плохо. Это пройдет, я знаю, все ведь хорошо. Смеешься... Нет, конечно. Ты прости, я исправлюсь, я обязательно буду звонить. Ты же меня знаешь, Ная.

Она знала. Она знала и ее, и себя. И такого раньше не было. Не было такой пустоты в словах и усталого беспокойства. С обеих сторон. А может быть, ей просто очень хотелось спать.

На следующий день Лэра и правда позвонила рано утром:

– Ная, они объявляют эвакуацию. Сказали, есть угроза химического заражения. Нет никакой угрозы, понимаешь? Так Андрей говорит, у него друзья в химконтроле. Нет никакой угрозы. Я не знаю, может, что-то с военными. Никто не знает.

Вечером Ная включила телевизор. Ведущая новостей, прямая как швабра, рассказывала монотонным голосом о продовольственном кризисе в Южной Америке. Ная привычно обошла вокруг проектора, рассматривая костюм телеведущей со всех сторон. Строго по дресс-коду: однотонная голубоватая ткань, без малейших украшений спереди. Зато сзади на шее был сооружен огромный мягкий бант, подпирающий высокую сложную прическу.

Изображение мигнуло и пропало. После секундной тишины включился спецвыпуск местных новостей.

– ...В городе объявлено чрезвычайное положение. В течение последующих двух дней будет проведена массовая эвакуация населения. Посильную помощь в размещении жителей нашего города обещала оказать мэрия ближайшего к нам мегаполиса. Начато строительство трехсот пятидесяти высотных многоквартирных зданий в северном районе Арвенда, которое планируется закончить уже через пять дней. До тех пор все будут размещены в подземных лагерях и убежищах восточного района...

– ...Соберите вещи. Большая просьба не оставлять в городе домашних животных. Если вы найдете чье-то животное, просим вас доставить его к «зеленому» корпусу Южного вокзала. После транспортировки животные будут размещены в Арвендском приюте, расположенном в восточном районе города...

– ...Просим вас сохранять спокойствие...

Ведущий являл собой совершенный, просто образцовый контраст с дикторшей федерального канала. В невнятного цвета костюме, сам весь какой-то серый, как оголодавшая мышь... Попытки гримеров придать лицу мужчины отдохнувший вид не увенчались успехом: выдавал взгляд. Видно было, что ведущий с трудом сдерживается, чтобы не зевнуть в топокамеру.

От разглядывания субъекта Наю отвлекло треньканье телефонной трубки. Звонила сестра. Сопела в трубку и говорила, что ей грустно. Ее веселая, эмоциональная, оптимистичная сестренка не могла сказать ничего, кроме «все так скучно». Она наскоро собралась и поехала к

Лэре.

Сообщение об эвакуации не вызывало у Наи никаких эмоций. Ну разве что было интересно, как это воспримут остальные.

В городском гравере ее любопытство было удовлетворено сполна. Восприняли как должное:

– Как хорошо, что именно в Арвенд, у меня там сестра, поможет и с работой, и ребенка в школу пристроить.

– Так весь город не спит уже третьи сутки, еще бы не эвакуировали. Это ж как мы траванулись...

– Я спал вчера.

– А как ты заснул?

– Да вырубился прямо в офисе. Только больше не хочется. Как в дыру провалился, проснулся через час весь в поту, руки трясутся, как после кошмара. А ничего не снилось, точно помню. Ну его, так спать...

– Я вот как чувствовала, что надо отсюда уезжать, вот прям как знала...

– Да переедем, через недельку уже обживемся на новом месте.

Серо-золотистая химера вернулась в город, коря себя за то, что, улетаая, забыла о своих самых слабых подопечных. Она стрелой пронеслась по улицам и зацепилась когтями за подоконник одного из домов. В комнате за стеклом двое ребятишек, мальчик и девочка, строили из кубиков домик. Перед ними лежала раскрытая книга сказок, и они пытались скопировать дворец, нарисованный на картинке. Кубиков малышам явно не хватало. Оба ребенка были бледные, с темными кругами под глазами и постоянно зевали. Химера поудобнее переступила на своем откосе и запела-заскулила, раскачиваясь в такт мелодии. Дети замерли и с непонятным восторгом уставились на картинку, а через несколько секунд легли на пол и сразу же заснули. На соседнее окно, хлопая крыльями, опустилась ее подруга.

– Пора.

Химера ласково посмотрела на улыбающихся во сне детей. Прислушалась к городу. И поняла, что действительно пора.

Города становятся брошенными вовсе не тогда, когда из них уходят люди. Они становятся брошенными, когда их покидают духи. Духи городов. Клань призрачных гарпий. Семейства домовых. Гоблины. Лунные вампиры. Когда уходят они, город засыпает. И тогда уходят люди.

– Но заражение...

– Нет никакой угрозы, ты сама говорила. Или Андрей что-то знает точно?

– Нет. Но, Ная, ты ведь сама видишь: никто не спит. Люди уже с ног валяются, соседка вон вчера только врача вызывала.

– Это не из-за химического отравления.

– Ты-то откуда знаешь?

– Знаю. Ты сама веришь в то, что они говорят?

– Да ну, какая разница – почему, ну, может, это психотропное воздействие, может, излучение какое-то, ты что думаешь, нам правду скажут? Если объявили эвакуацию, значит, не шутят.

– Здесь можно остаться.

Лэра молча смотрела на нее. Спокойно так и немножко грустно. Потом опустила голову и тихо сказала:

– Я знаю. Но я не могу. Здесь так тоскливо... Не было никакого воздействия. И ничего здесь

нового не появилось. Просто... Как будто кто-то украл наши сны. А без них спать так страшно... Ты ведь тоже почувствовала? Все это ощущают. Бред, я знаю. Это отравление. Наверняка.

Она подняла голову и посмотрела Нае в глаза. Жалобно, как ребенок, который хочет, чтобы взрослые убедили его, будто никаких монстров под кроватью нет.

– Наверное, да.

Лэра подобралась к ней поближе и уперлась острым подбородком в плечо.

– Все будет хорошо, правда?

– Правда.

Они долго сидели молча, обнявшись и глядя на дождь, затирающий контуры зданий.

– Я остаюсь.

На следующий день она организовывала свой «побег обратно». Она вылетела на своем маленьком гравере из города, чтобы датчики зафиксировали ее отсутствие. Пролетев пятнадцать километров, она опустилась возле изгиба русла пересохшей горной реки. Машинку она притулила на склоне так, чтобы ее не смыло паводком. Правда, когда она открыла дверцу кабины, оказалось, что спускаться придется с высоты примерно двух метров. Ная заглушила двигатели и, цепляясь за полозья гравера, слезла вниз. Триста метров выше по руслу... Там ее ждал человек, готовый провести ее в город. Договориться помогла Лэра. Ная вообще не думала, что сестра так сразу согласится с ее решением. Но, видимо, Лэра гораздо лучше понимала ее, чем полагала Ная.

Проводником оказался высокий поджарый мужчина лет сорока, с длинными грязными космами и обгрызенными ногтями, одетый при этом в весьма дорогой костюм. Да и гравер его, стоявший неподалеку, вызывал уважение. Бронированная крошка серебристого цвета с черепом и скрещенными костями, нарисованными на борту. Воздушный пират? Ная усмехнулась и повнимательнее присмотрелась к нему. Кожа с тонкими морщинами, в основном возле глаз. Цепкий взгляд. Ушные раковины в тонких нитях шрамов, какие остаются после операции. Ная видела по телевизору репортаж о модификации слуха, результат выглядел очень похоже. Неудивительно, если он сейчас слышит, как бьется ее сердце. Да, наверное, Лэра действительно понимала ее. Те, у кого в друзьях такие типы, гораздо терпимее относятся к чужим странностям и чужим желаниям.

Мужчина разгреб листья на земле и откинул крышку люка, небольшую, около метра в диаметре. Молча дал Нае включенный разовый фонарик и улыбнулся одними глазами.

Когда она шагнула в люк, не отрывая от него взгляда, он, уже открыто улыбаясь, но все так же молча, закрыл крышку и с тихим скрежетом повернул вентиль снаружи.

Она долго шла по прямому тоннелю. Это была широченная труба, проложенная под горной грядой. Встав на носочки и вытянув руки, Ная едва касалась кончиками ногтей ее свода. В тоннеле стояла абсолютная тишина. Лишь в одном месте она услышала журчание воды. Судя по показаниям карманного навигатора, она находилась в тот момент прямо под рекой.

Через четыре часа она, наконец, добралась до города. Тоннель завершался небольшой комнатой с одной-единственной запертой дверью. Ная подошла к ней, оглянулась на темный провал прохода и три раза постучала. Спустя пару секунд снаружи что-то загрохотало, и дверь со скрипом приоткрылась на несколько сантиметров. В получившуюся щель заглянула перепуганная Лэра.

– Больше не получается, она застряла...

– Что-то мешает?

– Нет, там ничего не лежит, я все от двери убрала.

– Давай вместе.

Минут пять напряженного сопения с двух сторон и даже битье головой об дверь ничего не дали.

– Петли заржавели, наверное.

– Сейчас гляну... Ну да.

Лэра тут же чем-то загремела, а потом, кажется, попыталась выбить дверь. Во всяком случае, через минуту дикого грохота та открылась.

– Ты что, петли выломала?

– Неа, ржавчину сбила там в одном месте.

– Хоть бы никто не услышал. Мы глубоко вообще?

– Да ну ты что, там сейчас такая паника, кому какое дело, что тут грохочет? В крайнем случае, решат, что кто-то гравер ремонтирует. А мы в подвале, минус первый уровень.

В городе и правда никому не было до них дела.

На улицах рядами стояли грузовые граверы, люди перетаскивали в них тюки с вещами и какую-то утварь. Типовая техника и мебель оставались в квартирах – в новых домах будет то же самое, может, даже модели поновее. Везде вроде бы царила суета, но суета какая-то вялая, сонная.

– До вечера будет переправлен весь багаж. В десять часов начнут перевозить людей. Это все время объявляют по громкой связи. Многие уже улетели, те, у кого есть свои граверы. Но в основном люди полетят на пассажирском транспорте. Мы тоже. Нас уже зарегистрировали на двенадцать часов. Про тебя я сообщила. Ты улетила утром встретиться с друзьями, в Арвенде появишься через несколько недель. Твой багаж перевожу я. Так что все в порядке. Главное – не светись первое время, скорее всего, за датчиками движения будут следить.

Весь вечер она провела с сестрой. Они говорили о мелочах, собирали мелкие вещи, которые Лэра не положила в багаж. Лэрин муж постоянно носился туда-сюда, прибегал с улицы, приносил какую-то мелочь, копошился в уже собранных сумках и убегал обратно.

Поздно вечером Ная помогла им вынести на улицу сумки и отдать их грузчику.

– Береги себя.

– Ты тоже.

– Если что – ты знаешь, я буду ждать тебя. Прилетай в Арвенд.

– Хорошо.

Ная улыбнулась и обняла Лэру. Уже глядя, как сестра садится в грязно-сером гравере возле окошка, как рядом устраивается ее муж, Ная подумала, как мало она знает о Лэриной жизни. Она прекрасно знала сестру как человека, была способна предсказать ее поведение в той или иной ситуации, но очень мало могла рассказать о том, чем та занимается днем, как проводит ночи и что за люди ее окружают. Бывает, что ты знаешь все про человека, думаешь, что он прост и понятен, и весь он перед тобой как на ладони, вот ты знаешь, что он делал вчера и чем он занимается в данный момент, а человек вдруг оказывается совершенно непредсказуем. И, наоборот, читаешь кого-то, как раскрытую книгу, регулярно общаешься, вы предельно откровенны друг с другом, доверяете, а как он живет – не знаешь. Наверное, есть какое-то правило равновесия в понимании личной жизни другого человека – либо ты знаешь суть, либо ты вникаешь во внешние проявления.

Массивный, похожий на длинного сегментчатого жучка, пассажирский гравер басовито загудел и поднялся в воздух. Лэра помахала Нае рукой и прижалась к стеклу лицом, расплющивая грустную улыбку. Гравер вертикально поднялся в воздух, грузно развернулся и на предельной для города скорости устремился на восток. Ная еще долго бы стояла на улице, глядя ему вслед, если бы не подошедший работник госгравслужбы:

– Леди, все в порядке? Вы ждете свой гравер? Вы помните его номер?

– Нет, то есть да, все в порядке, спасибо. Мой гравер только через два часа.

Человек в форме госработника отрепетированно улыбнулся, кивнул и пошел дальше.

Она пешком вернулась в свой район, разглядывая по дороге людей.

Всю ночь Ная наблюдала за неповоротливыми, перегруженными граверами, медленно вылетающими из города. С ее балкона было видно границу, колеблющееся силовое поле, начинающееся над уровнем вылета пассажирского транспорта, то есть в трехстах пятидесяти метрах над землей. Иногда граверы, водители которых не слишком хорошо рассчитали траекторию, ударялись о его край и, пружиня, отскакивали обратно. В этом месте все снижали скорость.

А потом все улетели, и Ная осталась в городе одна. По крайней мере, она никого не встречала.

Первые несколько дней она просидела дома, как и советовала сестра. Благо едой она запаслась заранее. Она наблюдала за пустыми улицами, по которым ветер гонял бутылки из-под пива и ошметки упаковочной бумаги. Ная старалась запомнить эту картину, ей почему-то казалось, что все скоро изменится.

Иногда мимо дома пролетали легкие спасательные граверы с открытым верхом. Один раз гравер летел по той же улице обратно, у спасателя на руках была огромная псина. Животное вертело головой и пыталось перебраться на колени к водителю. Прилетали за чьим-то потерявшимся любимцем. Больше они не возвращались.

Через неделю Ная начала выбираться на улицу. Она целыми днями бродила по городу, прячась от непогоды в пустующих домах. Почти все квартиры были не заперты, она могла зайти в любую и, сидя на оставленном хозяевами типовом диване, смотреть на льющий за окном дождь. Холодало. В лужи беззвучно шлепался мокрый снег, а к утру они превращались в наполовину обледеневшую кашу.

Вскоре Нае начало казаться, что она совсем одичала. Как Маугли. Есть люди – те, кто живет в городах, те, кто летает сейчас на своих граверах и купается в горных реках, и есть она. И если она встретит кого-то, то просто испугается и убежит. Не потому, что не хочет, чтобы ее выселили из города, а просто... Потому что это – люди. А может, наоборот, это они испугались бы ее.

Через месяц отключили электричество.

Если после первой бессонной недели у нее открылось «второе дыхание», то теперь силы медленно и неотвратно таяли. Она могла достать себе еду – во время своих вылазок она выяснила, что продовольственный склад с автономными генераторами все еще находился в режиме «чрезвычайного положения» и доступ туда был свободный. Но отсутствие сна ее медленно убивало.

Она не знала, сколько прошло времени, сколько раз она возвращалась на склад за кусками замороженной при диких минусовых температурах курицы, сколько залила в себя кофе, но усталость ее достала. Ная брела вдоль озера в центральном парке и разгребала опавшие листья, покрывавшие дорожку, когда поняла, что дальше идти не может.

Город с удивлением наблюдал за маленьким существом, свернувшимся в калачик под старой ивой. Эта женщина устала, как и он. Смертельно устала. Она не думала ни о чем, не переживала, не захламляла эфир лишними эмоциями. Она вообще была не похожа на людей, которые жили с ним раньше. Она ощущалась как дух города, только маленький, замученный и ограниченный человеческими потребностями. Она была как он до недавнего времени. Но его поняли, ему помогли. Уставшая... Своя...

Ная проваливалась в темную дыру, скользила по ее покатым стенкам, медленно скатываясь все глубже. Когда у нее начинала кружиться голова, она съезжала не прямо, а по спирали. Она думала, что же победит: отдых, подаренный организму сном, или нехватка питательных веществ, которая не даст ей проснуться. Она все-таки очнулась. На самом деле победил город, но она этого знать не могла.

Ная медленно поднялась и посмотрела на озеро. Его покрывала корка льда, блестящая в свете луны. Дерево, под которым она стояла, пушистой паутиной облепил иней. Ная потянулась и замерла, когда ее комбинезон захрустел. Мягкая ткань заледенела. Она пошевелила кончиками пальцев, потерла нос – ей не было холодно.

К тому моменту, как она поняла, что теперь не только не мерзнет, но и не хочет есть, прошло три дня.

Ее больше не клонило в сон, зато появилось удивительное чувство времени. Правда, точка отсчета немного сбилась. Она могла с точностью до пяти минут сказать, сколько времени прошло с того момента, как она упала в обморок на озере. Это было легко проверить – в городе осталось достаточно много часов, их можно было найти в каждом доме, правда, времени на такие поиски уходило прилично. Все будильники, настенные часы Ная стаскивала в одну из квартир своего дома. Некоторые она сразу отключала, чтобы сберечь заряд батареи.

Она могла часами бродить по городу, разглядывая монументальные архитектурные изыски вроде двадцатипятиэтажного дома, имитирующего своей формой колонну с капителью, или каменных лабиринтов подземных рынков. На некоторые балконы Ная забраться не могла, и тогда она начала использовать оставленные в городе мини-граверы, которые нашла еще в первые недели после эвакуации. Иногда она застывала на одном месте на несколько часов, наблюдая, как медленно ползущие тени съедает закат. Ей тогда казалось, что у нее перестает биться сердце и дышит она через раз.

Однажды она всерьез задумалась, а не поехала ли у нее крыша. Потом сказала себе: «Если даже и так, ну и пусть». И больше к этому вопросу не возвращалась.

К тому моменту, как все Наины часы разрядились, ей они уже были не нужны. Она сама себе была и часами, и компасом, и детектором воды.

А вот когда закончилось все топливо для граверов, это уже было посерьезнее.

В тот день, когда она в полутрансе стояла на перекрестке и смотрела вверх, на тающие в утреннем свете верхушки небоскребов, у нее появились крылья. Огромные, кожистые, по краям из них кое-где торчали одинокие перья, похожие на воробьиные.

Одно крыло было развито чуть меньше другого, кожаная перепонка на нем провисала. Крылья, которые должны были поднимать свою владелицу вверх, придавливали ее к земле. Ная поплелась к ближайшему зданию, вползла по лестнице на пятнадцатый этаж, спотыкаясь и цепляясь крыльями за перила, протиснулась через ставшую неожиданно узкой дверь на балкон и с мрачной улыбкой прыгнула вниз. И только развернув крылья у самой земли, пронзительно и хрипло рассмеялась. Краем глаза, уворачиваясь от пытающихся сбить ее столбов, она заметила радужные всполохи, разряды, прокатившиеся по камню мостовых. Тогда она подумала, что ей это только показалось.

Через неделю крылья выправились и равномерно покрылись сероватым пушком. Она облетела все районы, побывала на всех балконах, на которые раньше не могла забраться, но ни разу не взлетела выше самого крупного здания в городе. Это было не нужно. Им обоим это было не нужно.

Через триста лет город начал выстраивать защиту. От тех, кто мог захотеть вернуться. Было

еще рано.

Крыши небоскребов разрастались, между верхними этажами по воздуху прокидывались арки, похожие на ажурные мостики из детских сказок. Трехмерная паутинка как будто стягивала дома, чтобы они не убежали в разные стороны. Ная представляла себе, как дома будут бродить вокруг, словно овцы в стаде. Работа для неслабого пастуха. Некоторые арки обвивали кольцами другие, некоторые были сплетены как будто из нескольких четырехгранных жгутов. Она могла поспорить, что материалом был искусственный гранит, камень, из которого был выстроен практически весь город.

Она часами наблюдала, как город накрывает себя ажурным куполом. Снега на улицы попадало все меньше, зато постепенно становилось теплее. Вокруг нее как будто выстроилась каменная тепличка. Только в одном месте снег продолжал сыпаться через щель между арками. На мостовой уже выросла белая горка метров пятнадцати в высоту. Наткнувшись на нее, Ная начала рисовать на снегу ногтями. Они здорово отросли, первые пару лет она обгрызала их, потом бросила. Получились настоящие звериные когти, крепкие, заостренные, с такими хоть выходи на охоту, если бы было на кого. Теперь она нашла им применение. Она рисовала деревья, людей, город. наброски получались неровными, детскими, и она почти сразу же их стирала. Как-то она нарисовала собаку, огромного сенбернара выше нее ростом. Этот рисунок она оставила, но, когда вернулась через пару дней к исполинскому сугробу, его уже не было. А через месяц она встретила на улице снежно-белого щенка сенбернара.

После этого они уже вместе приходили к горке снега, тихонько садились рядом и смотрели вверх, туда, где, когда прекращался снегопад, проглядывало небо. И они видели кусочек дня, косые лучи солнца, которые доставали только до верхних арок.

Однажды Ная скорее почувствовала, чем заметила, как маленькая арка тянется закрыть дыру между домами, но расстояние было слишком велико. Тогда она нашла обломок парапета и втащила его по лестнице вверх. Это заняло у нее три дня – камень был слишком тяжелым, чтобы просто взлететь с ним. Ная приладила обломок так, чтобы он был поближе к маленькой арке, а, когда пришла на следующий день к сугробу, отверстия в куполе уже не было.

Как-то раз, когда наступила ночь, и Ная стало скучно, она начала представлять себе других существ, крылатых, как она, суетливо перелетающих между высотками или так же, как она сейчас, сидящих на балконах. Вот тогда она впервые увидела, как город начинает переливаться. Сначала цветные всполохи – раньше она думала, что ей они только мерещились. Потом по улицам прокатилась волна бирюзовой, слегка светящейся дымки, и каменные ниши, трещины в мостовых, оконные проемы наполнились мерцающим перламутром. Город улыбался ей. И Ная поняла, что ему нравятся ее мечты.

С этого дня город начал видеть сны.

Через тысячу лет она заметила, что начала сереть. Не то чтобы ее волновал оттенок собственной кожи, но темно-серая, с пятнышками и чуть темноватыми мраморными прожилками вен... Это уж слишком. Она металась между домами, сбивая крыльями колонны и рывая на грани ультразвука в разлетающиеся стеклянными брызгами окна. Ленивая истерика оборвалась, когда Ная со всей дури начала бить кулаками по ближайшей стене. Она замерла и медленно приложила ладони к камню. Потом подняла голову и огляделась вокруг. Это был цвет города.

Она пила вино, вытасченное из запасов на складе, бутылки пустели одна за другой, а она не чувствовала опьянения. В очередной раз. Смешно. У нее и смех изменился. Стал низким, обволакивающим. Наверное, таким смехом соблазняют. Разве люди это делают смехом? Может быть, и им.

– Ты не можешь напиться, любимая. Ведь ты из воздуха и камня. Камни не пьянеют.

Нервно дернула крылом. Разве люди, когда нервничают, шевелят крыльями?

– Ты ведь любишь летать, полетай... Мне так нравится это.

Она распахнула крылья и прыгнула вниз. Воздух зазвенел и подхватил ее, плети воздуха, нагретые несуществующим светом. Она сделала виток вокруг здания и закрыла глаза. Со всех сторон от нее было теплое и дружелюбное существо. Оно спало и улыбалось ей во сне. И Ная ворвалась в этот сон, закружила его цветным радостным калейдоскопом. И город засмеялся.

Разве люди вторгаются в чужие сны?

– Любимая...

Йен медленно брел по покатому склону. Он часто приходил сюда, благо гибкий график позволял недельные вылазки в горы. Эта красавица, окруженная огромной воронкой кряжей, напоминала округлую сердцевину хризантемы. Она, несомненно, стояла того, чтобы два дня пробираться к ее подножию через нагромождение скал. Йен чувствовал здесь удивительное умиротворение, какое бывает только в очень древних местах, пропитанных гремучей смесью пустоты и энергии. Потомственный эмпат не просто видел ландшафт, он чувствовал сонное спокойствие этой горы всем телом. Так отдохнуть, как здесь, ему не удавалось даже во время ежегодного отпуска в лучшем санатории планеты. Три дня шагать по белому снегу или месяц расслабляться под руками талантливых массажистов, в обществе подобранных компаний по его вкусу красоток? Если бы ему пришлось выбирать, он бы не задумывался. Сейчас он уже почти подобрался к вершине, еще два дня, и можно будет сделать привал на той стороне и поспать. Но Йен оттягивал этот момент, как только мог. Он сел на плотный бриллиантовый снег и, сузив зрачки, уставился на солнце. Поднявшийся ветер путал волосы и швырял ему в лицо щекочущиеся крупинки.

Город тихо и ласково баюкал своего любимого духа, вслушиваясь в ее мысли и окружая ее коконом снов, которые она для него придумывала.

Она хотела увидеть людей. Она так давно их не встречала, три тысячи лет. Она помнила, что сама когда-то была человеком. Она скучала.

– Что же ты раньше не сказала?

Ты так сладко спал...

Он пропустил тот момент, когда его ощущения начали меняться. Йен решил, что достаточно отдохнул и чувствует в себе силы идти дальше, хотя он просидел на снегу максимум пять минут. Он поднялся и, слегка покачиваясь от дурманящей мощи этого места, зашагал к вершине. В ушах стучала кровь, а сила все нарастала. И только когда чужие эмоции штопором ввинтились в мозг, повалив его на землю, он понял, что удивительное, пьянящее ощущение пробуждения принадлежало не ему. Через минуту перестало двоиться в глазах, и он смог поднять голову. Сначала он решил, что у него галлюцинации – по всей поверхности горы снег начал проседать неровными пластами. Он вытянул уши, надеясь, что хоть слух подскажет ему, что на самом деле все так же, как и было. А затем он сам с диким воплем провалился куда-то вниз.

Очнулся Йен на каменном уступе, выдающемся метра на полтора. Он рефлекторно выпустил когти и вцепился ими в покрывавший площадку лед – под ним была пропасть. Затем встал и осмотрелся. Надежда на безобидное и вполне поправимое помутнение рассудка медленно таяла. Йен стоял на явно рукотворном балконе перед дверным проемом. Через лед было видно вырезанные в камне цветы, обрамлявшие проход. Дверь шептала и манила, камни рассказывали историю тысячелетий, безупречно подогнанные плиты соблазняли эмпата

покрытыми патиной времени ощущениями. Йен уже сделал первый шаг, когда раздался далекий гул, переходящий в грохот, и из двери вылетело облачко ледяной крошки.

Город чихнул. Город проснулся.

Часть вторая

Счастливый новый мир

На свете есть любопытные люди и есть интересные места. Иногда они плохо сочетаются друг с другом. Я – любопытный человек, и не могу сказать, что меня не предупреждали. Более того, меня предупреждали не раз: «Артем, не суй свой нос в это дело, он может пострадать». Вы думаете, я внял предупреждениям? Если вы так подумали, то вы не знаете меня – Артема Ванкеля, искателя приключений и экстремального журналиста. Когда-нибудь это занятие должно было довести меня до беды. Я имею в виду не те обычные неприятности, которых у меня всегда хватает, а настоящие большие проблемы, которые могут доставить по-настоящему большие люди. Я их получил. И если я до сих пор передвигаюсь на своих ногах, а не сижу в самом глубоком из подвалов некоего серьезного учреждения, то это заслуга не моего ума, а моего везения. Бог бережет любопытных дураков. Я так думаю.

Вот вам и причина, по которой я обрел временное место жительства в этом городке, не заслуживающем даже того невзрачного названия, какое он носит. Здесь довольно мило – если вы любите тишину, полусельский зеленый пейзаж и бродящих по улицам кур. Отделив себя от столицы изрядным количеством километров разбитых дорог, я чувствовал себя много спокойней. Мой приятель, давший мне убежище, – слишком дальний знакомый, чтобы «люди в черном» могли вычислить эту связь. Я очень надеялся, что через полгода пыль уляжется, и все благополучно забудут о моем существовании. Иногда полезно побыть незаметным, и лучшего места для растворения в пейзаже мне не найти – в этой тараканьей глуши нет не только Интернета, но даже и мобильной связи.

Мой приятель Федор – начальник местной милиции. В Америке он бы назывался шерифом и носил звезду, здесь его все называют по имени и он носит выцветшие погоны старлея. Он не перетруждается на своем посту – это действительно тихое местечко. Он же и придумал мне занятие, позволяющее прокормиться на местности. (Снимать сейчас деньги с кредитки – все равно что пускать сигнальные ракеты, размахивать флагом и орать: «Вот он я!» Да и ближайший банкомат отделяло от меня полтысячи километров...) Любезный старлей, оставшийся передо мной в долгу (я в свое время вытащил его из очень неприятной истории), вовремя вспомнил, что я когда-то был неплохим автомехаником. Оказывается, местное население давно нуждалось в услугах специалиста – до сих пор, если у кого-то ломался автомобиль, в него попросту запрягали лошадь и таким незамысловатым образом буксировали без малого двести верст в областной центр, который тоже не изобиловал механиками. Вообще хороших автомехаников – раз, два и обчелся. Это связано со спецификой профессии.

Чтобы быть хорошим мастером, человек должен обладать системным логическим мышлением и умением вывести причину из следствий – это просто необходимо для диагностики. Однако человек, обладающий таким мышлением, моментально выводит логически, что есть куча способов заработать больше денег не марая рук, – и бросает это занятие. Поэтому в сфере автосервиса преобладают бессмысленные крутильщики гаек. Проза жизни.

Имея в приятелях «местную власть» в виде моего старлея, я мог не заморачиваться формальностями вроде лицензии, основной инструмент, по счастью, имелся в моем микроавтобусе – оставалось только найти помещение. Однако и тут мой «шериф» расстарался – и утром, выпив обязательную в здешних краях кружку молока, я отправился обозревать свои будущие владения.

Я не знаю, было ли это здание именно пакгаузом, но это слово подходило к нему идеально. Выстроенная из багрового кирпича коробка с узкими окнами под крытой ржавым железом крышей просто напрашивалась на это название. Строитель сего был гением – добиться с помощью столь незамысловатых материалов такого потрясающего уродства... Это надо было суметь. Заросшие крапивой ржавые ворота свидетельствовали о низкой популярности строения. Меня это ничуть не удивило – дискотеку тут не устроишь, винный магазин тоже, а на большее у местных предпринимателей пока не хватало фантазии.

– Ну, как тебе? – спросил лейтенант.

– Жуть какая... Что это такое?

– Ну, когда-то, чуть ли не при царе, на месте города был крупный железнодорожный узел. После войны он как-то сошел на нет, но несколько построек осталось. Формально этот домик принадлежит Управлению железной дороги, но фактически он ничей – рельсы давно разобрали.

Закатав рукава форменной голубой рубашки, старлей извлек из планшетки ключ. Такого мне еще видеть не доводилось – просто произведение слесарного искусства, размером чуть не с полруки, с замысловатыми кружевными бородками. Такому ключу место в музее. Мы с лейтенантом вцепились в створки и потянули. Потом еще раз потянули. Потом приналегли по-настоящему – с жутким скрипом, посыпая нас ржавчиной и высохшими пауками, ворота открылись.

Внутреннее пространство пакгауза поразило своей чистотой и ухоженностью. Похоже, ворота и окна закрывались слишком плотно, чтобы напустить внутрь много пыли, а сухая атмосфера предохранила интерьер от ржавчины и плесени. В дальней стене обнаружились еще одни ворота – близнецы своих монументальных собратьев. Между ними пролегал рельсовый путь, посередине которой располагалась глубокая слесарная яма – мечта автосервиса. Здоровенные железные верстаки вдоль стен напоминали фигурным литьем швейную машинку «Зингер», а в титанические тиски можно было зажать небольшой автомобиль целиком, более того, в центре потолка проходил могучий швеллер, по которому каталась кран-балка с ручной лебедкой. Но наше внимание приковали к себе не эти радости автослесаря, а некое сооружение, расположившееся возле стены. Замысловатый механизм, сделанный из блестящего клепаного металла, изобиловал сложной формы кованными шатунами, немислимыми шестеренками и червячными передачами, а также какими-то латунными цилиндрами, трубочками и клапанами. Наличие широкой трубы и железных колес позволяло с некоторой натяжкой признать ЭТО свободной фантазией на тему паровоза – то, что он стоял на рельсах, само по себе косвенно подтверждало это умозаключение. В дальней части пакгауза даже была полноценная железнодорожная стрелка, позволяющая переводить железное чудовище на центральный путь.

– Боже мой, Федор, что это за штука? – Моему удивлению не было предела.

Похоже, лейтенант был озадачен еще больше меня. Он как будто не верил собственным глазам.

– Надо же... Он действительно существует... – наконец выдавил из себя старлей.

Я моментально наострил уши – обожаю всевозможные тайны и загадки.

– Что существует? Ну-ка, ну-ка, поподробнее!

– Это долгая история, – сказал Федор, – пойдем пивка попьем.

Несколько мощных пинков и нецензурных выражений – и ворота были возвращены в первоначальное состояние. Казенные милицейские «Жигули», клацая подвеской (первый кандидат на ремонт!), повезли нас навстречу вождьленному напитку.

Местное питейное заведение называлось незамысловато: «БАР». Что ж, пускай и без фантазии, но по существу. Чтобы увидеть такой интерьер в Москве, вам понадобилась бы

машина времени, а тут – пожалуйста, типичный пивняк времен конца социализма, с ободранными столами, покрытыми выцветшей клеенкой, и с расшатанными табуретами. Ассортимент тоже не блистал разнообразием, меню состояло из одного напитка: «ПИВО». Просто пиво – без роду без племени. Впрочем, оно было мокрым и даже довольно прохладным, а большего в такую жару и не требовалось.

Как только мы, получив по кружке (требуйте долива после отстоя!), устроились за столом, я немедленно насел на старлея:

– Ну, и что значит сей агрегат?

– Вообще-то это старая история, вроде местной легенды. Я всегда думал, что это обычные враки, которыми развлекаются деды на завалинках, поэтому так и удивился... Вроде как был у нас еще в начале прошлого века, до революции, знаменитый паровозный механик, то ли Феофилов, то ли Феофанов... Здесь тогда была большая перевалочная станция, но в 30-х годах ее ликвидировали. До сих пор видно – куча насыпей, где рельсы лежали, ну и здания кой-какие остались... В общем, под старость лет этот механик слегка головой подвинулся и решил суперпаровоз создать, которому угля вообще не надо, только воду подливай – ну, вроде как вечный двигатель. Замучил он начальство своими прожектками, до губернатора дошел, царю писать собирался – ну, и выгнали его к чертям из депо. Жалко его было – хороший механик, – но очень уж всех достал. Тогда он разобиделся, заявил, что всем докажет, продал все хозяйство, построил этот пакгауз и принялся за работу. Тут версии расходятся: одни говорят, что так ничего у него не вышло, и он от огорчения помер, а другие – что он душу дьяволу продал за чертежи, и все у него получилось, но, когда он решил продемонстрировать изобретение в действии, его этим же самым паровозом и задавило...

– И, конечно, неприкаянный дух этого Феофилова-Феофанова до сих пор бродит, стелая, вокруг своего паровоза, – зловещим голосом продолжил я историю.

– Само собой, – рассмеялся Федор, – как же без этого...

– То-то я смотрю, его до сих пор на металлолом не растащили – побаиваются привидений?

– Да нет, думаю, просто забыли про него все. Никто и представить не мог, что он до сих пор там стоит. Этот пакгауз поди лет сто не открывали – кому он нужен? Так что обживайся там, клиентов собирай, а с духом Феофилова разберешься, я думаю.

Мы посмеялись, допили пиво и разошлись по своим делам.

Для маленького автосервиса пакгауз оказался более чем хорош – после героической борьбы с заматерелой крапивой (обе стороны понесли существенный урон) и смазки ворот получился вполне удобный заезд, прямо на яму. Рельсы были притоплены в цементный пол и почти не мешали – выкорчевать их все равно было мне не по силам. Инструменты разместились на верстаках, и уже к вечеру я, зверски почесываясь (крапива дорого продала свою жизнь!), раскрыл ворота перед первым клиентом.

Жизнерадостный дед («Михалыч»!) – избыточно громким голосом глуховатого человека представился он) на замшелом «Москвиче» неторопливо притрюхал по прорубленной в крапиве дорожке. Диагностика тут не требовалась – перекошенная машина явно говорила о лопнувшей передней пружине, а глухое бумканье – об «убитых» шаровых опорах. На мое удивление, дед оказался готов к вердикту и тут же достал необходимые детали из недр ржавого багажника. Вместе с железками на свет появилась характерной формы бутылка литра на полтора:

– Не побрезгуй, сынку, – проорал Михалыч, – сам гнал! Як слиза, бачишь? На березових бруньках!

– Да не надо мне... – стал отказываться я, подозревая, что со мной хотят расплатиться за ремонт местной валютой, но дед был неумолим:

– Ты только попробуй, в столицах такого не найдешь! Ты не думай, я деньги тебе за ремонт заплачу, а это от чистого сердца! Не обижай старика! Сам ведь гнал! На бруньках!

Устоять против такого напора я не смог, и бутыль перекочевала под верстак.

– Ты только Федьке не говори, шо я гнал, – заорал Михалыч так, что наверняка было слышно не только Федьке, но и всем остальным имеющим уши, – он знает, конечно, но ты все равно не говори. На всяк случай – бо шоб не вышло чё.

Засим колоритный дед удалился, но еще некоторое время из-за крапивной стены доносилось громогласное: «На бруньках!» и «Як слиза!» С облегчением вздохнув, я переоделся в рабочий комбинезон и спустился в прохладную яму.

Через час я почти исчерпал свой нецензурный лексикон, но ржавые болты все-таки были побеждены (не без помощи найденной в одном из ящиков циклопической бронзовой кувалды – она вполне бы подошла скандинавскому богу Тору), однако собрать подвеску сразу было не суждено – ржавой железякой я зверски распорол себе руку. Черт, похоже, навыки были слегка поутрачены... Кровь хлынула ручьем, и мне пришлось заматывать рану тряпкой. Пока я метался по пакгаузу в ее поисках, рабочий настрой окончательно исчез. Так что приезд старлея был воспринят мной с некоторым вялым энтузиазмом – появился повод отвлечься. Проницательный шериф наметанным взглядом немедленно засек бутыль:

– Михалыч? На бруньках? – усмехнулся лейтенант.

Я кивнул, а потом с запозданием вспомнил про конспирацию:

– Я тебе этого не говорил!

– Ну да, ну да... Конечно. Тоже мне, партизан... Кстати, отличный повод – с первым клиентом тебя!

У запасливого Федора моментально отыскались и стопочки, и незамысловатая закуска в виде сала, хлеба и лука. Накрыв импровизированный стол на облезлом капоте «Москвича», мы бодро разлили по первой.

– С почином тебя, Артем! – провозгласил старлей.

Затем последовали неперенные «За настоящую мужскую дружбу», «За то, чтоб не последняя», «За прекрасных баб», «Шоб у нас все было!» и прочие неперенные в русском застолье тосты. В какой-то момент я с удивлением обнаружил, что бутыль уже ополовинена, а я излагаю лейтенанту все перипетии моей последней неприятной эпопеи. Федор же, приобняв меня за плечи, заплетающимся языком говорит: «Хороший ты мужик, Артем, но занимаешься всякой херней!» Затем он начал меня убеждать, что вся беда в столице, а нормальный мужик (вроде меня) должен жить непременно в провинции и заниматься настоящим мужским делом (вроде авторемонта).

– В вашей Москве одни пидоры и студенты, которые тоже пидоры, – с великой убежденностью вещал он, – а настоящие мужики все здесь!

При этом он так истово стучал себя в грудь могучим кулачищем, что я испугался за его здоровье. Остатками гаснущего сознания я понял, что если хочу выжить, то пьянку пора заканчивать. Мне не сразу удалось донести эту мысль до собутыльника, который, кажется, только вошел во вкус, но через некоторое время он внял моим доводам.

– Эх, – сказал он с глубоким сочувствием, – слабое у тебя здоровье. Это все Москва ваша виновата! Ничего, поживешь тут у нас и...

Глаза его снова сфокусировались на бутылке. Я торопливо сказал:

– Ну, по последней – и спать.

Налили по последней.

– Ну, удачи! – рывкнул шериф, хлопнул стопку и побрел к своей машине.

Шел он с некоторым напряжением, но, оказавшись за рулем, неожиданно приободрился и,

посигналив на прощание, резво стартанул. Я подивился стойкости местной милиции и вернулся в пакгауз. Меня сильно шатало, и в голове плавала светлая муть. Литр крепкой самогонки на двоих – это был явный перебор, но я как-то автоматически налил себе еще. Застыв со стопкой в руке, я задумался: хотелось произнести какой-нибудь завершающий тост. Взгляд мой упал на блестящие поверхности нелепого паровоза, и я с пафосом провозгласил:

– За тебя, Феофанов, несчастный ты придурок!

Последняя стопка вырубил меня как дубиной по голове, дальнейшее помнится очень смутно – кажется, я зачем-то полез в кабину паровоза. Во всяком случае, проснулся я там, скрючившийся в жутко неудобной позе и весь закоченевший на железном полу. Сказать, что мне было плохо, – сильно приукрасить ситуацию. Руки тряслись, ноги подкашивались, а в голове перекачивались некие не вполне круглые, но сильно неудобные предметы. Возможно, это были загадочные бруньки... Вдобавок я оказался весь перемазан засохшей кровью – тряпка на руке каким-то образом размоталась. Впрочем, в кабине было чисто – похоже, рана раскрылась и успела засохнуть до того, как я влез в паровоз... Удивительно, что я не истек кровью...

Выбраться из кабины было сродни подвигу – я даже не мог ругаться, только тихо постанывал. Огляделся вокруг, ожидая увидеть кровавый след, – но все было чисто. Ну и черт с ним, не до загадок... тем более, что с улицы уже доносился отвратительно бодрый голос Федора:

– Але, гараж! Подымайся, Артем!

Солнечные лучи из открытых ворот полоснули по глазам – я болезненно сморщился и издал слабый стон.

– Что, плохо? – догадался лейтенант. – Эх, столица... А ну как я тебя сейчас поправлю!

Перед моим носом появилась знакомая стопка. От запаха алкоголя меня чуть не вывернуло, в сознании смутным эхом прозвучало сакраментальное: «На бруньках!», «Як слиза!» – но было поздно – решительный шериф моментально влил в меня страшный напиток и уже подсовывал огурец.

К моему изумлению, мир резко просветлел и сознание вернулось. Заботливый старлей уже подносил вторую, приговаривая, что клин надо вышибать клином и что рассолом голову не обманешь. Я уже почти не сопротивлялся, лишь вяло бормотал, что надо же работать и что Михалыч придет за машиной...

– Тю, а ты разве не закончил еще? – удивился Федор. – Вроде на месте все...

Я с тупым удивлением посмотрел на лейтенанта, потом перевел взгляд и увидел, что «Москвич» действительно стоит на всех четырех колесах, а домкрат заботливо поставлен на свое место под верстак. С некоторым усилием я спустился в яму и обнаружил, что новая пружина и шаровые опоры находятся на положенных им местах и все гайки плотно закручены...

– Я и сам удивляюсь, – сказал Федор, – когда, думаю, Артем успел? Вроде уезжал – все разобрано было... Ну ты даешь, столица!

Я помотал головой, пытаюсь прийти в себя. Ситуация не прояснилась. Я посмотрел на руки – они были чистыми, только рукава комбинезона в крови. Что же это получается – я, в полном беспмятстве, собрал подвеску да еще и руки успел помыть? Ничего себе бруньки... Странно это все. Думать о странном не хотелось – думать вообще не хотелось. Хотелось спать. Лейтенант отбыл по своим милицейским делам, а я завалился на раскладушку и погрузился в сон, из которого меня вывело только громогласное приветствие Михалыча.

Неистовый дед расплатился со мной за ремонт, добавив «от чистого сердца» еще одну

бутыль – по счастью, поменьше предыдущей, – и отбыл. Спорить с ним сил не было. Сомнамбулически побродив по пакгаузу, я решил, что лучшее лекарство от похмелья – здоровый сон, и вернулся на раскладушку. Снилось мне всякая чушь: я мчался на нелепом паровозе Феофанова в сияющие дали, среди пейзажей немыслимой красоты, но мне почему-то было очень грустно. Со мной в кабине стоял Михалыч, и ветер развеивал его седую бороду. Он был непривычно молчалив и задумчив. Среди хитрых рычагов управления шустро поворачивался какой-то невзрачный мужичонка преклонных лет, одетый странно и старообразно. Во сне я как-то сразу догадался, что это и есть пресловутый мастер Феофанов. Мне очень хотелось расспросить его о том, что на самом деле случилось с ним и с паровозом, но я почему-то не мог произнести ни слова. Да и глупо было спрашивать: вот паровоз, вот механик – что мне еще надо? Во сне это казалось очень логичным. Неожиданно паровоз шумно затормозил, выпуская клубы пара.

– Конечная! – сказал Феофанов и указал на Михалыча: – Ему сходить.

– А нам? – спросил я.

– Мне туда дороги нет, а тебе пока рано.

Я не очень удивился, во сне его слова показались мне исполненными глубокого смысла. Между тем Михалыч кивнул мне на прощание и так же молча сошел на какой-то заброшенный полустанок. Вокруг расстилалась серая безрадостная равнина, и вид ее навевал тоску. Феофанов зачем-то застучал кулаком по клепаному котлу, производя неожиданно сильный грохот, и потянул за рукоятку гудка – паровоз почему-то отозвался совершенно автомобильным звуком клаксона. Тут я понял, что проснулся и кто-то барабанит в ворота пакгауза, перемежая эти упражнения резким бибиканьем. Я пошел открывать.

На пороге стоял лейтенант, и вид у него был донельзя смурной.

– Что-то случилось? – спросил я.

– Случилось. Давай зайдем, не на пороге же говорить...

Федор зашел, огляделся, увидев новую бутылку, досадливо хмыкнул.

– У тебя Михалыч когда машину забрал? – спросил он.

– Часа в три... – ответил я с удивлением. – А что произошло?

– Помер Михалыч, – тихо сказал старлей.

В голове моей метнулась мгновенная паника – может, я вчера, волшебным образом собрав подвеску, гайки какие не затянул? На колесах, например... А дед через мое разгильдяйство разбился.

Этот ужас, видимо, отразился на моем лице, поскольку Федор торопливо сказал:

– Нет-нет, ты тут ни при чем. Он просто ехал от тебя, остановился у обочины и помер. Прямо в машине.

– Вот так, ни с чего?

– Ну, он вообще-то довольно старый был, – с сомнением протянул лейтенант, – хотя вроде крепкий такой дед... Бывает и такое.

Однако я видел, что старлея терзают какие-то сомнения, которые он усиленно, но тщетно от себя гонит. Мне страшно не хотелось спрашивать, но я все-таки не смог удержаться:

– Ты видел что-то необычное, Федор?

– С чего ты взял? – Лейтенант сразу напрягся. Похоже, я был прав.

– Иначе ты не пришел бы ко мне задавать вопросы.

– Да я не то чтобы видел... Скорее померещилось...

Федор нервно покосился в угол. Там не было ничего интересного, кроме безумного паровоза. Мне стало нехорошо – похоже, я вляпался в очередную историю. Всякие странности

липнут ко мне как мухи...

– Что ты видел? – спросил я тихо.

– Я же говорю – ничего! – ответил лейтенант нервно. – Просто мне показалось...

– Рассказывай.

Федор поерзал на инструментальном ящике, который служил ему сиденьем, и, помявшись, начал рассказывать:

– Понимаешь, дело в том, что он помер практически у меня на глазах. Я ехал из управления домой, и вижу, как Михалыч выруливает на своей колымаге. Ну, думаю, Артем уже сдал клиенту машину, все хорошо. Тут Михалыч вдруг как-то резко вильнул к обочине и встал. Я увидел, как он откинул голову на подголовник и застыл. Я сразу забеспокоился – была у деда привычка иной раз пьяным ездить. Я, грешным делом, и подумал: нажрался Михалыч на радостях, не иначе как с тобой принял. Решил посмотреть, как там и что, подъезжаю, а он уже того... При этом у него на лице такое выражение застыло, как будто он черта увидел. Но это не самое странное. Пока я вокруг деда суетился, все время что-то меня беспокоило – будто соринка в глазу. Что-то в поле зрения неправильное маячило. В какой-то момент я присмотрелся, а за заборчиком, там, где старая линия железнодорожная проходила, паровоз стоит. Мне не до паровозов как-то было, поэтому не сразу дошло, а когда я второй раз посмотрел – ничего там нету.

– Этот самый паровоз? – спросил я, уже зная ответ.

– Ну, если ты найдешь где-нибудь второй такой же, то, может быть, это был и не он... – невесело усмехнулся лейтенант. – Я же говорю – померещилось.

– Может, съездить посмотреть на эту линию? Следы поискать...

– Ты что? Нет там никакой линии. Одна насыпь осталась. Лет пятьдесят уже как нет.

Мы избегали смотреть в угол, но паровоз поневоле притягивал наши взгляды. В конце концов я не выдержал, подошел к нему и потрогал. Блестящий клепаный котел казался чуть теплым...

За воротами пакгауза раздался переливчатый звук многотонального клаксона, и чей-то голос завопил:

– Эй, командир, открывай ворота! Клиент созрел!

По лицу Федора можно было предположить, что он пытается прожевать лимон.

– Тюркин приехал, – сказал он коротко, – буржуй наш местный.

Я пошел открывать ворота. За ними обнаружился красный, как пожарная машина, спортивный «Форд-Мустанг», возле которого стоял коренастый мужик средних лет в таком же красном клубном пиджаке. На фоне крапивных зарослей и покосившихся заборов они выглядели нелепо, как жираф в коровнике.

– Здоров, командир! Проблему имеем!

– Поглядим, – ответил я, пытаясь не заржать самым неуважительным образом. Пресловутый Тюркин анекдотически смахивал на «нового русского» разлива этак года девяностого... Даже золотая цепь имелась. Широченная красная морда была раскормлена настолько, что казалось, поверх шеи ему немыслимым колдовством присобачили задницу, между ягодиц которой для смеху воткнули нос и усы щеточкой.

– Слышь, командир, – не унимался «буржуй», – сюда гляди.

Я поглядел: на правом крыле роскошного «Форда» была длинная глубокая вмятина.

– В натуре не вписался в ворота, прикинь?

– Отрихтую и зашпакую, но красить нечем, – сказал я с неохотой. Мороки с этим крылом предстояло немало.

– Говно вопрос, мне в центре правильные пацаны обещали покрасить! Делай, деньгами не обижу!

Нелепый Тюркин с третьей попытки загнал свой спорткар в паγκαуз – видно было, что машина для него слишком мощная и водитель он аховый. И зачем люди покупают себе такие тачки в таком захолустье? Тут и дороги под нее не найти...

Лейтенант после долгих уговоров согласился отвезти «буржуя» домой, и они вместе отбыли, а я остался мозговать над крылом. Работа предстояла мутная и кропотливая, а дело совсем к вечеру. Да и настроение после всех этих происшествий совершенно не рабочее... В конце концов я решил, что утро вечера мудренее, а Тюркин пусть пешочком пока походит, ему полезно. Впрочем, у него, наверное, еще машина есть – какой-нибудь соответствующий образу белый с золотом «Джип-Чероки»... Так что, вместо того чтобы в поте лица зарабатывать свой кусок хлеба с маслом, я решил подробно рассмотреть злобный паровоз – это соседство уже начало меня нервировать.

После получасового копания в латунных потрохах и кованых шатунах я впал в еще большее недоумение. Конструкция сия никак не могла работать! Описать устройство этой машины я затрудняюсь, но по уровню технического решения все это напоминало велосипед, в котором вращение педалей приводит в действие два брусочка, которые методом трения друг об друга нагревают воду в паровом котле, который приводит в действие паровую машину, которая крутит электрогенератор, который приводит в действие электромотор, вращающий колеса... Конечно, там все было не так, но по количеству бессмысленных преобразований энергии – примерно похоже. Более нелепой конструкции я в жизни не встречал. На мой технический взгляд, она нарушала все законы термодинамики и годилась только в качестве садового украшения. Пожав плечами, я отправился спать.

Во сне я снова увидел себя в кабине паровоза и почему-то ничуть этому не удивился. Похоже, подсознательно я ожидал развития событий. На этот раз мы никуда не ехали, а стояли на запасных путях какой-то немыслимо древней станции – может быть, той, которая была тут когда-то. Во всяком случае, видневшийся в отдалении пакгауз был почти такой же, только выглядел посвежее. Феофанов в каком-то замасленном картузе, тихо насвистывая, натирал тряпочкой медные детали. Мне захотелось вновь промчаться на паровозе по тем красивым местам, которые я видел в прошлом сне, но Феофанов покачал головой:

– Сегодня стоим – пассажиров нет...

– Что с вами случилось? – спросил я. – А с паровозом? Как все было на самом деле?

Феофанов помолчал, а потом сказал совершенно не в тему:

– Зря ты их накормил.

– Кого? – удивился я.

– Гремлинов. Они тебе, конечно, помогут, но с ними проснулся и кое-кто другой...

– Никого я не кормил! И кто это другой?

– Ты окропил своей кровью паровоз, и они проснулись, но проснулись не одни... И тот, другой, он не успокоится...

– Я не понимаю...

– Поймешь. Иди, тебя зовут.

Я немедленно осознал, что лежу на раскладушке в пакгаузе, через окна бросает яркие лучи солнце, а в дверь кто-то барабанит. Дурной спросонья, я поплелся открывать. За воротами стоял Тюркин собственной персоной. Он не успел ничего сказать – я махнул ему рукой, чтобы заходил, а сам поплелся к колодцу умываться. Похоже, спал я долго – солнце было высоко. Придется объяснять этому «буржуя», почему я к его машине еще не прикасался... ну и фиг с ним! Тоже мне, цаца какая. Скажу, что обдумывал и готовился, – пусть уважает мастера.

Вернувшись от колодца, я увидел, что Тюркин буквально подпрыгивает в дверях, напоминая привязанный за ногу полуспущенный аэростат.

– Ну, братан, ты даешь! – восторженно заголосил он. – Ты зачем сказал, что красить не можешь? Шутка, да?

Я прошел в пакгауз и взглянул на машину: левое крыло теперь ничем не отличалось от правого. От вмятины не осталось и следа. Ноги мои подкосились, и я сел на инструментальный ящик, на некоторое время перестав воспринимать окружающее. Вокруг меня суетился и подпрыгивал Тюркин, что-то нес своим высоким визгливым голосом, совал мне какие-то деньги, которые я, не считая, сунул в карман комбинезона, – но перед глазами моими стоял печальный лик старенького механика Феофанова и слышался его голос: «Они тебе помогут, но с ними проснулся и кое-кто другой...» Мне было как-то нехорошо, и, когда Тюркин унесся на своем «Форде», я вздохнул с облегчением. Надо было о многом подумать.

Раздумья завели меня в логический тупик – собственно, никакой достоверной информации о происходящем у меня нет. Разве что сны... Но что такое сны? То ли отражение реальности, то ли бред усталого мозга... Ну почему со мной всегда случается всякая чертовщина? Утомленный попытками объяснить необъяснимое, я уже начал задремывать, но тут примчался встрепанный лейтенант. Глаза его метали молнии, ноздри раздувались, но вид при этом был какой-то ошарашенный.

– Там, Тюркин... – выговорил он.

– Помер? – перебил его я. В моей голове с легким щелчком сложилась вся картина.

– Откуда ты знаешь? – сработала профессиональная подозрительность, и Федор уставился на меня с нехорошим прищуром.

– Догадался.

– Что значит «догадался»? – Взгляд лейтенанта буквально сверлил во мне дыры.

– То и значит. Ты и сам уже догадался, только признаться себе в этом не хочешь. Иначе бы ко мне не примчался. Какова причина смерти?

– Автокатастрофа. Он всегда носился по дорогам как раненный в жопу дятел, но это было нечто – разогнался, наверное, до двухсот и забыл повернуть...

– Готов поспорить, что он умер до столкновения...

Федор внимательно на меня посмотрел, но не стал спрашивать, почему я так в этом уверен, лишь на секунду взгляд его метнулся к паровозу и обратно. Он пожал плечами:

– Тюркин всегда был надутым придурком, но мне это все не нравится. А Михалыч? Что они видели перед смертью? У обоих был такой ужас на лицах... Что ты скажешь?

– Ты мне не поверишь.

– А ты попробуй.

– Все дело в паровозе. Похоже, несчастный мастер Феофанов, пытаясь заставить эту нелепую машину работать, пересек доступные человеку границы, и результат ужаснул его самого. Это больше чем паровоз, это нечто живое...

– Действительно, чушь какая-то... – резко сказал лейтенант. – Бред сивой кобылы.

Он решительно поднялся.

– Поменяй-ка мне лучше рулевую тягу, механик! А то совсем разболталась... Тяга в багажнике.

Федор направился к воротам. Спина его был напряжена, как на параде.

– Подожди, – остановил я его, – ты уверен, что надо? Ты точно не путаешь храбрость с глупостью?

Старлей мрачно усмехнулся:

– О чем ты? Я всего лишь прошу поменять тягу.

Помолчав, он добавил:

– Я отвечаю за этих людей. Даже за болвана Тюркина.

Федор ушел. Я удивленно смотрел ему вслед – надо же, какой пафос может скрываться в провинциальном милиционере! Похоже, он действительно чувствовал себя шерифом, а не чиновником на маленьком окладе. Ему было не все равно.

Открыв инструментальный ящик и достав домкрат, я полез менять тягу. Проклятая железка здорово прижавела, и я провозился дольше, чем рассчитывал, поэтому, когда лейтенант вернулся, я едва успел закрыть капот и вымыть руки. На этот раз – никаких гремлинов! Только тяжелый физический труд...

– Готово? – спросил он.

– Готово. Забирай машину. И... Это... Будь осторожен, ладно?

– Не говори чепухи, – лейтенант был совершенно спокоен, – мало ли что может померещиться.

Когда он уехал, я сразу улегся на раскладушку и попытался заснуть. Это оказалось нелегко – нервы были натянуты как гитарные струны, но я изо всех сил успокаивал дыхание и медитировал, пока наконец не провалился в тяжелый сон.

Оказавшись в кабине паровоза, я совершенно не удивился. Каким-то краем сознания я осознавал, что сплю, но меня это не смущало. Паровоз медленно ехал среди серых холмов, Феофанов в своем картузе стоял за рычагами, молча вглядываясь в даль.

– А где Тюркин? – спросил я. Я был уверен, что увижу в кабине покойного «буржуя».

– Уже там, – спокойно ответил механик.

– Где там?

– Не стоит тебе этого знать...

Голос его прозвучал так, что я понял – действительно, наверное, не стоит... Некоторое время мы ехали в молчании. Пейзаж за окнами кабины не менялся: те же низкие серые холмы, сглаженные потоком бесконечного времени. Потом Феофанов заговорил, но так тихо, что я не расслышал первых слов:

– ...никогда не просить.

– Чего не просить?

– Вечности. Нельзя менять бессмертие души на вечность существования.

– Я не понимаю...

– Я искал вечный двигатель, но хотел-то вечной жизни... Я думал, что если мне откроется одно, то недалеко и второе. Но и вечное движение мне не давалось – годы потратил я на этот паровоз, а он не желал работать. Тогда я обратился к гремлинам, духам техники, – я знал о них, ведь я столько лет проработал механиком... Я досыта накормил их своей кровью, но вечное движение было им не по силам. Тогда они призвали нечто... Оно выполнило мое желание, но сожрало мою жизнь. Теперь у меня есть вечное движение и вечное существование, но нет жизни – я лишь слуга, механик при паровозе.

Феофанов замолчал, а я не знал, что бы еще у него спросить. Между тем пейзаж за окном начал меняться – мы подъезжали к городу. Колеса бодро загрохотали на стрелках. Это был не тот город, который я уже успел изучить, и в то же время это был он – новые постройки как бы просвечивали сквозь строения начала века. Паровоз двигался к станции, исчезнувшей после двух войн и революции, постукивая на стыках давно разобранных рельсов. Он приближался к центру, и современность смутными тенями проступала сквозь добротные заборы купеческих домов и белые стены небольших церквушек. Единственным маяком оставался пакгауз – он,

похоже, прочно пустил корни в обоих мирах. Сначала мне показалось, что мы возвращаемся в него, но лязгнула стрелка, и паровоз изменил направление, все больше отклоняясь в сторону. Мы неторопливо двигались по какому-то запасному пути, сквозь него смутными тенями проступала улица... И вдруг я увидел, куда мы едем, – у обочины стояла машина Федора. Лейтенант еще не успел в нее сесть, он только взялся за ручку двери. Его движения были неестественно заторможенными, как при замедленной съемке, – вот он открывает дверь, садится, вставляет ключ в замок зажигания... Паровоз стремительно приближался, и вдруг я понял, что сейчас произойдет. С диким криком я оттолкнул Феофанова и дернул за бронзовый рычаг экстренного тормоза. Машина со скрежетом и шипением резко остановилась, и я спрыгнул из кабины – предупредить Федора, спасти...

– Нет, ты не можешь! – раздался крик механика, но я уже свалился с раскладушки, разом проснувшись.

Несколько секунд я стоял на четвереньках, приходя в себя, потом поднялся и посмотрел на паровоз. От котла ощутимо тянуло теплом. Вдруг, к моему ужасу, огромные чугунные колеса со скрипом провернулись, из перепускных клапанов с шипением ударили тонкие струйки пара. С лязгом перескочила стрелка, и чудовищный механизм медленно покатился в мою сторону. Я застыл, увидев в кабине паровоза скелет в истлевшем картузе, нахлобученном на голый череп...

Мощный рывок за плечо вывел меня из ступора. Между мной и паровозом стоял лейтенант – китель его был разорван и весь в подпалинах, от него ощутимо несло гарью.

– Так вот ты кто, сука! – заорал он. – На, получи!

Тут я заметил, что в его руке двадцатилитровая канистра, из горловины которой свисает тряпка. В воздухе ощутимо запахло бензином. Федор, резко хакнув, с натугой метнул ношу прямо в паровоз. Канистра попала в шатунный механизм, долю секунды сопротивлялась, но не выдержала напора чугунного кривошипа и лопнула, заливая бензином блестящие поверхности. Старлей моментально зажег спичку и кинул ее вслед за канистрой, одновременно мощным движением практически выбросив меня за шиворот из пакгауза. Внутри глухо ухнуло пламя, и лейтенант выскочил вслед за мной. Мы одновременно налегли на створки ворот, закрывая чудовище внутри. Из пакгауза донесся глухой вой, нарастающий стон умирающего механизма.

– Бежим отсюда! – заорал на меня Федор И мы побежали.

Мы успели чудом – когда мы уже неслись, не разбирая дороги, сквозь крапиву и кусты, сзади громко ухнуло, как будто выдохнул великан, и стены пакгауза разлетелись кирпичными обломками.

– Котел взорвался! – с удовлетворением в голосе сказал лейтенант. – Кранты ему!

Я ничего не ответил – в наступившей тишине, за потрескиванием гаснущего огня, мне отчетливо слышалось удаляющееся тум-тум-тум железных колес на стыках...

Может быть, мне показалось...

Виталий Сертаков

Счастливый мир

– Откуда ты ЭТО взял? – раздраженно спросила она. Она снова с кем-то болтала по телефону.

– Из магазина, как ты сказала, – рассеянно ответил он. – Послушай, ты представить себе не можешь, какой вариатор мы сегодня разрабатывали...

– Я спрашиваю – откуда ты ЭТО приволок? – Она вошла в комнату, трубка в одной руке, пакет с продуктами – в другой. – Ты хоть что-то видишь, кроме своих цифр?

– Из этого... из магазина на углу.

– На каком углу? Тот, что на углу, год назад снесли.

– Снесли? Как снесли? Там точно был магазин. Милая... – он попытался укрыться в душе. – Ты не поверишь... Тео выдвинул совершенно фантастическую идею. Представь, он предложил способ, как изменить постоянную Планка...

Но она уже схватилась за трубку.

– Сонечка, как ты сказала? Он забрал даже видик? Вот подлец... Сонечка, я перезвоню чуть позже. Мой оболтус снова все перепутал. Ну да, ну да, останемся голодные с его физикой...

– Аля, ты меня не слышишь, – он застыл на краю ванны, с мокрыми носками в руках. – Аля, если Тео ничего не напутал... ты только вообрази, Женевский ускоритель может оказаться не нужен!

– Это что?! – Она постучалась в дверь ванной.

– Это?.. Морковка и кефир. Ты же просила...

– Это. Не. Морковка, – отчеканила она. – Морковка. Не. Бывает. Зеленой. Тебе подсунули какой-то тухлый сельдерей. А кефир в мягком пакете не бывает твердым. И потом, на каком языке тут написано? Гд е ты раздобыл китайский кефир?

– Хорошо, я сбегая и заменю, – смутился он и тут же заговорил о своем: – Дослушай меня, любовь моя. Тео рассчитал феноменальную модель вариатора, управляя которым, можно плавно изменить постоянную Планка. Вчера вечером мы запустили этот прибор, и...

– Я заметила вчера, во сколько ты явился, – она в сердцах бросила пакет на стол и ушла продолжать телефонный разговор.

– Это как круги на воде, – тараторил он, натягивая свитер. – Пока проверить невозможно, первая волна колебаний слишком медленная, но если наши расчеты верны, то... не нужен не только ускоритель частиц. Не нужны будут космические корабли. Все дело в правиле Бора для вычислений Эттермана. Дойч в своем Принстоне не читал Упанишад, а наш Тео читал, в этом все дело. Упанишады объясняют, как достичь единства мира без правила Бора. Тогда получается, что можно выстроить не миллион параллельных миров, а один, абсолютно идеальный...

Вернулась жена:

– Мама? Это вы? Нет, мамочка, все в порядке. Просто нормальные люди, получив премию, покупают семье квартиры, машины... а другие тратят деньги на кучу микросхем... Милый, ты еще здесь? Поговори со своей матерью. Она четвертый день ждет, когда ты поможешь ей на рынке.

Он ударил кулаком в косяк:

– Уфф... мама. Да, все хорошо. Нет, засиделся на работе. Нет, не сегодня. Нет, не простыл. Нет, на работу не устраивался. Да, мне хорошо с Тео. Нет, денег не добавили. Да, Аля права. Да, потратил премию на «свои железки»...

Он вздохнул и выключил мамино щебетание.

Забрал пакет, вышел на лестницу, нажал кнопку лифта. В лифте заглянул в пакет. Нормальная красная морковь, обычный мягкий кефир марки «Простоквашино», сардельки...

Наверное, он перепутал кнопку этажа. Лифт дернулся не вниз, а вверх. Он хотел нажать кнопку «стоп», но ее почему-то не оказалось. Он очень удивился, поскольку всего три недели назад застревал в этом самом лифте, и кнопка тогда была на месте.

Двери разъехались, он сделал шаг и сощурился от яркого света. Лифт открылся не в заpleванный холл первого этажа, а прямо во двор. Это был не совсем его двор.

То есть это был совершенно не его двор. Голубые березки раскачивались под жарким ветром. Вместо снега и мерзкой талой воды колосилась веселая оранжевая трава. Там, где обычно мухами копошились алкаши, сияло зеркало пруда. На шезлонгах загорали старики. Мимо на ходулях прошел мальчик с очками ночного видения на лице и с длинным сачком. Он ловил в сачок и складывал в заплечный мешок маленьких пушистых зверьков, похожих сразу на паучков и белок. Вместо автомобилей у подъезда покачивались уютные двухместные дирижабли. В окнах его дома пропали стекла, а сам дом стал светло-салатным и покатым, как муравейник. Он выпустил из рук пакет. Присел, осторожно достал из кармана сотовый. Сотовый ПОКА был в порядке. Он набрал номер жены.

– Кто вы? – спросила она строго. – Не валяйте дурака. Уж как-нибудь голос мужа я различу. Откуда у вас его телефон? Вы его украли? Отвечайте же...

Он нажал кнопку. У него больше не было жены.

– Тео? – спросил он в шипящую мембрану. – Тео, если ты меня ЕЩЕ слышишь... у нас получилось. Идеальный, счастливый мир. Теперь осталось разобраться, зачем мы это сделали.

Юлия Гавриленко

Свеча для единорога

Почему-то тревога и разочарование очень редко глушат чувство голода. По крайней мере, у меня этот положительный побочный эффект никогда не возникает.

Я посмотрела на часы: заехать перекусить к родителям уже не успеваю. Лоток с мороженым и чипсами, криво прилепившийся рядом с извилистой тропинкой, вряд ли мог предложить мне что-нибудь сытное.

Хотя если взять брикет с вафлями... Я остановилась напротив лотка и невольно задумалась: не покатится ли он со склона, если слишком резко дернуть крышку.

Продавщица смотрела на меня так же задумчиво.

Приглядевшись повнимательнее, я увидела, что задние колеса лотка упираются в петлю узловатого соснового корня, и попросила нужный сорт мороженого.

Рыжая дама с пышной фигурой, ловко балансируя на самом краю обрыва, начала колдовать с заедающей крышкой и выскальзывающим сухим льдом.

– Девушка, а почему вы на телефонный звонок не отвечаете?

Я быстро накрыла ладонью карман. Как будто теперь продавщица не будет слышать звонок!

– Не хочу, – смущенно призналась я.

– Понимаю, понимаю, – подмигнула мне мороженщица, – сегодня все ругаются, а мириться не хотят. Жара.

Легкий холодок, преследующий меня с утра, превратился в ледяной водопад. Надежды не оставалось.

– На пляже люди часто ругаются, – пробормотала я.

– Не скажите. Я тут не первый год, место хорошее, и парк, и старые сосны, и чисто, и поиграть в волейбол есть где, а уж вода и песочек какие! У меня и дети сюда всегда ходили. Школьниками – просто искупаться, поиграть, а потом уже компаниями посидеть да пообжиматься. Одно из самых мирных мест у нас в городе. Никто никому не мешает, молодежь около мостиков, старички в заливе, nudисты за поворотом.

Крем-брюле оказалось слишком замороженным, его пришлось откусывать и оттаивать во рту. Наводящих вопросов я задавать не могла, но собеседнице явно хотелось выговориться, и она воодушевленно, с размахиванием руками и выпучиванием глаз, подтверждала мои самые худшие опасения:

– А эта неделя как началась, так я уж и не знаю что думать. Пацаны в понедельник затеяли драку, один другого столкнул не так в воду... Разделились и пошли стенка на стенку, и девчонки – не разнимать, а туда же, кто ветку схватил, кто камень. Кто-то убежал, за ним трое в погоню, там в камышах догнали, уже и милиция подбежала, растаскивают их, а они как бешеные, слюна летит, ругаются.

Обычно-то так не расходятся, школьные учителя тоже тут иногда гуляют, вдруг увидят...

Я кивала. Бедная наивная дама, неужели она всерьез думает, что современные дети контролируют себя лишь из страха получить замечание от учителей?

– Вчера парочки ругались. Причем те, которые туда, в еловую часть, приходят, ну, с намерениями...

Мороженое заканчивалось, и я уже могла иронически хмыкнуть, демонстрируя понимание. Парочки обычно и не скрывали, зачем забираются в самый темный даже солнечным летним днем уголок парка.

– Эх, какие же слова они друг другу наговаривали! А сегодня с утра, – продащица доверительно перегнулась ко мне через свой ящик, – несколько нудистов догоняли своего приятеля с криками «проигрался – плати»! Надо же так перегреться.

Я удрученно положила пустую обертку в урну и попрощалась с доброй женщиной.

Нудисты, агрессивно напоминающие о карточном долге, довершали картину.

На звонок придется отвечать. Отойдя подальше от мороженщицы, я достала исхрипевшуюся трубку:

– Да, Наташа... Наверное, тут всё. Я поеду проверять свою территорию, что-то мне кажется, что и там...

Я запнулась, но подруга прекрасно меня поняла и так. Тревожить нас могло лишь одно: исчезли предметы нашей охраны.

– Давай встретимся у тебя на перекрестке. Два часа хватит?

Вопрос лишний. За полтора часа я доберусь до своего парка даже пешком, а для того, чтобы убедиться в своих подозрениях, мне и пяти минут хватит. Либо есть, либо нет.

Раскаленный троллейбус грустно пыхтел по пыльной улице. Забавный маршрут, обоими концами упирается в зоны отдыха, возле реки и канала. Но – по загазованным улицам, без тени ветерка, из пробки в пробку.

Обычно я могу поделиться с водителем хорошим настроением. Когда я выхожу, он думает о том, что ему еще неплохо живется. Работа интересная, заработная плата не скачет, сам он жив-здоров, у детей приличная школа, на лето в лагерь к морю отправились... А завтра матч четвертьфинала Лиги чемпионов. Или поход в консерваторию с супругой. Или еще что-то приятное.

Но дарить ему душевное спокойствие и разгонять печаль я буду, конечно, не сама. Это делают те, кто дарит городским жителям доброту. Те, кто в состоянии совершить невозможное, но о себе позаботиться не могут.

Это единороги.

Наши невидимые соседи, добровольные помощники и прекраснейшие создания.

Когда я лениво заканчивала сельскохозяйственную академию и вместе со всеми однокурсниками убеждалась в бесполезности моей будущей профессии для столицы, один из моих любимых преподавателей неожиданно поинтересовался, всегда ли я такая болтушка и можно ли мне доверять в серьезных вещах. Я заверила его, что, конечно, можно и даже нужно, и если эти серьезные вещи не касаются свадеб моих ближайших подруг, то, скорее всего, я смогу промолчать.

После этого он спросил, не заинтересована ли я в получении низкооплачиваемой непрестижной работы с ненормированным рабочим днем и большой ответственностью и связанной с тяжелым физическим трудом.

– А карьерный рост? – спросила я тогда.

– Никакого, – радостно заверил меня преподаватель и уточнил: – Ни в должности, ни в звании.

Конечно же, я согласилась. Тем более что молчания особого, как оказалось, и не требовалось.

– Можете говорить все что угодно, – успокоила меня худая леди в деловом костюме, записывая в трудовую книжку что-то невразумительное со словом «эколог» в середине и выдавая пухлый томик «Краткой инструкции», – вам все равно не поверят.

Наташка тоже попала на этот блестящий крючок. Определяющим фактором у нас обеих оказалось любопытство. Потом уже мы с ней пытались придумать теорию о неслыханной отзывчивости и громадной чувствительности, которые и позволили выделить нас из всего

потока. Но так как я не видела этих качеств в ней, а она во мне, теория оказалась опровергнутой.

Коллектив был маленький, всего десять человек, но незлобный. Больше и не требовалось, единорогов у нас и так почти не осталось, а вероятность появления новых особей очень низкая. Нас с Наташей пригласили вместо отправившейся на пенсию семейной пары и отдали их участки: два берега городской части канала.

Помню, как, возвращаясь домой с тайного совещания в канцелярии общеобразовательной школы, мы пытались придумать название своей работы:

– Ветеринар для единорога?

– Нет, так одна фэнтезийная книжка называется, зачем повторяться...

– Хранитель единорогов?

– Какой из тебя хранитель, да еще с большой буквы – Хранитель, посмотри в зеркало, мелочь...

Мы разглядывали выданные нам пакетики с витаминами и йодированной солью, глупо хихикали и размахивали руками:

– Зато какая ответственность!

– И бесценная польза! Это тебе не в офисе штаны просиживать, бумажки перекладывая.

– И не отчеты сочинять многобуквенные.

За три года романтики поубавилось. Бумажных и электронных отчетов мы отправили не меньше, а возможно и больше, чем те из наших друзей, кто хоть каким-то боком остался связан со специальностью зооинженера. Таких было мало: несколько девчонок в теплицах, ребята, прилепившиеся к ветеринарным клиникам, да десяток человек, рассосавшихся по конюшням.

Учет и охрана единорогов – дело не для хрупких девушек из легенд. Огромное заблуждение. Мой приятель Сашка, оперативно организовавший на отцовские деньги магазинчик с кормами для домашних животных, время от времени приглашал меня поужинать и выпытывал страшную тайну.

– Так где ты на самом деле работаешь? Катаешь детей на поняшке? – невинно спрашивал он, подкладывая мне в тарелку аппетитные кусочки жареного мяса.

– А из чего на самом деле это приготовлено? Из товаров твоего магазинчика? – неизменно отвечала я.

Перед расставанием он повторял вопрос, а на ответ «помогаю единорогам» деликатно щипал меня и фыркал:

– С таким-то задом... Бедные единороги, да если ты будешь их выезжать – раздавишь.

Получал, конечно, по шее, но не унимался. Иногда даже пытался проследить за мной или поймать на слове. Но мои честные рассказы про то, что единорога не надо «выезжать», что он для этого не предназначен, что он хрупкий и тонкокостный, на Сашку производили ровно столько же впечатления, сколько на всех остальных.

– Горазда же ты сочинять, – обижался он, потому что я ему нравилась, и он хотел большего доверия.

И родители обижались, потому что жалели меня и волновались. И друзья обижались, потому что думали, будто я не хочу делиться хлебным местечком. И даже собака обижалась, потому что я не всегда брала ее с собой, а с прогулки приносила тревожащие парковые запахи.

Но я ничего страшного не скрывала.

Просто у меня довольно своеобразная работа.

Единороги бескорыстно несут нам теплоту, добро и любовь. Там, где они поселяются, устанавливается замечательная атмосфера, люди меняются к лучшему, а их поступки не причиняют никому вреда.

Древняя магия белоснежных созданий помогает нам оставаться людьми. Но не тем из нас,

кто отродясь человеком не был, и не тем, кто погряз в собственной злобе и жадности. А лишь тем, кто подвержен соблазнам и искушениям большого города, немалых денег и неразумных трат, но в глубине души остается внимательным к чужим проблемам.

Единороги существуют там, где есть хоть немного любви, дружбы и сострадания. Самые малые крохи, зачатки и остатки этих почти условных понятий в присутствии единорогов расцветают и разрастаются. И люди довольно долго помогают друг другу и пребывают в хорошем настроении.

Но как только они начинают завидовать, пакостить и вредить, единороги заболевают и в лучшем случае перебираются в другое место, а в худшем – исчезают.

Кроме того, они нуждаются в проявлении хоть каких-то знаков внимания. Как и любым существам, им нужны уход и ласка.

Поэтому они открываются тем, кого выбирают сами.

Когда и кем была организована служба по их спасению и охране, нам с Наташкой не рассказали. У фирмы было официальное название, нам выдавали зарплату, необходимые справки с печатями, но все попытки узнать, где же мы на самом деле работаем, ни к чему не привели.

Нас лишь научили находить единорогов и познакомили с некоторыми из них. После этого мы должны были ежедневно писать отчеты и периодически являться в замусоленно-задрозганные местечки, чтобы честно смотреть в глаза начальнику. А потом выслушивать пожелания и возвращаться на свой участок. Не все проходили проверку «глазами», пару раз после этих сборищ наши коллеги сменялись другими. Без объяснений. Мы подозревали, что девчонки начинали злоупотреблять получаемой от единорогов силой. Подрабатывали у мануальных терапевтов или на корпоративных вечеринках.

А продавать доброе настроение очень нехорошо.

Набрав его при общении с единорогом «полные карманы», им можно делиться с кем угодно, оно для этого и предназначено, но только не для личной выгоды.

Наш преподаватель не обманул нас: ни денег, ни престижа, ни льгот мы не получили.

Зато увидели единорогов. Мы могли разговаривать с ними, гладить их по теплому бархату шкуры и нежному шелку гривы. И учились любить людей и не допускать в сердце гнев. Забыли про капризы и глубоко запрятали свои несносные характеры.

И вообще стали такими благородными, терпеливыми и бескорыстными, что сами перестали себя узнавать.

И нас все происходящее устраивало. Это родные переживали за нашу растрачиваемую впустую молодость, корили за ветреность и легкомыслие.

Это друзья осыпали ехидными усмешками и снисходительно-участливыми вопросами.

Горсть овса в ледяную метель или сочное яблоко в конце душного августа вызывали у единорогов такую бурю ответной нежности, что хватало на всех: и на докучливых соседей, и на язвительных одноклассников. Пусть они посмеивались надо мной, зато у них самих возникало ощущение безмятежного счастья.

А мы в любую погоду приходили к единорогам, гладили их, говорили ласковые слова, расчесывали гриву и подтачивали в апреле алмазной пилочкой неровные края новых рогов, а с октября по март приносили им ароматные зерновые каши и теплые травяные чаи.

Накануне вечером на моем участке единорог был. Тяжеловато раздувая бока, он тыкался носом в мое плечо, пока я читала ему Бёрнса. Почему-то мне показалось, что он страдает от жары.

А утром Наташа, чуть не плача в трубку, сказала, что не нашла своего единорога. Я хотела сразу поехать к ней, но с курорта позвонила Маня и попросила проверить ее подопечного в

Серебряном Бору. Ей приснился дурной сон.

И я полдня искала его следы, но безуспешно. А продавщица мороженого окончательно подтвердила страшное предположение: он исчез. И пляж поспешно заполнили другие существа: либо мелкие городские тролли, либо грязнотелые русалки. Ни тех ни других я никогда не видела, да и видеть не могла, но нам рассказывали о признаках их появления.

Царапая обивку сиденья и сжимая кулаки, я мысленно просила троллейбус везти меня быстрее. И, чувствуя мою нервозность, он несколько раз упускал токосъемник, неудачно входил в повороты, застревая сам и перегораживая проезд остальным, быстро скатывался под уклон в ремонтируемом переулке. От этой тряски сухонькая старушка выпустила ручку тележки с картошкой.

Картошка каталась по салону, я собирала ее вместе с другими пассажирами: и школьники, и серьезный дядька с шуршащей газетой, и нахмуренная мамаша с хулиганистым пацаненком – все с азартом возвращали пожилой женщине грязные старые картофелины. И я надеялась, что еще не все потеряно, что мой единорог еще помогает нам...

Но, покинув троллейбус, я поняла, что надеялась зря. Не успела передо мной выкатиться в открытую дверь последняя заблудившаяся картошина, как я ощутила непривычную пустоту.

В моей половине лесопарка единорога уже не было. Привычная березовая роща у входа не светила изнутри и не приглашала прогуляться под резными листочками.

Пустые белые столбы, испещренные черными язвами. Частокол вокруг избушки Бабы-яги. Убогое пристанище подозрительных компаний и психически нездоровых людей, место для попок и криминальных разборок.

И ни одной мамы с коляской, ни одного собачника. Даже кучкующихся подростков не видно.

И мерзкий затхлый запах.

Я помотала головой, отгоняя наваждение. Конечно, настоящая Баба-яга завестись у нас никак не успела бы, этой даме нужно местечко побезлюднее, да и времени на обживание побольше, чем неполные сутки. Но запах-то мне не примерещился!

Я бросилась вперед, перепрыгивая успевшие нападать ветки и стараясь не наступать на многочисленные бумажки и фруктовые объедки. Как же быстро мы можем захлестнуть самый уютный уголок!

Запах становился все сильнее, я поняла, что он доносится из закоулка между школой и спортивной базой.

Тьфу ты! Прямо за школьным забором, перекрывая дорожку для пробежек трусцой, высилась огромная куча мусора. И навалить ее можно было только со стороны школы.

Бедный мой единорог, впечатлительное создание... И-за чего бы ни ухудшилось его самочувствие сначала, добило его осквернение нашего парка светлейшими душой людьми: директором и завхозом школы – теми, кто должен любить всех, купаясь в лучах детской доброты.

Я вернулась к остановке и дождалась Наташку.

Ее серая машинка тоскливо вынырнула из непрерывного потока и прилепилась на край тротуара.

– Кошмар, – сказала я, забираясь на переднее сиденье.

Наташка, не мигая, смотрела перед собой.

– Сообщим прямо сейчас?

– Может быть, пообедем остальные точки?

Она кивнула и вновь влилась в ворчащую реку автомобилей.

В первый раз город остался почти без наших коллег. Почти все сразу захотели в отпуск в

июле, девчонки были близки к истерике: у кого-то свадебное путешествие, у кого-то долгожданный отпуск у мужа. Шеф наш в отъезде двухнедельном, а Кира Ивановна, которая всегда была на связи и подсказывала нужное решение, под свою ответственность подписала заявления. А сама тихонько укатила на дачу, сказав нам, что ей и нужно-то всего недельку жары пересидеть, а не то она испортится и сломается.

Мы с Наташей остались вдвоем и не очень волновались: середина лета, затишье перед традиционными августовскими катаклизмами. Это в августе нам надо быть настороже, в городе творится неизвестно что, приезжая ненависть и залетная злоба могут привести к полному исчезновению единорогов. А в июле обычно ничего не происходит, всеобщее перемирие облегчает им жизнь.

Но, видно, остаться совсем без заботы даже на одну неделю они не могут. Недаром нас никогда не отпускали отдыхать одновременно.

– Что же происходит? – Было непривычно видеть Наташкино сосредоточенное лицо. Ни тени улыбки или иронии.

– Очередной гуманный закон готовится? Еще больше заботы о пенсионерах, инвалидах и маленьких детях? Может, выселят их за черту города с компенсацией, которую можно будет получить через три года?

Наташка молодец, не сказала, что я несу чушь, лишь выразила недоверие:

– А у них разве не каникулы сейчас?

– Вот на каникулах они как раз расслабляются, всякая ерунда в голову и лезет. А единорогам же не только поступки, даже мысли бесчеловечные вредят.

Наташка резко дернула невинную машинку, и я замолчала.

Мы все равно не можем помешать, наши возможности столь ограничены!

Города сами уничтожают своих единорогов. И происходит это не в войну, когда люди озарены жаждой жизни, ненавистью к врагам и объединены общей целью. В сплоченных душах хватает места для взаимопомощи. И в голод, в неурожай или разруху, когда сердца полны страха за близких, единорогам есть для кого существовать.

А уходят они, когда людям всего хватает: и еды, и удовольствий. И люди эти становятся безразличными к чужим страданиям, но чувствительными и завистливыми даже к незначительным успехам других.

В тот вечер мы не нашли ни одного единорога.

По дороге в наш район машина, чихнув, отказалась трогаться из затора перед мостом.

Автомобилистка из Наташи та еще. Хлопнув по клаксону, выйдя и постучав по колесам, она села обратно, задумчиво выставив ноги на проезжую часть. Соседние машины гневно побибикали и принялись объезжать еще одно препятствие. Ни наши расстроенные лица, ни шикарные Наташины ножки желания предложить помощь ни у кого не вызвали.

Пока она по телефону объясняла проблему своему рукасто-головастому приятелю, у меня в мозгу крутился еще один способ помощи единорогам. Надо использовать все варианты, но я никак не могла вспомнить одну существенную деталь.

Наташка хлопнула крышкой мобильного:

– Сейчас приедет. Шутник, спросил у меня, как у нас со свечами. Он бы еще сказал, как крышку поднимать, и я бы сразу посмотрела...

Кокетничала Наташка. Все она при желании может. Но ей сейчас не легче, чем мне, и, чтобы хоть голова была в состоянии работать, нужны забота и поддержка. Как только ее друг выразил желание приехать – у нее прибавилось немного сил.

А я услышала ключевое слово:

– Точно, свечка для единорога нужна!

Наташа посмотрела на меня с недоверием. Круги под глазами, мгновенно запавшие щеки – но шутить в состоянии.

– Ты имеешь в виду для введения в... Э-э-э... Да? Но для этого нужен как минимум сам единорог. И поверь мне, это не самое эффективное средство, хотя, возможно, и бесполезное.

– Да нет же, я не об этих свечах. Помнишь легенду?

Внимательно, ох как внимательно смотрела на меня Наташка. Легенду нам рассказывали в первый же день, но на то она и легенда, чтобы в нее никто не верил.

– Пошли. В ближайший хозяйственный.

Наташка немного замешкалась, но все же махнула рукой:

– Да ладно, ничего с ней не случится. Ключи у него есть, разберется, что делать.

Мы бросили ее несчастную машинку и побежали к магазину.

– Свечи? – Удивленная девушка за прилавком растерянно оглядывала стеллажи со стиральными порошками и кондиционерами. – Летом? Светло же.

– Свечи? – хихикнула продавщица из другого магазина. – Опомнились. В декабре у нас свечи, перед Новым годом. И фигурные, и ароматизированные, и с сюрпризом, и эротические...

– Свечи? Ай-ай, опоздали, красавицы, – усатый шустряк услужливо махал руками, предлагая фонарь и «вечную» синюю лампочку, его лоток «всё в дорогу» стоял перед железнодорожной платформой, – с утра были, но в деревню кто ехал, все разобрали, мало ли что... Возьми вот это, рыжая, энергосберегающий, не пожалеешь!

Мы сбились с ног, мы обошли много, нет, очень много магазинов. И, уже отчаявшись и почти плача, тронули все-таки сердце одной сердобольной дамы. Она вынесла нам из дома две кривоватые старые парафиновые свечи, залежавшиеся еще со времен «всезапасливого» периода. И даже отказалась взять деньги, которые мы пихали ей в руки. Видимо, она решила, что мы собираемся провести обряд возвращения непутевого жениха или неверного мужа. Да какая разница, что она подумала, главное – мы получили желанные свечи, да еще отданные от чистого сердца.

Я влетела к себе в квартиру пулей, на ходу начиная ритуал, о котором слышала лишь анекдоты и байки.

И я зажгла свою единственную свечу, почти незаметную светлым июльским вечером.

И поставила ее на подоконник. А сама стояла рядом и напевала строки из рок-оперы:

Чтобы в пути тебе было светло,
Я свечу оставляю в окне.

И я гнала прочь предательские мысли о том, что без моей наивной и, возможно, ненужной работы кое-кому будет только лучше. Я найду себе постоянное приличное место, родные успокоятся, Сашка наконец-то перестанет во мне сомневаться и сделает предложение, закончатся бессонные ночи и круглогодичное издевательство над здоровьем, и мне уже не надо будет блуждать по улицам и в дождь, и в зной, и в холод.

И все будет хорошо, никто ничего не заметит.

Только в городе уже не останется единорогов. И он превратится в сонный, холодный и чопорный.

А может быть, в злобный, завистливый и нервный. Как те, которые я видела во время специально организованной для нас с Наташей поездки. Но в любом случае чужим. И без единорогов.

Слабое скрежетание отвлекло мой взгляд от дергающегося пламени.

Болезненного вида, тощий и слабый единорог летел на свет моего огонька. Прыгающее парение – вот как называется их полет. Величественное и редкое зрелище.

Сейчас величия было маловато, почти незаметный ветерок сносил его и прибивал к стене дома. И единорог застревал за водосточной трубой. Выкарабкивался и снова застревал.

Но это уже мелочи.

Я пыталась подцепить его петлей бельевой веревки и улыбалась. Главное – накинуть на рог и аккуратно дернуть. А потом поднять к себе в окно, напоить и накрыть легкой попоной. А что делать дальше – я уже давно знаю.

Хорошо, что нам поведали старую легенду, пусть и просто в ознакомительных целях.

Но я весь вечер сообщала родителям, сестре, всем своим дальним родственникам, Сашке, подругам, одноклассникам и однокурсникам, соседкам по квартире и даче, парикмахеру и электрику, почтальону и обувному мастеру, что я их всех очень-очень люблю, уважаю, жалею, сочувствую, поддерживаю и так далее.

Каждому я сказала свое, разное по форме, но одинаковое по смыслу. Я была готова подарить им хорошее настроение хоть на миг, и моему единорогу этого хватило.

Надеюсь, у Наташки тоже получилось.

Наталья Егорова

Первый «Ё»

Домой возвращались глядя каждый в свою сторону. Вован двигал желваками, Лидуся недовольно поджимала ярко покрашенные губы. Зато Петька светился фонариком – еще бы, в такой клевый класс попасть! Это раньше попробуй скажи «уй-ё-о», сразу мать подзатыльник отвесит. А теперь фигу, теперь хоть целый день и громко.

Светофор возле старой школы, порушенной ремонтом, глумливо сверкнул красным глазом. Лида норовисто переступила острыми шпильками, одернула сына за руку.

– Стыдобища-то, – прошипела мужу сквозь зубы.

Вован упрямо повел плечами.

– Мам, а если 9-ю школу тоже закроют, то у нас класс «Й» будет? – деловито поинтересовался Петька.

– Молчи уж, горе мое! – неожиданно плаксиво прикрикнула Лидуся и рванула по зернистому асфальту навстречу зеленому огоньку. Вован молча поплелся следом.

За поворотом надвинулась тенью серая громада «сталинки», пахло теплым уютом подъезда, послушно расстелились прошарканные многими поколениями ступеньки. Дверь в квартиру захлопнуть не успели, а Петька уже радостно объявил:

– Бабуль, меня в первый «Ё» записали!

Теща появилась в дверях кухни, подбоченившись половником и заранее сверкая взглядом не хуже люминесцентной лампы.

– В который? – переспросила.

– «Ё-о-о»! – радостно проорал Петька и умчался в комнату, загремел там игрушками.

Тещины брови съехались на переносице. Лидуся мстительно зыркнула на мужа – вот, мол, сам и объясняй, а у меня работа – и профырчала в ванную подкрашиваться.

Под обвиняющим тещиным взглядом Вован неловко поскреб шею, ссутулился.

– Тут, мама, дело такое... Школа, говорят, переполнена, – проямлил он, – восемь первых классов набрали уже. Старую-то ремонтируют, ну и...

Теща сощурила глаз.

– «Ё» – это седьмой.

– Чего? – не понял Вован.

– Восемь классов набрали, а «Ё» – седьмой.

Вован покраснел. Вот ведь недотыка – запиши он сына в другой, так все равно оказался бы кругом неправ.

Протюкали каблуки, щелкнула дверь: жена усвистела к своим мороженым курам и жалобным рыбьим мордам. Вован глубоко вдохнул, как перед прорубью.

– Ну, первый «Ж» – оно как-то... Задразнят ведь жопами всякими...

В наступившей мертвой тишине оголтелая муха дзенькнулась в стекло, сама испугалась неожиданно громкого звука и затихла. Вован поежился, вдавливая голову в плечи.

Тещиным взглядом можно было отскрести пригоревшие к сковороде шкварки.

– Бабуль, я гулять, – пискнул из прихожей унюхавший грядущий скандал Петька и бесшумно притворил дверь. Муха коротко вжикнула из-под стола.

– Задразнят, говоришь? – зловеще просипела теща, перекрывая шипение выкипающего супа. – А теперь его как задразнят, а? Какими словами?

– Да ладно, – неуверенно пробормотал Вован. – Они и слов-то еще таких не знают...

– Не знают?! – прогремела теща. – Щас, не знают они. Они вон надысь за Михалной

подглядывать бегали, как она возле «Интим» рекламой ходит. Не знают они!

– Ну дык...

– Я тебе щас распишу «дык»! У тебя Петька к Федоренке бегают, ты хоть знаешь, что у того Интернет?

– И чего? – не понял Вован.

– А того, что там одно это самое в разных видах! Не знают они! Жопы он испугался! У самого-то на плечах что?

Не на шутку разошедшаяся теща напирала, размахивая половником. Ткнувшись спиной в холодильник, Вован машинально заслонил лицо рукой.

– Ну, вы, мама... прям ведьма...

Половник брякнулся об линолеум.

– Ах, ведьма я? – Теща недобро ухмыльнулась, так что глаза утонули в круглых щечках. – Я тебе сейчас покажу, какая я ведьма!

Как у нее швабра в руках оказалась, уму непостижимо. Вовка стоял дурак дураком, рот разинул и руки опустил, когда старушенция над полом поднялась. Только проводил очумелым взглядом мохнатые тапочки с веселенькими помпонами.

– Ведьма-ведьма, – злобненько хихикнула она.

Вот тебе и первый «Ё»...

Волосы из всегдашнего кукиша на затылке повылазили, глаза сверкают, сама бормочет не пойми что, тапочка с ноги шлепнулась. Из-под потолка. Вован и дышать забыл.

Тут уж совсем чертовщина началась. Половник сам по себе с пола в воздух поднялся и давай Вовку по загривку охаживать. У того и вовсе разум отшибло: так и стоял столбом, только охал, когда получал звонкий подзатыльник. Потом переконтачило что-то в голове, ноги словно сами с места рванули.

Забился в туалет, задвижку дернул, еле успел крышку на унитаз уронить – коленки ослабли. В голове одна-единственная мысль заполошно металась, хлопалась об черепную коробку: «Если у меня теща ведьма, то кто тогда жена?.. Кто жена-то у меня?..»

Сердце бестолково дрыгалось, стучаясь то в желудок, то в переносицу. Вован обхватил голову руками и даже смотреть боялся на хлипкую задвижку, что охраняла его от разбушевавшегося существа, которое он наивно полагал собственной тещей. Он и сам не сказал бы, сколько сидел так, бессмысленно и безмолвно, пока не брякнуло тяжелым в стенку у соседей и мужской голос не заорал какой-то Ленке, чтоб несла полотенце.

Вован тяжело, как с дурного похмелья, поднял глаза и встретился со взглядом из-за вентиляционной решетки.

Не спеша просочилось сквозь облупленные прутья, продефилировало вдоль кафельной плитки зеленовато-прозрачное существо с развевающимся шлейфом, оглядело неказистый интерьер, покачало сокрушенно головой. Приглашающе махнуло призрачной рукой, и в туалет хлынули остальные.

Медленно, будто глаза боясь выронить, Вован посмотрел на себя. Пальцы запойно дрожали, колени подпрыгивали, и, не стискивая он зубы, те выбивали бы сложный ритм в стиле кантри.

«Теща – ведьма, – медленно подумалось ему, – сын – ёшник, а в вентиляции у меня привидения...»

Элегантная, несмотря на прозрачность, дама величаво проплыла мимо, с интересом разглядывая старенький деревянный шкафчик. Еще два привидения тихонько бормотали, свесив зеленоватые ножки с края ванны.

– Look at this exhibit, please, – донесся с потолка хорошо поставленный голос. – You can see Homo Afraid.^[3]

Вован громко икнул.

Мелкое привидешко, радостное, как воздушный шарик, подлетело к самому его носу, топыря коротенькие ручки. На ходу оторвало клочок туалетной бумаги и бросилось к привидению побольше, счастливо размахивая трофеем.

– All of them become Homo Afraid when they see us. [\[4\]](#)

Растрепанная призрачная девица прихорашивалась перед треснутым зеркалом, в котором ровно ничего не отражалось.

– I'm going to be a human, – доверительно чирикнуло вернувшееся привидешко, – when I'm seven hundreds. [\[5\]](#)

Вовка с сипением протолкнул в легкие враз загустевший воздух.

* * *

– Слышь, Кефирыч, с пива белочку подцепить можно?

Вован не попадал трясущимися пальцами по колесу зажигалки. Из квартиры он выбрался еле живой, вздрагивая от каждого шороха, но курево все же прихватил. И только сейчас, на исцарапанном подоконнике, чуток оттаявши, обнаружил в пачке две последние сигареты.

– С пива все можно, токо смотря с какого. И сколько.

Степан Никифорович обстоятельно помял папиросу, сунул в уголок рта. Поднес прикурить и Вовану, безуспешно сражавшемуся с зажигалкой.

– А вот ежели пиво с водочкой...

Но Вове было не до теорий.

– Теща у меня – ведьма, – доверительно сообщил он и судорожно затянулся.

– Это да... Это все они... в некотором роде, – согласился Кефирыч.

– Да нет, моя настоящая. На швабре летает, половник у нее дерется... Сам.

Кефирыч и тут ничуть не удивился, только поскреб небритый подбородок:

– А-а, ну тогда ясно. А я-то все думал, как это она в магазин так быстро оборачивается.

Дым медленно поднимался к разбитой форточке. Кривая рожа, нарисованная в прошлом году Петькой, ехидно подмигивала сквозь тающие серые лохмы.

– А в туалете у меня, – Вован сглотнул, – не поверишь, привидения летают. А я вчера и всего-то пару бутылок...

Кефирыч пожал плечами:

– Так они по всему подъезду летают. Андрюшки Хмырева домовой навроде как турфирму открыл: экскурсии у них, квартира-то пустая стоит. Тока аппаратура у него старая и с электричеством, что ли, перебои, вот они и лазают где ни попадя.

Вован застыл, забыв про сигарету.

– Это в каком же смысле домовой?

– Ну, барабашка евонный.

Сосед невозмутимо пыхал папиросой. Непохоже, чтобы шутил. Скорее сумасшествие приняло глобальные масштабы.

– Их же не бывает... – осторожно заметил Вовка.

– Ну, это уж ты сам решай: не бывает или в туалете летают.

При таком индифферентном отношении всезнающего Кефирыча решать оказалось трудно. Вовка выглянул в глубокую амбразуру окна и мимолетно подивился, что за века, прошедшие с утра, все осталось по-прежнему.

– Ладно, погодь, – Кефирыч решительно затушил папиросу в банке из-под шпрот и

поднялся к хмыревской квартире. Звонить не стал, а замысловато постучал в косяк. Дверь осталась закрытой, но в полутьме лестничной клетки завозилось низенькое, пыхтящее и выбралось сквозь стену на белый свет.

Ловко подпрыгнув, скатился по перилам маленький – Вовану чуть повыше колена – упитанный человечек со спутанной марксовской копной на голове и хитрыми бусинами глаз. Забрался на подоконник, деловито достал из кармана здоровенную трубку, потыкал в нее, прищелкнул грязноватыми пальцами и пустил ароматный дымок.

Вовка уже вроде и не удивился, только застыл истуканом, неудобно привалившись к стене. И еще прикинул, сколько больничного дадут. А барабашка сообщил неожиданно гулким басом:

– Феофилом меня звать. Я из пятидесятой.

– Оч'пр'но... – проскрипел Вовка.

– Вот он привидениями и занимается, – уточнил вернувшийся Кефирыч.

– Время нынче сложное, – тоном выступающего по телевизору политика прогудел Феофил, – на хозяев надеяться не приходится, вот и крутимся. По десятку экскурсий в неделю принимаем, в основном иностранные группы, но и наши призраки, бывает, интересуются. А что они и окрестные квартиры посещают, так то от несовершенства технической базы.

Вован потрясенно молчал. Барабашка вздохнул и добавил проще:

– Зеркало порталное-то мне еще от бабки хозяина досталось. Починить бы его да зарядить по новой, а то ведь заклинания от времени поистрепались. И глючат! – закончил он энергично.

Заскрипела дверь 51-й квартиры, через перила свесилось намакияженное лицо Кефирычевой дочери в белых кудряшках.

– Папа, опять на весь подъезд надымил! – возмущенно крикнула она. – За Митькой кто пойдет?

Лохматого барабашки словно и бы рядом не сидело.

– Схожу я, схожу, – махнул папиросой Кефирыч.

Все еще ворча, Кефирычева дочь брякнула дверью о косяк.

Вован медленно опустил глаза на заросшую бородой рожицу Феофила. Барабашка никуда не делся: сидел, попыхивая трубочкой, между шпротной банкой и криво выцарапанным на подоконнике «Ленка дура».

– Она его не видит, – потрясенно выдавил Вовка. – А мы видим.

Кефирыч философски пожал плечами.

– Я тож раньше не видел. Пока портвейном не отравился в прошлом году. Вот меня теща твоя и вылечила: как приложила кукишем промеж глаз, так у меня и в желудке протрезвело, и глаза открылись. Я, правда, что ведьма она, не подумал, тоже вначале на белочку грешил.

– И что же, теперь навсегда?..

– Вы, молодой человек, зря расстраиваетесь, – утешил Феофил. – Успокойтесь, попривыкнете. Закрыть-то глаза недолго, да только вы и сами через недельку не захотите.

Вовка совсем не был в этом уверен.

Истошно визжа протекторами, встал на дыбы возле подъезда лаковый джип. Высунулась из дверей нога в дорогом ботинке с модно задраным носом, раздавила пару старых окурков на асфальте. Следом вылез целиком владелец ботинка, явив миру бутиковый костюм, объемное брюшко, стильную прическу и нездоровый цвет лица.

– О, вот и хозяин приехал, – сообщил Феофил. – Пойду я присмотрю, как там что.

Не утруждаясь подъемом по лестнице, барабашка просто испарился с подоконника.

– Ну вы, папаши, мля, надымили! – заорал Хмырев, поднимаясь к курильщикам. – И перила в дерьме каком-то. Я халупу продал, год искал уроды, мля, чтоб на эту конуру щелястую за такие деньги позарился. Щас клиент пожалует, так что давайте-ка быренько на воздух. Ну,

давайте-давайте, вечером проставлю, если сойдемся.

Кефирыч суетливо подхватил полную окурков банку и уцепил под локоток слегка сомлевшего Вована. Оставшись в одиночестве, Хмырь помахал ладошкой возле лица, разгоняя дым, хозяйским взглядом обвел широкую пошарпанную лестницу и довольно кивнул.

Из стены встревоженно глядел Феофил.

* * *

Кефирыч бодро потрусил к школе за второклассником Митькой, а Вован потерянно затоптался на тротуаре. Идти было решительно некуда. Не домой же к ведьме: ладно глаза ему открыла, а ну как чего похуже учудит? Надо же, в собственный выходной – и такая коловерть!

Рассеянно похлопав по карману и вспомнив, что сигареты кончились, двинулся к киоску у автобусной остановки. Правило первое: не знаешь что делать – перекури.

Возле столба с расписанием топталось зеленое мохнатое чудо с круглыми глазами. Вован мог бы поклясться, что побеги вьюна и нити мокрицы растут у него прямо из кожи.

– Слышь, мужик, – скрипуче, как деревяшкой по стеклу провели, заговорил мохнач. – Не видал, полудневый автобус не отходил ышо?

Вован затравленно оглянулся. Народу, как назло, ни души, только в заплеванном стекле киоска просвечивает снулая физия чернявой продавщицы. Но к ней звать бесполезно: сроду кроме «Почем?» по-русски не понимает, особенно когда сдачу спрашиваешь.

– Не видал, значит... – вздохнул зеленый.

С крыши остановки свесилась узкая, вся в рогах и наростах голова на чешуйчатой шее, чуть не до земли вывалила раздвоенный черный язык. Следом и вторая морда оскалилась, на сей раз упитанная, косматая, с полной пастью зубов.

Вован поперхнулся.

Две зеленоволосые девчонки шумно ссорились, вырывая друг у друга мятую тетрадку. Все бы ничего – подумаешь, модный цвет, – но желтые глаза светились нечеловечьим разумом, а мизинцы на руках торчали высоко и вбок, как на птичьей лапе.

Из стоящей на светофоре цистерны выглянуло аморфное полупрозрачное существо, плеснуло рыбьим хвостом. На тополе раскачивалась вниз головой летучая мышь с хорошую кошку величиной. Вовка готов был поклясться, что на когтях у нее ядовито-желтый маникюр. Мягко взмахивая крыльями, пролетел ворон, не уступивший бы в размерах бройлеру, золотисто блеснул в перьях причудливый ошейник.

– Закурить не найдется?

Солидный гном ростом с линейку протягивал огромную трубку. Кончик серой, будто пыльной, бороды его был тщательно заплетен в пять косичек.

Вован попятился, не спуская ошалелых глаз с невиданной живности. Живность проводила его сочувственными взглядами.

Двор показался тихой гаванью. Улыбнулся высокими окнами дом, ободряюще захлопал развешанным на балконах бельем. И даже устроившийся на скамейке в тени разлапистой сирени Феофил был своим, родным и нервной дрожи не вызывал. Правда, возле хмыревского барабашки устроился незнакомый тощенький домовенок со стриженной ежиком круглой головой. Выглядел он простуженным: хрюкал красным носом и чихал с привзвизгом.

Солнце подглядывало сквозь листья озорными зайчиками, заставляя неожиданно щуриться. Вован продышался, остыл и, если б еще сигаретку – совсем бы думать забыл о всяких ужасах. Хотя, если за каждым столбом теперь по нечистой харе будет мерещиться, то легче вовсе из

дому не выходить!

– Петия-а-а! – прорезался на весь двор тещин голос. – Обе-еда-ать!

Вован поежился.

– Да, вот и у меня дома... – грустно прогудел Феофил, словно продолжая разговор.

– А что дома?

– Ссорятся, – лаконично сообщил он. Вздыхнул, помуслил черенок потухшей трубки и пояснил: – Этот, который квартиру забирает, под ванну даже лазил, придирается все. У меня ж во всем доме ни одного паучишки, я работу свою знаю. Так все одно не по нем. Рамы, говорит, на окнах заменю, концинеры поставлю, и форточку будет не открыть.

– Кондиционеры, – машинально поправил Вован.

– А, все едино. Как же, скажите вы мне, без форточки? Это ж ни одну свежинку в дом не заманишь. И антресоли ломать хочет, и на полы тряпки клеить, и еромонт делать.

– Евроремонт, что ли?

– Зеркало мое выбросит! – не слушая, с надрывом закончил Феофил. – Видать, придется мне вместе с Гуней мыкаться, нет мне больше в моем доме места!

Гуня с готовностью шмыгнул красным носом.

– А вы, извините, откуда будете? – пробормотал Вован.

– Михалны я, – сообщил барабашка интеллигентным тенорком и зашелся в чихах. Пошмыгал носом-кнопкой и виновато пояснил: – Хозяйка ароматерапией увлеклась, всю квартиру вонючками своими заставила, а у меня на кокос с индийскими палочками аллергия. Вот и думаю, куда перебраться.

– А... гм, к Никифоруычу не пробовали? – сам удивляясь чудному разговору, осведомился Вовка.

– Э, – махнул ручкой Гуня, – от него третьего году два домовых подряд сбежало. Хозяйка, Анастасия Лексевна, больно сурова. То провалиться пожелает, то чтоб пусто было, то еще чего похлеще. Замучаешься проклянушек отгонять.

Кто такие проклянушки, Вован и спрашивать не стал. И так ясно – существа вредные, и лучше с ними не сталкиваться.

– Собака у них, опять же, невоспитанная: за шкирку ухватить норовит, за ногу куснуть. А то еще Митя... – продолжал домовенок, – нитку на стул навяжет и требует игрушку отдать, которую сам же в школе на чипсы сменял. Будто мы и без понятия вовсе.

– А что, – заинтересованно спросил Вовка, – правда, домового к стулу за бороду привязать можно?

Феофил и Гуня отмахнулись в две руки:

– Нет, конечно, но если хозяин просит – то уважить надо.

Курить хотелось невероятно, да и желудок принялся назойливо ныть, требуя обеда. Вован представил, как Петька уплетает поданный ведьмой наваристый борщ, и невольно сглотнул слюну. Явиться пред грозные тещины очи, впрочем, не рискнул и, задумчиво побренчав мелочью в карманах, отправился к Лидуськиному магазину разжиться сухомяткой.

Рысью миновав «мороженный» отдел, чтоб не попасться на глаза жене, Вовка присмотрел банку «Вертолета», экономный пакетик орешков и, чтоб уж наесться по-настоящему, булку с маком, такую мягкую, что сдавливалась в совершенный блин. Пахло от нее одуряюще, хотелось вцепиться зубами тут же, на кассе.

И надо же, чтоб, лавируя между полками с китайской лапшой, он услышал Лидусин голос.

– Нет, ну ты представляешь, – звонко, на взводе рассказывала она, – в первый «Ё»! Уж я ему говорю: ты чем все лето думал, работаешь двое через двое, сходил бы уж давно записал ребенка! Конечно, теперь она мне: «Мест нету, только два класса осталось». Отец, тоже мне!

– Надо было директорше взятку, – с плохо скрытым злорадством посоветовала собеседница.

– Да разве ж ему докажешь! Уперся, как баран рогами. Это ж надо – в первый «Ё»! Кому расскажи...

Голос набирал обороты, выплескивая все накопившиеся обиды:

– Краны год текут. Говорю: сидишь дома, хоть бы шкаф, что ли, в коридор сколотил, куртки с вешалки валяются. Нет, уставится в свой футбол, и хоть трава не расти. Ну нету прям мужика в доме!

У Вовки во рту стало кисло, будто гвоздь облизал. Забыв про сигареты, горя ушами, запихал эрзац-обед в фирменный пакет, слепо толкнул тугую дверь. Стоящая на пороге худющая девчонка отлетела на тротуар, щедро усыпав асфальт какими-то травяными пучками.

Вовка бросился поднимать девчонку, невнятно забормотал извинения, суетливо подбирал колючие ветки, совал ей в бледные пальцы. И обреченно застыл, когда та подняла лицо, и на него уставились нечеловеческие желтые глаза из-под мшистой челки.

– Чего перевернутый такой? – спокойно спросила девица.

Вован стукнул кулаком в ладонь – жалобно шуршануло в пакете – и крикнул в сердцах:

– Да что ж за день-то такой, а? Да когда же вы от меня отвяжетесь все?

Девчонка по-птичьи склонила голову набок, моргнула:

– А ну-ка, пошли давай!

Дорога сама бросилась под ноги, желтоглазая кикиморка потащила его через кусты и канавы, неожиданно цепко ухватив за рукав. Кажется, продирались сквозь шиповник, переходили по камешкам грязный ручей, пересекали пустырь в ржавых железях. Вовка размахивал рваным, цепляющимся за ветки пакетом и говорил, говорил... Про тещу-ведьму и первый «Ё», про никчемную жизнь и навязчивую нечисть, про то, что всем наплевать и что никто не ценит, – изливался, как, кажется, никогда в жизни. И кому, спрашивается? Кикиморе!

Опомнился на задворках собственного дома, возле котлована несбывшейся стройки. В глубокой, неожиданно чистой воде отражались пухлые облака и собственная помятая физиономия. «Вертолет» успел наполовину оприходоваться по дороге.

– Ну и... вот, – опустошенно уронил Вовка в тишину.

Одуванчики сочувственно качали пушистыми головами. Соседский Митька остервенело дергал за поводок кривоногую дворняжку Клизму. Из вишневого «Москвича» вывалился небритый мужик, пристроился по нужде возле ивы на глазах двух сталинок. Толстая неопрятная мамаша истерично вопила на ясноглазого малыша с грязными коленками.

Муторно.

– Первый день, как глаза открыл? – восхищенно протянула кикиморка. – Так ты ж везунчик! И еще не гадал?

Вован непонимающе помотал головой:

– Ну как же! У кого глаза открылись, завсегда должен в этот день желание загадывать. Все, что хочешь, сбудется.

Лохматая Клизма тяжело плюхнулась в воду, распугав отражения облаков. Извозюканный малыш, наконец, заревел, разом перекрыв мамашины вопли.

– Щас зелье тебе сделаю, – пообещала кикимора, отбирая «Вертолет». Плюхнулась в траву и принялась наламывать подозрительного вида прутья, пропихивая в щель банки.

– Это какое еще зелье?

– Так загадательное же! А то ведь солнышко сядет, и тю-тю! А сегодня день такой, что сбудется все не-пре-менно!

Вовке казалось, что чудес на сегодня уже достаточно, но возражать кикиморе было все равно что останавливать маленький упрямый танк. Побросав в коктейль мелкие серые колючки,

она добавила туда же пару парашютиков с одуванчика и вроде даже плюнула. Потом завела глаза к облакам и торопливо зашептала.

Мужик хлопнул дверцей «Москвича» и даванул на газ, подняв тучу пыли. Вован зябко вздрогнул.

– Митька-а! – заорала с балкона Кефирычева Настена. – Опять Клизму в котловане купаешь, зараза?

Мальчишка втянул голову в угловатые плечи и торопливо натянул поводок. Кудлатая псина сопротивлялась: ванна ей явно нравилась.

– Готово!

Кикимора гордо протягивала банку. Вовка с опаской заглянул в темное нутро: жидкость казалась вполне однородной. Разве что пахла теперь мятой и чем-то еще свежим, травяным.

– А что загадать-то можно? Ну, зарплату там побольше, да?

Девчонка закатила желтые глаза.

– Ну что за люди! Все зарплата им, машины-дачи. Ты бутылку еще загадай!

Вовка с опаской отодвинулся.

– Можно все изменить, понял? Всю жизнь. Вот был ты такой человек, а будешь другой.

– Это как? В смысле имя другое? – не понял он.

– Имя? Можно и имя. И дом можно другой, и семью, и работу, и вообще... А хочешь – будешь птицей, хочешь – рыбой. Или вовсе ветром. Ну, понимаешь? Нужно загадывать такое... большое!

Вовка с сомнением покачал головой.

– Это что ж, можно, чтоб теща ведьмой не была?

Кикимора фыркнула и недовольно отвернулась.

Вован представил себя в дорожном костюме, при галстуке и в персональном самолете. Картина эта восторга особого не вызвала: галстуки он терпеть не мог, а в самолетах летать боялся. Да ну, глупости все. Как по телевизору прям: выпил кофе из красной кружки, и сразу красивый, богатый и не пахнешь.

Он недоверчиво качнул банку в ладони. Жидкость маслянисто тумкнулась в блестящую стенку.

– Митька-а! – снова разнеслось над одуванчиками.

– Здравствуй, дядь Вов, – буркнул мальчишка, пробегая мимо. Клизма трясла на бегу длинными ушами, к мокрой шерсти щедро липла травяная труха.

– Да ладно, – нерешительно сказал Вован, порываясь выплеснуть зелье. – Не надо мне. Я уж как-нибудь...

Кикиморка враз повисла на рукаве, безостановочно повизгивая:

– Ты что! Не смей даже! Всю жизнь жалеть будешь! Ты не спеши, ты погляди, оно ж тебе само все покажет!

Вовка машинально глянул в банку. Из алюминиевой глубы действительно как живой картинкой плеснуло.

Вот теща на кухне, шурует недоброй памяти половником в полуведерной кастрюле и ворчит:

«Это что, зарплата, называется? Чистые слезы. Вона, полы протерлись, шкаф в ванной третий раз падает. Ведь цельными днями дома сидит, в телевизор уставится... У Федоренок Костя с трех работ деньги тащит, машину купил, этим летом жену в Турцию отправил, а этот...»

Соседская Настена визгливо отчитывает его, наткнувшись в подъезде:

«Ваш Петя в нашу собаку камнем кидал. Сама видела. Воспитывать надо детей, между

прочим».

Бухгалтерша, подбоченясь, размахивает мятыми ведомостями, тыча едва не в глаза толстыми пальцами:

«Че ты на меня-то наезжаешь? Я, что ли, тебе зарплату начисляю? Сказано: остальное – после праздников».

Лидуся остервенело тыкает шваброй под диван, недовольно сдувает со лба давно не крашенную прядь:

«Футбол ему только. У сына все штаны порвались, ботинки на зиму надо... Все соседские на велосипедах гоняют, а на что его купить-то, велосипед? В кино ты меня когда приглашал? Про день рождения опять забыл!»

Петька с зеленой шишкой на лбу и дырами на грязных штанах глядит исподлобья:

«Он первый начал!»

Осуждающие взгляды Лидуси и тещи, сразу ясно, чье воспитание:

«Нету мужика в доме...»

Ну, знаете!

Легкий ветер шептал умиротворяюще, гладил по горячей щеке. Толстая мамаша подбрасывала карапуза на руках: тот хохотал, цепляясь за блузку, оставляя на ней грязные отпечатки маленьких ладошек. Закусив губу, Вовка крутнул банку, словно калейдоскоп, стирая разом всю неустроенность бестолковой жизни.

Вот сам он в чистой джинсовке, ухоженный, с сытым блеском в глазах, вылезает из синего «Жигуля». Ботинки новые блестят. Вытаскивает из багажника набитые пакеты с эмблемой модного универсама. Дом – новый, сверкающий вымытыми окнами – распахивает нетронутые вандалами двери, чистый лифт стремительно возносит его к небу. Встречает жена – миловидное личико в обрамлении светлых волос, новенький пестрый халат, тапочки со смешными зайчатами. Ставит на чистую клеенку тарелку супа – из гороховой гущи торчит пахучее копченое ребрышко, усаживается напротив, в глаза глядит душевно. Серьезный мальчишка в другой комнате клеит самолетик, к этому точно не придраться самой строгой училке.

Вот так, да? Все иначе? Все по новой?

А как же тогда давние свидания, Лидусины сияющие глаза, что смотрели из-за растрепанного букета так, словно он, Вован, был единственным на земле мужчиной. А первая зарплата и купленные на нее моднящие брюки, что через неделю расплзлись по шву? А шумная пьяная свадьба, а Лидкин жаркий шепот в летней ночи, а мучительное ожидание в приемной роддома, а тяжелый кулек, из которого торчало сморщенное красное личико, и изумление с первым услышанным воплем младенца: мой сын?

Петькины первые шажки: иди-иди к папке скорей, прогулки по парку, утки, торопливо и жадно клюющие куски сладкой булки, Петька на карусели, Лидуся в новых фирменных сапогах (красотища какая, все девчонки обзавидуются), Новый год в детском саду, тещины пироги, они втроем на цветной фотографии, мороженое в маленькой кафешке, зоопарк (смотри, какие медведи), детсадовский выпускной, Петька плещется на мелководье, а Лидуся смотрит на них с берега и хохочет...

И это все тоже... иначе?

Вован глянул на небрежно размазанные по сини облака, на неподвижную воду в котловане, где в опрокинутом небе отражались сурепки с цикориями, на нахального воробья, что уже примерился склюнуть крошку от маковой булки прямо с ботинка. Грудь сдавило неповторимостью мига, и сладко заныло под ложечкой, как в детстве, когда весь огромный мир распахивался навстречу из каждой росинки, или как позже, когда Петька младенцем сонно раскидывался в кроватке и умилительно почмокивал губешками. Он улыбнулся широко и

ласково небу, котловану, воробью и кикиморке и хлебнул теплого пьянящего зелья.

* * *

Солнце еще и не думало садиться, но подъездный сумрак ждал вечера. Неторопливо и спокойно Вован поднялся к облезлому подоконнику, пристроил на старое место шпротную пепельницу. Помедлил секунду и решительно поднялся к 52-й квартире.

Гуня отозвался тотчас же, будто так и караулил под дверью.

– Ты это, – Вовка смутился, не зная, как обратиться к домовому, – перебирайся к нам. Не больно-то тихо будет, конечно, но Лидка моя гадости вонючие не развешивает и чтоб пусто было не желает. А я тебе хлеб крошить буду. И молоко наливать. Ну, и что там еще... Вот.

Гуня всплеснул маленькими ручками:

– Спасибо, дядь Вова! Это я с превеликим удовольствием. И дом держать буду! И привидений гонять! И тараканов! И муравьев! И не надо мне в блюдечко, я и по-человечески... И нитки буду распутывать! И... Ой, спасибо!

– Да ладно, – смутился Вован еще больше, – привидения пусть себе летают. Глядишь, английский выучим...

Домовенок бросился в стену – собираться. Вовка спустился на курильный подоконник, ткнулся лбом в стекло, глядя во двор, как на сцену.

Тихо выбрался из квартиры Кефирыч, пристроился рядом. Третьим уселся со своей ароматной трубкой как будто успокоенный Феофил: Вован не решился спрашивать, как обстоят дела с квартирой.

Подъехал хмыревский джип. Хозяин вышел, постоял нерешительно, опираясь на глянцевый бок и вертя в пальцах связку ключей. Нырнул в недра машины, выловил матовую квадратную бутыл, стопку пластмассовых стаканчиков. Одним махом взлетел к подъездному обществу.

Водка прозрачно разбулькнулась по стакашкам. Феофил прищурил глаз, и Хмырев, сам не заметив, налил лишнюю порцию.

– Что, продали квартиру-то?

Тот смущенно улыбнулся, и на миг сквозь напускной лоск проглянул конопатый школьник Андрюха Хмырь – хулиган и задира, который классно вырезал из щепок кораблики.

– Да че-то стал барахло разбирать старое... альбом вот нашел с фотками еще с позапрошлого века, бабка хранила. Прапрадед мой, представительный мужик был – в мундире, борода такая... А потом, мебель же у меня – чистый антиквариат, одно зеркало чего стоит! Диванище такой – хоть спи, хоть телик гляди... Ну и...

Собеседники обменялись недоумевающими взглядами. Хмырев сам понял, насколько неубедительно звучит его речь, и рубанул воздух ладонью.

– Прогнал я, короче, клиента! Не фиг, – и добавил с чувством: – Он лепнину с потолка спилить хотел! – А потом основательно хлебнул из стакашка. – Ты слышь, Кефирыч, я там велик нашел старый свой, Митьке твоему как раз будет. А подрастет – вон Петька пусть гоняет, если тот раньше не развалится.

Дедок пожевал утухший окурок.

– Чего ж... Спасибо.

– А я сам тут ремонт сделаю – никаких пластмасс и стеклянный потолок к чертям, а то ж в Тушине квартиру обставил, такие бабки угрохал – офигеть, а ни в кресле развалились, ни на стол чего поставь! Диз-зайнеры, блин! Тока пальцы кидать под тот дизайн, а жить-то невозможно! – подытожил не на шутку разошедшийся Хмырев. Запнулся и прибавил: – Тихо здесь так, по

утрам птички чирикают...

Скрипнула дверь кефирычевской квартиры, необычно тихая Настена свесилась через перила:

– Папка, куришь все? Гляди, весь обсыпался. Иди ужинать, я супу наварила, любимого твоего.

– С косточкой? – осведомился старик.

– С косточкой, – улыбнулась Настюха. – Я налила уж, стынет.

– Ну, я мигом, – Кефирыч торопливо затушил окурок, но дочь не уходила.

– Андрей Степаныч, вы бы тоже зашли, – теребя обесцвеченную кудельку, проворковала она. – А то вечно хот-догами всякими перекусываете, поужинали бы по-соседски, а?

Хмырев вроде бы смутился даже:

– Да ладно, беспокоиться-то... Да я привычный...

– Я и супу налила уже, – настаивала та.

– Ну, это... тогда ладно, щас я.

Оставшись вдвоем, Вован с Феофилом помолчали.

– Это вы его?.. Ну, чтоб квартиру не продавал? – осторожно осведомился Вовка.

Феофил одновременно замотал лохматой головой, пожал плечами и странно глянул на Вована.

На площадку шариком выкатился Гуня, волоча древний сундук размером с комод.

– Хозяин, – позвал радостно, – мне как, устраиваться?

– Угу, – кивнул Вован и мгновенно представил тещу, охаживающую домовенка половником. Картинка получилась жалобная, и, несмотря на собственные страхи, он поднялся с насиженного подоконника. – Погоди... Я тоже домой.

Лампочка-шестидесятка честно освещала ободранные шахматные квадраты линолеума на полу. Стараясь не шуметь, Вован переобулся, заглянул в тоннель коридора. Гуня, войдя в квартиру, как испарился.

– Папка пришел! – радостно сообщил Петька, проносясь из одной комнаты в другую. Вышла Лидуся в пушистой желтой кофточке, на миг ткнулась носом мужу в плечо:

– Где был-то?

– Да так, – неопределенно ответил он, чмокая гладкий пробор.

– Есть иди. Мама борща наварила, – и, помедлив, выдохнула ласково: – Ох, Вовка-Вовка, горяшко ты мое...

Вован долго плескался в ванной – намывал руки чуть не по уши, оттягивая момент, когда придется глянуть ведьме в глаза. В кухню вплыл бочком и устроился на краешке табуретки, готовый и бежать, и обороняться сразу.

Тарелка наваристого борща со сметанным айсбергом стукнула об клетчатую клеенку. Теща погромела еще ложками, пошумела водой и устроилась напротив. Подперла пухлым кулачком круглый подбородок, отчего глаз сощурился сушеной черносливинной.

Вован чуть не поперхнулся вкуснящим супом.

– Да ешь-ешь, не дергайся, – успокоила теща. – Ишь, пужливый оказался, удрал... Глаза-то закрыть тебе обратно или не надо?

Вовка обвел взглядом до мельчайшей трещинки на потолке знакомую кухню.

Под холодильником копошился Гуня с растопыренной метелочкой, деловито выгребалдохлых мух, еще какой-то годами копившийся в уютной щелке мусор. Вокруг оранжевого абажура радостно носились два зеленых привидешка, явно удравших из-под опеки Феофила. В раковине сама собой отскребала пригоревшую кастрюлю мочалка. Мимо окна в вечернем воздухе неслышно скользнула молодая химерка, едва не чиркнув крылом по стеклу.

Закрыть глаза – так оно, конечно, спокойнее...

– Не надо, – решительно сказал Вован. – Пущай будет.

– Ну и ладненько, – вздохнула теща будто бы с облегчением.

Вова поболтал ложкой в борще, выискивая шматок мяса покрупнее.

– Мама, – осторожно начал он, – а Лидка-то у меня...

– Не ведьма, – покачала головой та и погрустнела. – Наш дар – он через поколение передается, от бабки к внучке. Вот дочка если бы была у вас...

Вован снова уткнулся в тарелку, сам не зная: то ли радуется, что Лидусе ведьмовство не грозит, то ли расстроился невесть из-за чего.

– Так как, Вовк? – серьезно спросила теща. – Родите мне девочку?

В плывущем желтом свете одно привидешко догнало другое и принялось щекотать. Из комнаты доносились телевизионные вопли и рыдания – Лидуся смотрела какой-то очередной сериал. Вовка, судя по ритмичному скрежету, добрался до бабушкиной пружинной кровати и в такт прыжкам восторженно орал из-под потолка:

– Пер-вый «Ё-о»! Пер-вый «Ё-о-о»!

Привычная какофония домашних звуков наполнила душу таким безмятежным светом, что губы сами расплывались в улыбке. И, разомлевший от борща и впечатлений, Вован кивнул:

– А что, и родим.

Эльдар Сафин

Ты веришь в Кошкофею?

– Ты веришь в Кошкофею? – задав вопрос, Аленка по давней своей привычке попробовала заглянуть мне в глаза – для чего ей пришлось выгнуться долларовой американской буквой, но даже это не помогло, потому что я смотрел в монитор.

– Не верю, – ответил я, двигая по экрану три разноцветных квадрата и полтора десятка серых прямоугольников.

– А она есть! – убежденно заявила доча, протискиваясь ко мне на колени и кладя голову на клавиатуру между моих рук.

– Если я не сдам макет вечером, – вежливо пояснил я, – то подарка на день рождения у тебя не будет.

И все же посмотрел вниз, уткнувшись взглядом в циановые глаза дочки. Что самое забавное – Аленка совсем не похожа на Иришку, свою мать. Зато почти одно лицо с давно умершей бабушкой по линии папы, и, объясняя доче, что правильно, а что нет, я постоянно ловлю себя на странном ощущении.

А еще иногда я невпопад отвечаю ей: «Да, мама» и никогда – «Да, Ирина». Может быть, так получилось потому, что жена скорее промолчит в нужной ситуации, чем скажет хоть слово, просто чтобы поговорить.

Где Аленка взяла свою Кошкофею, так и осталось для нас загадкой. Мультфильмов про нее мы не покупали, книжек таких дочке не читали. В детский сад тогда Аленка неделю как не ходила – у нее почти вся группа слегла с гриппом, и заведующая от греха подальше объявила карантин.

Мы пережили неделю, когда доча объявила Кошкофеей себя. Особенно сложно пришлось Иришке, потому что это странное волшебное животное лечило только девочек и только несчастных – и каждый раз, когда уставшая жена приползала с работы, наше малолетнее «кошкочудо» начинало ее «спасать».

Потом мы пережили неделю, когда Кошкофеей был объявлен Барс Котофеич. Бедный кошак спасался на шифоньере, и каждый спуск в сторону туалета или миски был чреват поимкой и облачением в крылья, сделанные из проеденной молью занавески и резинки от старых Аленкиных трусиков.

Потом была неделя, когда Кошкофея якобы все время была с нами: я наливал ей чай в пластиковую мисочку, извинялся, если хотел сесть в свое громадное пушистое кресло – якобы именно его облюбовало это создание. А если, позвав домочадцев кушать, я не упоминал Кошкофею, Аленка устраивала истерику, опасаясь, что эта экстравагантная особа обидится и уйдет навсегда.

– Алло, Серегин, как у вас там? – Ирина почему-то всегда называет меня по фамилии и по не менее объективным причинам обижается, если я отвечаю ей тем же.

– Полет нормальный, как у тебя?

– Хорошо. Уже вышла. Буду часа через два, по дороге домой зайду на рынок. Кроме мяса и овощей что-нибудь надо?

– Да вроде есть все.

Даже по голосу чувствуется, что устала. И вчера устала, и позавчера, и месяц назад. Да что там – она даже в день нашего знакомства была уставшей. Тогда Ирина работала секретарем в прокуратуре и одновременно училась на юрфаке. Потом помощник следователя. За два месяца до свадьбы сама стала следователем, в декрет уходить отказалась.

Так я и остался с Аленкой вдвоем. Пришлось перейти на фриланс, но денег я при этом не потерял – просто они стали приходить менее регулярно.

Пожалуй, это единственное, что греет мое мужское самолюбие, – зарабатываю я все еще больше жены. Это, да еще Аленка.

А все остальное – в жесткий минус. Когда ваша жена расслабляется не в магазинах одежды, а в тире, на кухне чувствует себя гостем и утомленно улыбается, выслушивая про то, «как мы сегодня покакали», вы не можете не осознавать несправедливости бытия.

Ну я ее и осознавал. Иногда. В последнее время – все реже и реже. Да, у нас не так, как у всех. Зато другие скандалят чуть не до развода, а то и расходятся, кое-как сводят концы с концами. А у нас все нормально. Денег хватает, Аленка уже читать начала, хотя и капризничает, Ирине по итогам года вынесли благодарность, а полгода назад я продал старый «Фолькс» и купил почти новый «Форд», на котором, правда, чаще ездит жена...

И еще у меня заказов чуть больше, чем я успеваю.

– Па, Кошкофея говорит, что у мамы все плохо.

– Хорошо, мама, – среагировал я на интонацию. Мне осталось только вставить текст и картинку туда, куда можно уложить либо то, либо другое.

– Папа, папа, ну посмотри сюда. – Аленка потянула меня за рукав, мышка дернулась, и картинка на треть залезла под «шапку». А ничего так! Сделать полупрозрачным, поиграть со шрифтами – номер праздничный, ко Дню защитника Отечества, прокатит. Я быстро перетасовал имеющееся и, хотя еще не выставил точно, понял – всё. Сейчас доделаю.

И в тот момент, когда я нажал «Сохранить», раздался звонок.

– Александр Серегин? – Голос незнакомый. Холодный, официальный, черный голос – таким вам расскажут, почему вы не приняты на работу, которая просто идеально вам подходит.

Таким объясняют, что вы пересекли двойную сплошную, а поскольку сейчас конец месяца, то объясняться придется не на месте, а через суд.

Таким голосом сообщают только плохое, безликое, склизкое и безнадежное.

– Сегодня, пытаюсь пресечь драку возле метро, ваша жена... – Я судорожно дергал мышкой, открывая почтовый клиент, выбирая адресата, прикрепляя файл. – ...больнице. Шансов у нее немного.

– Повторите название больницы, – попросил я и до боли закусил нижнюю губу.

– Александровская.

Аленка любит сама зашнуровывать обувь. Она делает это долго, скрупулезно, вымеряя величину бантиков, следя за тем, чтобы кончики шнурков были засунуты в обувь четко друг напротив друга и точно так же, как на втором ботинке.

Но сегодня я не дал ей такого шанса. Мы оделись в две минуты – вначале я запихнул ее в комбинезон и ботинки, затем накинул на себя куртку и влез в теплые кроссовки, шнурки которых не развязывал со дня покупки.

– Папа, почему ты не веришь в Кошкофею?

– Алена, мы торопимся.

Уже на лестничной площадке понял, что не смогу ехать через весь город общественным транспортом. И на такси не смогу. Постучал Лехе, соседу, – он, глядя мне в глаза, только удивился:

– А где твой «Форд»?

– Ирина на прошлой неделе крыло помяла, в ремонте он.

А потом был сырой февральский город. Я гнал «шестерку» сквозь падающий мокрый снег, рядом что-то бубнила Аленка, и все было плохо.

– Что ты говоришь? – переспросил я, пытаюсь отогнать мысль, что в любой момент мы с

Аленкой можем остаться одни. Что Ирина может уйти.

– Я говорю, что если бы ты верил в Кошкофею, то она могла бы нам помочь!

– Никаких кошкофей не существует, – отрезал я и вдруг подумал, что мне же ничего не стоит признать детскую фантазию. Ну придется, может, потом обсуждать шубку Кошкофеи или ее привычки. Ну и что? Мне же не сложно! – Алена, я пошутил, я верю в Кошкофею.

Мост, наглый джип, покосившийся фонарь, унылый регулировщик, засыпанный полуморосью-полуснегом.

– А что ты замолчала? – бегло взглянул я на дочку, когда мы замерли у очередного светофора.

– Я обиделась. – Аленка смотрела в свое окно, даже не пытаясь заглянуть мне в глаза. – Кошкофея говорит, что ты сказал неправду, ты в нее не веришь.

И у меня не нашлось сил снова обманывать дочку, переубеждать ее.

– Если бы ты поверил в нее по-настоящему, она бы помогла!

На стоянке около больницы все было забито. Я чуть отъехал и припарковал машину под пиратско-андреевским знаком с косым крестом в красном круге.

Взял дочу на руки – она это, если честно, жутко не любит – и побежал. Ткнулся в один вход, потом во второй, в третьем мне махнули рукой, я прошел несколько запутанных уровней. Здание больше напоминало лабиринт из дешевого шутера, чем нормальную больницу.

И намертво встал перед дверью «Реанимация». Суровая девушка в зеленовато-синем халате вначале выговорила мне за то, что я без бахил и в верхней одежде, а затем категорически запретила мне входить, отправив в приемный покой с указанием ждать новостей там.

– Папа, ну просто поверь в нее, – канючила Аленка, дергая меня за штанину.

Я не помнил момента, когда опустил ее вниз, – вот вроде только что нес дочку, а теперь уже даже не держу за руку, меряю шагами помещение, в котором за стеклянным прилавком смеются, тихо переговариваясь и изредка отвечая на звонки, две девушки в белых шапочках.

И я попробовал. Что у нас есть? Кошкофея, существо непонятное, отчасти, видимо, похожее на Барса Котофеича с тюлевыми крыльями. Она помогает несчастным девочкам и любит, чтобы в нее верили. Ха, кто же не любит?

Дальше. Если я в нее поверю, то она поможет Иришке. Ирине. Ирине Ивановне Серегиной. Моей жене. Сильной, смелой, вечно уставшей.

На этом месте мои мысли спутались, отчаянно захотелось реветь, слезы даже навернулись на глаза, но дальше этого не пошло.

И тут будто щелкнуло в голове. Я словно увидел Кошкофею – большую улыбающуюся кошку с бабочкиными крыльями, летящую над нашим городом. И там, где она пролетала, дома чуть искривлялись, а у всех несчастных девочек в жизни происходило что-то очень хорошее.

По телу пробежали мурашки. Я, стараясь сохранить в себе это ощущение, посмотрел вниз, нашел глаза Аленки и сказал – искренне и спокойно:

– Я верю в Кошкофею.

И Аленка счастливо рассмеялась – для нее вопрос с мамой был решен. Что-то внутри меня протестовало – «какого черта, ты же нормальный взрослый мужик, ты не можешь верить в такую чушь!» – но я все равно верил. Держал это ощущение веры в себе. Эти мурашки, этот Аленкин смех, эту картинку с летящей Кошкофеей.

И держал до того момента, когда к двум девчонкам за перегородкой подошла третья, что-то сказала, а потом они позвали меня:

– Вы муж Ирины Серегиной?

Я держал это ощущение, когда врач говорил про чудо, про два огнестрельных ранения в живот, из которых хотя бы одно обязано было привести к чему-то страшному и плохо

произносимому.

Я держал его, когда мне сказали, что к Ирине пустят только завтра, сегодня у нее шок и еще какие-то проверки, но смертельной опасности уже нет.

Держал, даже когда мы с Аленкой вышли из больницы и я издалека увидел, как отъезжает эвакуатор с Лехиной машиной на горбу.

– Попроси Кошкофею... – начал было я и вдруг понял то, что мгновение спустя озвучила Аленка:

– Па, ну ты чё? Кошкофея помогает только несчастным девочкам. А счастливым мальчикам она не помогает.

И тогда ощущение ушло.

Но я все равно остался чертовски «счастливым мальчиком».

Хотя Леха еще не раз припомнил мне этот вечер...

Андрей Буторин

Диадема невест

Кто из вас не получал спама? Не надо сердиться, вопрос сугубо риторический. Назойливые призывы присоединиться, поддержать, попробовать, преуспеть... П-п-п-пыль, мусор, хлам, от которого мы брезгливо спешим избавиться, удаляя пристающие сообщения из электронных почтовых ящиков, выбрасывая рекламные бумажки из ящиков навесных.

А кто из вас получал спам из будущего? Случись такое, стали бы вы раздраженно морщиться и, не вскрывая «посылку», бежать с ней к мусоропроводу? Что? Такой спам еще не приходил вам? А вот Женьке пришел.

В мягкую, уютную постель настолько приятно было рухнуть после суматошного дня, такое блаженство охватило уставшее тело, гудящие ноги, напичканную проблемами голову, что мелодичное «тирлин-н-нь», прозвучавшее в тишине спальни, скользнуло мимо Женькиного сознания. А вот розовое сияние, пробившееся через неплотно сжатые веки, подало в измученный, но бдительный мозг тревожный сигнал.

«Пожар! Гд е горит?!» – эта мысль сама вспыхнула пожаром в Женькиной голове, до того еще, как распахнулись глаза. Но глаза, распахнувшись, успокоили мозг, и мысль о пожаре тихо уснула. А вот Женьке пришлось о желанном сне позабыть. Посреди спальни, разгоняя вокруг себя и трамбуя по углам темноту, лучился розовым светом венец. Хрустальная диадема казалась выточенной из самого воздуха, тем более – в воздухе она и висела, и лишь блестящая полоска желтого металла, замыкающая окружность, связывала сказочный головной убор с материальным миром.

«Сон, – решил бы любой здравомыслящий человек, – фантастика! Такого не бывает!» Но только не Женька Ярчук! Ведь фантастика для Женьки – это любимая стихия, именно она – смысл и образ жизни, о чем говорят выхваченные розовыми лучами из ночного мрака корешки книг: Е. Ярчук «Вчерашнее завтра», Ярчук Е. В. «Звездная амнезия»... Да, Женькиных книг – всего две, но можно ведь сказать не «всего», а «пока».

Часть книжного вымысла перетекла в реальность – что из того? – а сверкающая диадема красуется уже на всклокоченной Женькиной голове. Мир сразу вспыхивает, кувырывается, и вот тогда-то Женьке становится ясно, что это – послание из будущего! В мозгу вихрем кружатся красочные объемные картины, звучит необычная, но прекрасная музыка и слышится пленительный девичий голос:

– Брачное агентство «Диадема невест» приветствует вас! «Диадема невест» подберет вам идеальную спутницу жизни! Вы хотите двух? Трех? Сорок восемь?! Пожалуйста! Мы выберем вам сто сорок восемь невест, если это не возбраняется законами вашей страны. Вы хотите найти себе подругу на час? На год? На всю оставшуюся жизнь?! И в этом случае спешите к нам! Мы оформляем в полном соответствии с действующим законодательством официальные браки сроком от одного часа до бесконечности! Если законы вашей страны не соответствуют вашим желаниям, мы регистрируем мужа в стране проживания супруги легко и быстро. А с сегодняшнего дня – новое суперпредложение! Вы можете сменить не только место, но и время проживания! Смените пыльное Прошлое на сверкающее Будущее! Найдите в нем свою судьбу, свое счастье! А вот и наши невесты – на любой вкус, и все – только высшего качества! Делайте выбор!

– Тирлин-н-нь! – Голос пропадает, льется нежная музыка, появляется заставка в виде хрустальной короны.

Далее появляется объемная картинка, настолько реальная, что Женьке кажется, будто грядущие времена уже настали. Шикарная зеленоглазая брюнетка в расстегнутом до пупка комбинезоне изящно взлетает по ступенькам трапа. Задержавшись на площадке перед люком, она оборачивается и томно шелестит:

– Я – Милена. Мне всего пятьдесят восемь, а я уже полковник Звездного Флота. Мой корабль, – женщина нежно проводит ладонью по матовой броне, – подчиняется мне, словно нашкодивший курсант-первогодка! О-о-о! Посмотри, что я делаю с ним!..

Брюнетка ныряет во чрево звездолета, через пару мгновений тот взмывает ввысь, и вот он уже мерцает яркой звездочкой в небе – одной из сверкающей россыпи.

Затем план меняется, и звездный корабль во всей красе – от носового утолщения до пары объемистых баков на корме, – огромный, напряженностремительный, врывается в разверстую алую бездну атмосферы необузданной, дикой планеты! Начинается вакханалия: звездолет сотрясается от бешеных всплесков неистовых молний, ураганные ветры стонут в безумном желании разорвать металл на куски, ритмично выплескиваются из сопел корабля желтые сгустки пламени, а за кадром, перекрывая шум огня и стихий, звучит торжествующий вопль полковника-брюнетки: «Да, да, да! Еще!..»

Смена картинки. Планета покорена. Красная каменистая пустыня. В алом небе полыхают далекие зарницы. Усталая брюнетка прижимается к теплему боку звездолета. Сверкают зеленые глаза:

– Милый, иди скорее ко мне! Ты будешь любимым моим звездолетом, я стану твоей неоткрытой звездой!

– У тебя уже есть звездолет, – бурчит Женька. – Ты и его-то заездила... Только полный дурак к тебе сунется! Или маньяк...

– Тирлин-н-нь! – Нежная музыка, заставка с диадемой. – Делайте выбор!

Золото, драгоценности, бриллианты. Штабеля, россыпи, груды. Миниатюрная платиновая блондинка в сверкающем платье теряется на фоне сказочного изобилия. Камера приближает лицо с капризными пухлыми губками, вздернутым носиком и выпученными блеклыми глазами выброшенной на берег рыбы.

– Меня зовут Гертру-у-уда, – противно ноет девушка. – Мне всего восемнадцать, а у меня уже было двадцать муже-е-ей. Нет, мне уже двадцать, а мужей было всего восемна-а-адцать... Не по-о-омню... Я са-а-амая богатая девушка в нашей дере-е-евне, потому что мой папа купил астеро-о-оид, а он оказался из зо-о-олота! А парни смеются надо мной и говорят, что я все равно ду-у-ура... Ну и что-о-о? Зато у меня есть э-э-это! – Камера отъезжает, и блондинка поводит руками вокруг. – Мой дорого-о-ой, приезжай скорее ко мне-е-е, и я куплю тебе все, что захо-о-очешь! Только не сбегай от меня, как те двадцать восемь козло-о-ов...

Девушка начинает плакать. Слезы превращаются в жемчужины и со звоном сыплются на пол...

– Какой же надо быть ослепительной дурой, – удивляется Женька, – чтобы и драгоценности на твоём фоне блекли?

– Тирлин-н-нь! – Музыка, заставка. – Делайте выбор!

Смуглая девушка «в теле» с большим черпаком в руке. На заднем плане сидят за столом четверо куцых испуганных мужичков в детских «слюнявчиках» поверх серых роб. Перед каждым – по миске. Над мисками весело клубится парок. Рядом – пятая миска. Над ней ничего не клубится, лишь грустно и одиноко вьется вялая струйка пара.

– Я – Варя! – зычно басит девушка. – Мне уже сорок восемь, а у меня всего четыре мужа... До пенсии я работала воспитателем на Луне, в колонии для особо опасных малолетних преступников. И вот не знаю теперь, куда деть оставшуюся ласку, недоданную горемычным деткам. – Варя громко сморкается и цыкает зубом. – Я прекрасно и много готовлю, но одна тарелка всегда оказывается лишней... Приди, мое пятое счастье, отведай похлебки, вкуси моей ласки!

– Срок мотать гораздо приятней в специально отведенных для этого местах! – даже не имея соответствующего опыта, делает разумный вывод Женька.

– Тирлин-н-нь! – Музыка, хрустальная диадема. – Делайте выбор!

Деревянная изба, тщательно оформленная «под старину». На бревенчатых стенах – ковры, в углу – древний плоскоэкранный телевизор, на дощатом столе – антикварный ноутбук, возле русской микроволновой печи – ухваты и чугушки. В центре избы стоит невзрачная конопатая «простушка» с натертыми красной нитроэмалью щеками, в кокошнике, куртке-косухе, широченной синей юбке до пола и мотоциклетной краге на левой руке.

– Меня зовут Марфа, мне тридцать три. Я родилась в старинном русском городе Караганде... Караганда... Караганды... В общем, на Вологодчине. Скажу вам как на духу: перевелись мужики на Руси! Совсем поистребались да повывелись... Остались вот такие, – показывает скрюченный средний палец, – да вот этикие! – отмеряет ноготь мизинчика. – А у вас, в старину, о-го-го! – сжимает кулак и сгибает руку в локте. И начинает голосить-напевать: – Где же ты, гой-еси, милый суженый? Где ты, русский мачо, добрый молодец?! Ох, как грудь-то моя ждет-трепещется, как клокочет татарская кровушка! Забери ты меня, рокер хакерский, не могу я одна мыкать горюшко!.. Я прошу: забери меня в прошлое, в годы славные и богатырские! Ничего, коль уж есть у тя женушка! Ничего, если две аль одиннадцать! Буду новой женою я мужниной, доведу женам счет я до дюжины! Эхма! – Машет левой рукой, крага улетает на древнерусскую люстру.

Красна девица кланяется и продолжает уже по-простому:

– Возьми, а? Seriously!.. Правда, я делать ничего не умею... кроме одного! – Девица лукаво подмигивает, приподнимает подол, из-под юбки выскакивает карапуз лет трех и начинает корчить рожи. Следом вылезает другой, чуть постарше. – И второго! – улыбается девушка. Из-под юбки выбирается девчушка. – И третьего! – делано удивляется красна девица. За сестрицей показывается братишка-близнец. – И четвертого! – ахает «красавица». Завершает процессию «подъюбочников» мальчишка постарше, почти подросток. – И пятого! – всплескивает руками «невеста». – Ого! Да я, оказывается, много могу!

– Нашла чем удивить! – фыркает Женька. – Великолепная пятерка и вратарь...

– Тирлин-н-нь! – Музыка, корона. – Делайте выбор!

Механическая «карактица», поблескивающая металлом и маслом. Печальный скрежещущий голос:

– Меня зовут RPS-813025A. Я робот, но тоже хочу мужской ласки...

– ...Чистки и смазки! – завершает Женька.

– Тирлин-н-нь! – Музыка, диадема. – Делайте выбор!

Страшная морда в багровых шишках и волдырях. Узкие прорезы хищных глаз. Зловещее шипение:

– Я – Щщщеккк, первая красссавица планеты Ташшттт! Я хоччу зземного мужжжчину! – Клыкастая пасть облизывается. – Я ссделаю тебе хорошшо, пташшка! – Из мощных звериных лап высовываются и тут же прячутся назад когти. Наплыв камеры на бугристую морду «красавицы». Страстный оскал и хлюпанье воздушного поцелуя.

– С лица, конечно, не воду пить... – пытается убедить себя Женька, но тут же срывается и бежит в туалет. Возвращается, морщась и вытирая рот ладонью.

– Тирлин-н-нь! – Музыка, хрустальный венец. – Делайте выбор!

Девушка в желтом купальнике на берегу моря. Обычная внешность, русые волосы, средний рост, фигура без излишеств, но и не «унесенная ветром». Голос приятный, с легкой «сексуальной» хрипотцой:

– Меня зовут Саша. Я – биотрансформер. Вы любите брюнеток? – Волосы девушки мгновенно темнеют. – Блондинок с косой до попы? – Черные пряди светлеют, удлиняются, заплетаются в косу... – Вам нравятся осиная талия и ноги от ушей? – Девушка превращается в гигантскую осу, по желтому купальнику бегут черные полосы. – Или вы ценитель пышек? – Тело трансформера расплывается, превращаясь в желтый шар с ножками-тумбами и ручками-сардельками. Гипертолстуха заговорщицки подмигивает и шепчет: – А может, вы предпочитаете мужчин?.. – Желтый купальник съеживается в узенькие плавочки-стринги, жир преобразуется в грудку накачанных мышц, тело вытягивается под два метра...

– Тирлин-н-нь! Делайте выбор!..

– Тирлин-н-нь! Делайте выбор!..

– Делайте выбор!.. Делайте выбор!.. Делайте выбор!..

Выбрасывая в форточку осколки с трудом разломанной диадемы, Женька подумала: «Как хорошо, что я не мужчина...» А забравшись под заветное одеяло, шепнула:

– И как хорошо, что я уже сделала выбор, – и прижалась щекой к теплему плечу сладко посапывающего мужа. – Надеюсь, милый, ты поступил бы так же?..

Майкл Гелприн

Охота на термитов

Этот подвал мы давно присмотрели. Хороший подвал, удобный, и главное – выходов из него целых шесть. Не то что та крысоловка под развалинами бывшего универмага, в которой на прошлой неделе хоронились. Там, хотя и потолки почти целые и не воняет так, как здесь, а выхода было только два. Да до дальнего еще добраться надо, а пойдя доберись, когда все вокруг рвется, рушится и норовит тебя тут же на месте похоронить. Хорошо, в этот раз все успели, хотя марсиане уже на пятки наступали. А сколько их было, не добравшихся, не добежавших, не дотянувших за эти три года, – уже и не сосчитать. Из тех, кто выжил после нашествия, в живых остался на сегодняшний день каждый пятый. А то и меньше.

Не знаю, кто придумал этих сволочей называть марсианами. Попросту так с первого дня нашествия повелось, как только эти гады Землю бомбить начали и рухнули первые города. Ленька Очкарик вон говорит, что агрессор пришел откуда-то с Сириуса, вроде бы так по радио передавали, когда еще связь была. Может, и с Сириуса, а по мне так хоть с Марса, хоть с Лебеда, хоть с Рака – одна задница. Главное, что за несколько дней они уничтожили больше девяноста девяти процентов населения. А тех, кто остался, травят как крыс и рано или поздно наверняка затравят.

Иллюзий насчет дальнейшего мы не питаем. Хотя бы потому, что за три года удалось всего десяток марсиан прищучить, а сколько наших они, паскуды, положили... Конечно, в других местах люди тоже остались. В развалинах городов, в основном, потому что в лесах и в деревнях, по слухам, никто не выжил, пожгли их там всех. Но в городах есть еще наши, наверняка есть, а значит, марсиан хоть немного, хоть несколько тысяч всего, а грохнули. Так что не совсем задарма им наши жизни достались.

До подвала этого добирались мы трое суток. Первый день по Кривой Собачьей шли, что петляет между набережной Малой Вонючки и полосой отчуждения бывшей железной дороги. Впрочем, шли – не самое подходящее слово. Гд е перебежками продвигались, где ползком, а через развалины вообще как придется. И там, где Кривая Собачья упирается в остатки стадиона, нырнули под землю в канализацию. Вот по трубам и добрались. За двое суток – со жратвой и с оружием быстрее никак. Раньше мы сюда только по двое, по трое на разведку ходили.

В общем, только разместились и посты выставили, еще даже кашеваров не назначили, подваливают ко мне Ленька и Мишка Очкарики. Они братья, только друг на друга не сильно похожи. Ленька, старший, – долговязый, смуглый и близорукий. А Мишка – коренастый, рыжий и дальнзоркий. Очкарикам я обязан жизнью – год назад они вернулись за мной, контуженым, в подвал обрушившейся двухэтажки и вытащили из-под завала. А потом перли на себе двое суток, пока не догнали отряд.

– Слышь, Летеха, – Мишка говорит, – разговор до тебя есть, давай в сторону отойдем.

Я никакой не лейтенант и вообще не военный, только так получилось, что после смерти Глеба группой командую я. Вот Глеб – тот настоящий был летеха, кадровый. Если бы не он, вполне возможно, нас никого бы в живых давно уже не осталось. Партизанской войне он учил. И как отступать, и как убежище выбирать, и про остальную стратегию-тактику каждый день вдабливал. А потом Глеб погиб – вот уже полгода, как его нет. С тех пор Летехой кличут меня, привык уже. Вообще-то я Алексей, Леха, так что всего две буквы-то к имени и прибавили.

В общем, отошли мы с ребятами, тут они мне и выдали:

– Такое дело, Летеха, – Ленька Очкарик говорит, а сам в сторону смотрит, – ребята не хотят по подвалам хорониться больше. Нет смысла в этом – рано или поздно нас все равно перебьют.

И скорее рано, чем поздно. Поэтому мы решили уходить.

Я аж остолбенел поначалу.

– Кто это «мы»? – спрашиваю. – Кто решил уходить, куда? Вы что, парни, не в себе, что ли?

– Куда – видно будет, – Ленька отвечает. – Думаем по реке сплавиться, по Малой Вонючке.

Ночью если, то шансы есть. А насчет того, кто мы... В общем, так: в отряде всего пятнадцать человек, Лешка. А год назад было вдвое больше. Половину за год мы потеряли. Здесь шансов нет никаких. Хорошо, если одного-двух марсиан сумеем прибить, пока все не сдохнем. И мы решили – надо рисковать. Нас семеро, ровно половина группы, если тебя не считать.

– Вот как, значит, – говорю я, – семеро. А остальные, выходит, не согласны?

– Остальные не то чтобы. Но они твоего мнения ждут. Сказали, что послушают сначала тебя.

– И давно вы это решили? – спрашиваю.

– Решили недавно. А думать давно начали. Еще когда Глеба убили.

– Понятно. А потом как? Ну, сплавитесь вы по реке. Допустим, марсиане вас не заметят. А дальше что?

– До леса доберемся, – Мишка Очкарик говорит, – там, в лесу, схоронимся где-нибудь.

– Где же ты его возьмешь, лес? Леса в окрестностях города все выжжены, земля спалена, там ничего не растет и расти еще много лет не будет. Из леса никто за все время не приходил, значит, людей живых там не осталось. Сколько раз об этом говорили. Даже если доберетесь – с голоду сдохнете. Только не доберетесь. На открытой местности вас марсиане как пить дать обнаружат. И приговорят. Так что уходить – безумие, верная смерть.

– Безумие – оставаться, – сказал Мишка устало. – Леса наверняка остались, все не спалишь. А что оттуда никто не приходил – так это не значит, что людей нет. Кто сюда пойдет по доброй воле?

– Ладно, – говорю, – конспираторы хреновы. Давайте собирайте всех, будем обсуждать. Раскола в отряде я не допущу. Или все уйдем, или останемся и здесь подыхать будем.

Клянусь Великим Духом Альмейды, я не хотел никуда лететь. Зильда много раз пыталась уговорить меня принять участие в охоте на термитов, но я неизменно отказывался. Стабильность и здравомыслие всегда были моими основными достоинствами, и немало молодых альмейдянок сочли бы за честь сделать именно от меня свою кладку. Я, однако, дал обет, что матерью моего потомства будет только Зильда. Мы знали друг друга с рождения, наши яйца раскололись в один и тот же день, и первые пять лет жизни мы провели в соседних ячейках. Даже на шагатели встали одновременно, и, помнится, еще тогда я обратил внимание на то, как Зильда изящна и грациозна. Потом мы вместе проходили три первых ступени сознательного развития, я опекал ее и всегда утешал, если случались неприятности. Я был одним из самых способных учеников, знания давались легко, учителя и наставники прочили мне прекрасное будущее.

На Зильду многие заглядывались и до достижения ею третьей ступени. А уж после, когда нас обоих приняли в самый престижный обучатель столицы, от поклонников не стало отбою. В ней все было прекрасно – и стройные, идеальной параллельности шагатели, и выпуклые дымчатые видетели на удлиненном нежно-салатного цвета фасаде, и обе пары держателей с длинными гибкими хватателями на них. Не говоря уже о яйцекладе. Именно о таких яйцекладах слагали стихи альмейдянские поэты на протяжении тысячелетий.

Я отдавал себе отчет, что, как всякая красавица, Зильда несколько взбалмошна и своенравна. Но рассчитывал, что моя мудрость и здравомыслие помогут удержать ее от опрометчивых поступков. Естественно, о такой несуразности, как полет к недавно открытой

планете, чтобы принять участие в детской забаве, не могло быть и речи. Разумеется, древние инстинкты у каждого альмейдянина в наполнителе, но на то и мудрость тысяч поколений, чтобы эти инстинкты сдерживать. В самом деле, не пристало разумному существу, оделенному всеми достоинствами, гоняться по развалинам за термитами, чтобы добыть никому не нужный трофей – клип с воспроизведением выстрела, прикончившего бедное насекомое. Не говоря уже о риске, которому неизбежно подвергаешь свою жизнь, занимаясь подобными дурачествами.

Все решилось в тот день, когда Зильда пришла в мою ячейку после занятий и сказала:

– Тиль, я последний раз прошу тебя приобрести охотничью лицензию. Мы подходим к возрасту кладки, и кто знает, удастся ли поохотиться потом, когда каждый из нас будет обременен множественными обязанностями перед обществом.

– Зильда, – ответил я, – подумай, имеет ли смысл подобное легкомыслие. Ведь охота на термитов не просто развлечение, а еще и довольно рискованное занятие. Термиты хотя и недостаточно разумны, но все же весьма опасны. Эти удлиненные предметы, из которых вылетают горячие металлические цилиндры. Потом разлетающиеся на осколки болванки. Не говоря уже о примитивных механизмах, которые, тем не менее, способны выпускать конусообразные, взрывающиеся в воздухе предметы. Разумеется, это все детские игрушки по сравнению с генераторами антивещества и плазменными разряжателями, но определенную опасность для жизни термиты все-таки представляют.

– Тиль, – сказала Зильда. – Тебе следует чаще читать официальную прессу. Во-первых, те механизмы, о которых ты упомянул, давно уничтожены. Причем повсеместно, и в самые первые дни экспансии. Во-вторых, термитов почти не осталось, и в скорости правительство выпустит указ о закрытии охоты и запрещении отстрела. Помнишь, как было в тех заповедниках, которые открыли в прошлом столетии? Их предоставили гражданам для охоты на короткое время, а потом законсервировали. Так будет и с этой планетой. Пройдут сотни поколений, прежде чем термитам удастся восстановить свои муравейники и численность. Я не прошу себе, что не использовала возможность, о которой мечтает вся альмейдянская молодежь и которая вновь будет предоставлена лишь нашим далеким потомкам.

– Зильда, прошу тебя, – попытался настоять я, – откажись от своего намерения. Ради нашего будущего потомства мы не должны подвергать себя опасности.

– Что ж, – Зильда скрестила верхние держатели на тулове и уперла нижние в периферию. – Как хочешь. Вчера Ильгр приобрел охотничью лицензию на двоих. Он предложил мне составить ему компанию. Я обещала подумать. Теперь я вынуждена принять его предложение.

Разумеется, я не мог этого допустить. Мерзавец Ильгр, мне никогда не нравился этот красавчик. В тот же день я приобрел лицензию, а уже на следующий мы с Зильдой прошли первый инструктаж.

Я сидел у костра, по-черному коптившего едким дымом и без того вонючий подвал. Я смотрел на свое воинство. И молчал. Молчали и они. С этими людьми я провел последние три года. Мы вместе прошли через многое и ко многому привыкли. К страху, к войне, к смерти привыкли. А главное – друг к другу. Я подумал, что не мыслю себя без них. Вот Володька Кудлач, угрюмый, нечесаный, со страшенной карабасовой бородой. Он самый старший из нас, ему уже за сорок, бывший слесарь-автомеханик. У Володьки золотые руки, и по части ремонта вышедшего из строя оружия ему нет равных. Рядом с Кудлачом – Завьял, студент-недоучка, тощий, нескладный, вечно страдающий от болей в переломанной и плохо сросшейся кости предплечья. Справа от Завьяла девочки. Все три, которые остались. Хорошая и некрасивая, с

широким плоским лицом Вика. Она медсестра и, наверное, самый полезный человек среди нас. Тоненькая большеглазая Леночка и моя Варя. С ней мы вместе почти с самого начала. Когда настолько тоскливо и мерзко, что жить больше не хочется, я всегда думаю о том, что у меня есть Варя, и легче становится.

Впрочем, какое там «легче». Фактически, мы существуем лишь по привычке, за три года превратившись в машины для выживания. Все. И выживаем теперь чисто автоматически. Мы обречены, и сколько еще удастся прожить – в конечном итоге неважно. У нас никого не осталось кроме друг друга. Семьи, друзья, работа – это все в прошлом и никогда не вернется. А тех, кто еще жив, может не стать в любой момент. И когда один из нас уходит, каждый из оставшихся чувствует, будто не стало частицы его самого. И продолжает жить с тем, что осталось. Без причины и особой надежды – автоматически.

– Леша, ты сказать нам ничего не хочешь? – прервал наконец молчание Кудлач.

– Хочу, – я бросил в костер кусок фанеры. – Половина из вас решила уйти. Рисковать, как те два обормота мне сказали. Ну, пусть пока постоят в охране, рискованные. Другая половина колеблется. Я даже не буду спрашивать, кто за какое решение. Оставаться в городе – смерть. И уходить – смерть, только быстрая. В общем, смерть и там и там, но есть еще один вариант. Промежуточный.

– Что, без смерти? – насмешливо спросил Завьял.

– С ней. Без нее варианты три года назад закончились, – теперь усмехнулся я. – Этот вариант – его Глеб предложил, незадолго до того, как погиб. Я до сих пор не говорил вам, потому что план Глеба казался мне безумием. Он и сейчас кажется мне безумием, но не большим, чем уходить в никуда по реке.

Я замолчал. Я не знал, как им об этом сказать.

– Что за план, Леша? – помогла Варя. Она встала, обогнула костер, присела возле меня на корточки и взяла за руку. – Ты говори, пожалуйста, что бы там ни было.

Я оглядел ребят. На меня с нетерпением и надеждой смотрели двенадцать пар глаз.

– Сначала вопрос, – начал я. – За три года нами уничтожено десять марсиан, так? Кто может вспомнить, как они подышали, эти десять?

– Да чего тут вспоминать, – угрюмо сказал Кудлач. – На двоих стена рухнула. Пока они под обломками возились, мы их гранатами забросали. Один в реку свалился, этого уже из автоматов добили. Ну, а с остальными повезло. Что-то у них с защитой оказалось, не выдержала броня-то. Или что там вокруг них такое.

– Без разницы что, – сказал я. – Очкарики говорят, что скафандр, а может, у марсиан тела такие. В общем, пуля их не берет и осколки тоже. Как правило. Только из этого правила за три года было семь исключений. И каждое из них случалось, когда марсианин сам нарывался: блокировал наших и попадал под плотный огонь с близкой дистанции.

– Мир праху тех, кто оказался в блоках, – тихо сказала Вика.

– Да, верно. Они погибли, все. Но перед этим успели отомстить. В общем, до сих пор от боя мы уклонялись. Отступали, отходили, драпали... А теперь я предлагаю не уклоняться и бой принять.

Наступила тишина, прерываемая лишь треском горящих досок. Я притянул к себе Варю, посадил рядом и обнял за плечи.

– Леша, как это – принять бой? – растерянно спросила Варя. – Они же перебьют нас.

– Да, перебьют, – ответил я твердо. – Но не всех. Марсиане ходят парами, один впереди, другой сзади страхует. Я предлагаю подпустить того, кто впереди, как можно ближе и открыть по нему огонь из всех стволов.

– Это глупость, Летеха, – сказал Володька Кудлач. – Мы, может быть, убьем эту сволочь, а

он нас перестреляет наверняка.

– Не всех, – повторил я. – В том-то и дело, что не всех. Всех не успеет. А вот мы его убивать не будем вообще.

– Как не будем?! – ахнула Леночка.

– Не будем. Мы прекратим огонь, как только увидим ту зеленую дрянь, его кровь. В общем, как только его подбьем, те, кто останется в живых, прекратят стрелять.

– Зачем?

– Затем, что второй его подберет и потащит на себе. К кораблю. Ему, второму, будет уже не до нас – лишь бы унести ноги. И тогда те из нас, кто выживет, просто пойдут за ними. И попробуют захватить корабль. Ворвутся в шлюз у них на плечах.

– А если второй вызовет подмогу? – после долгой паузы спросил Завьял. – Не потащит подранка, а свяжется со своими? И потом, на кой хрен нам их корабль?

– Если не потащит – будем недобитка кончать. А если получится, то и второго. И тогда уйдем по реке – терять нам все равно станет нечего. А с кораблем – не знаю я, что с ним делать. Только возможно и почти наверняка – там, внутри, оружие.

Этой ночью мы с Варей почти не спали. Сначала лежали, обнявшись, ждали, пока все уснут. Потом, когда терпеть стало уже невозможно, Варя сказала:

– Плевать. В конце концов, мы здесь не дети, пусть слушают.

Она мягко отстранила меня, встала на колени и быстро стащила через голову свитер, а вслед за ним и мешковатую, выдавшую виды юбку. Я скинул гимнастерку и, стараясь не шуметь, возился с проклятым ремнем, который никак не хотел расстегиваться. Наконец Варя помогла мне, я выполз из чертовых армейских брюк и потянулся в карман за контрацептивом.

– Не надо, Леша, – прошептала вдруг Варя, – я хочу, чтобы сегодня мы обошлись без этого.

Я оторопел. Пользоваться противозачаточными средствами приказал Глеб. Это был один из первых отданных им приказов, и исполнялся он неукоснительно. Забеременеть в наших условиях означало смерть, аборт делать было некому, а рожать невыносимо.

Тогда с нами было шестнадцать девчат. Шестнадцать. И, конечно, у каждой был парень – любовь вспыхивает особенно ярко там, где с ней соседствует смерть. Что ж, ни одна из девочек не забеременела. Они ушли от нас, так и не став матерями.

– Варюша, – сказал я, – родная. Ты же знаешь, мы не должны этого делать. Мы...

В этот момент я осекся – до меня дошло. Приказ Глеба больше не имел силы. Он действовал на период военного времени. Для нас война закончилась – нам всем остался всего один бой. Тот самый, последний.

Мы любили друг друга, засыпали, обнявшись, потом просыпались и соединялись вновь. Утром, когда подошла моя очередь идти на пост, Варя сказала:

– Знаешь, Леша, в детстве я мечтала выйти замуж за военного. За боевого лейтенанта. Правда, странно иногда сбываются девичьи мечты?

– Да уж, – сказал я и поцеловал ее в темноте в губы. – Только какой из меня военный, Варюша. Я не боевой лейтенант, а заурядный и затюканный бывший школьный учитель.

Варя принялась уверять, что я самый что ни на есть героический лейтенант. Под ее нежный, едва слышный шепот я наскоро оделся, натянул на голову старую дырявую кепку, дурашливо отдал в темноте честь и двинулся на пост.

Инструктор оказался знающим и, что особенно приятно, пунктуальным и здравомыслящим. К концу полета я уже знал об охоте на термитов столько, что мог бы проводить инструктажи самостоятельно.

– Помните: термиты трусливы, – говорил инструктор. – Они никогда не нападают

первыми и при обнаружении опасности спасаются бегством. Но это так только в том случае, если вы оставите им лазейку. Берегитесь загнать стадо в тупик. Тогда, если спасение невозможно, они нападут. Отчаянные термиты, которым нечего терять, – серьезная угроза. Она тем больше, чем многочисленнее попавшее в окружение стадо. Поэтому, преследуя термитов, всегда убедитесь, что на их пути преграды нет. Вот тогда это будет честная спортивная охота, и, завладеете ли вы трофеем или нет, будет зависеть лишь от вашей ловкости и удачливости.

– Спасибо, господин инструктор, – поблагодарил я. – Уж я позабочусь о путях отступления для термитов. Да и фактически я не думаю, что охота затянется. Я и моя подруга вовсе не кровожадны – мы убьем одно насекомое, максимум два и вернемся на корабль. Надеюсь, мы завершим охоту в первый же день.

– Вам очень повезет, если вы справитесь за день. Термиты уже не те, что в первые дни экспансии. Они пуганые и знают свою территорию, в отличие от нас. Да, у нас огромное преимущество – техника. Инфракрасные визоры определяют район, где роятся насекомые. Найдут его по исходящему от них теплу. Но поразить термита не так просто. Они передвигаются с приличной скоростью. Конечно, не так быстро, как альмейдяне, но зато они гораздо более маневренны. Давайте теперь я продемонстрирую вам возможности боевого скафандра. Это действительно чудо альмейдянской техники и ее последнее достижение.

Курс лекций о возможностях скафандра занял трое суток. Возможности впечатляли. Особенно поразило меня встроенное оружие. Стрелять можно было одновременно всеми четырьмя держателями. Верхними – из аннигиляторов, нижними – из плазменных разрядников. При этом оружие имело значительный радиус поражения, и для удачного выстрела достаточно было навести его на цель весьма приблизительно. Кроме того, скафандр оказался легким и гибким, он почти не стеснял движений и не причинял видимых неудобств. Зильда была в восторге, дай ей волю, она и спать бы ложилась в скафандре.

– Хорошей охоты, – пожелал нам инструктор перед самым прилетом. – И учтите, скафандр остается функциональным, лишь пока носитель внутри него жив. Он запрограммирован на самоуничтожение, если носитель погибает.

– Зачем? – спросил я.

– Чтобы оружие не досталось врагу. Так что для собственного удобства постарайтесь остаться в живых.

Я придал фасаду выражение веселья, хотя не очень люблю мрачный юмор.

От места посадки до термитника мы с Зильдой добрались довольно быстро. Местное солнце еще не взошло, первые лучи лишь слегка подсветили горизонт. Было довольно темно и, по местным меркам, прохладно. Меня порадовало это обстоятельство – тепловые визоры наиболее чувствительны именно в темноте и на холоде. Я принялся сканировать местность и вскоре обнаружил признаки присутствия стада.

Я зафиксировал направление и расстояние. Пока что все складывалось крайне удачно.

– Тиль, дорогой, я пойду в авангарде, – сказала Зильда. – А ты будешь держаться сзади, на расстоянии видимости, и в случае чего прикроешь меня.

Я принялся было возражать, потому что двигаться впереди означало подвергнуться большей опасности, нежели сзади. Однако переспорить Зильду не удалось, и я в результате проявил свойственную мне покладистость. Задействовав все датчики и включив режим максимальной маскировки, мы с Зильдой направились к месту лежки стада.

Первым увидел марсианина Мишка Очкарик. Мишка лежал метрах в двадцати слева от меня, укрываясь за кучей мусора. Место для засады мы искали двое суток и, наконец, нашли. До

нашествия место называлось площадью Труда, по центру ее был разбит сквер, и не одна пара влюбленных целовалась на узких скамейках под тополями. Я частенько бывал здесь, водил девчонок в мороженицу на углу, с приятелями спускался в пивной погребок со знаменитыми охотничьими сосисками под чешское и баварское.

Теперь площадь переименовали в Кладбище Дохлых Псов. Почему-то именно здесь погибло особенно много собак. Возможно, после смерти владельцев инстинкт гнал их сюда, в скверик, куда покойные хозяева водили выгуливать породистых щенков.

По периметру Кладбище Дохлых Псов было основательно завалено остатками рухнувших зданий и горами мусора, но с севера проход оставался свободен. Здесь на площадь выходил Крысинный проспект, бывший проспект Мая, и угловые здания по обе стороны проспекта остались целы. Вот в этих домах, по шесть бойцов в каждом, и сосредоточились основные силы отряда. Я же с обоими Очкариками занимал позицию прямо напротив выхода проспекта на площадь.

Мишка негромко свистнул. Я повернул к нему голову, и он показал выпяченный указательный палец. «Один», – понял я и дал отмашку стволом автомата. Краем глаза я увидел движение в окне второго этажа правого здания. Там приняли сигнал, сейчас ребята наверняка рассредоточивались по огневым точкам. Я махнул Леньке, затем подполз к краю моей баррикады из мусора и осторожно выглянул. Мне понадобилось секунд пять, чтобы обнаружить марсианина. Он почти сливался с местностью и плавно передвигался по остаткам тротуара, словно плыл по нему. Больше всего это походило на перемещение уродливого старого холодильника, из которого торчали в разные стороны шесть гипертрофированных конечностей. Казалось, будто сам холодильник был ожившей иллюстрацией к «Мойдодыру», а пару лишних конечностей художник намалевал по пьяни.

Марсианин приближался, теперь он двигался гораздо медленнее. Я прикинул, что с такой скоростью на расчетной точке он окажется минут через пять. А в следующий момент меня пробрал холодный липкий страх, который до сих пор я усиленно сдерживал. Я подумал, что марсианин явно знает о нашем присутствии, и если он начнет стрелять раньше, чем окажется в траверсе между домами, то нам конец – ребята могут попросту не успеть. Я решил, что открою огонь при первых признаках активности этой дряни, а секунду спустя увидел второго. Тот находился метрах в двухстах позади первого, он так же медленно плыл вдоль по проспекту, сохраняя дистанцию.

«Гады, – подумал я, – гады, гады, гады, сволочи гребаные, вонючки, чтоб вам сдохнуть, паскуды!» Я лежал, вдавив приклад автомата в плечо, и ругался про себя страшными, грязными словами, мешая проклятия с матерной бранью. Страх долго не хотел уходить, он уже завладел мной, почувствовал себя хозяином и теперь стрелял холодным потом из пор. А потом я подумал о Варе, и страх за нее вытеснил мой собственный.

«Только не Варю, – как заклинание, твердил теперь я. – Убей меня, убей всех, пусть никого не останется, только пощади Варю». А затем я внезапно осознал, кого я прошу и умоляю смилостивиться, и мысль о том, что молитва обращена к этим уродам, буквально пробила меня. Я стиснул зубы и, глубоко вздохнув, взял себя в руки. Страх ушел, его больше не было, осталась лишь ненависть. И когда марсианин оказался внутри расчетного сектора, я вскочил на ноги, остервенело рванул спусковой крючок и заорал: «Огонь!»

Не знаю, сколько длился этот бой. Наверное, считанные секунды. Огонь из пятнадцати стволов накрыл марсианина. Потом слева от меня вспыхнуло, и сразу вслед вспыхнуло справа. Несколько вспышек прошло по окнам обоих домов, и вдруг рев и треск оружейной пальбы прекратились, и в наступившей тишине лишь одинокий пронзительный голос, надрываясь, кричал: «Не стрелять!» Я не сразу понял, что голос этот мой, а поняв, повалился ничком на

мешанину из обломков кирпича, бетона и собачьих скелетов, и наступила полная тишина. Я отжался на локтях и выглянул из-за укрытия. Марсианин лежал на земле, из прорех на его теле теперь пузырилась и стекала струйками на землю отвратительная зеленовато-бурая жидкость.

– Тиль, мне больно! – надрывался у меня в шлемофоне голос Зильды. – Великий Дух Альмейды, как же мне больно! Тиль, умоляю, помоги мне, Тиль!

Я рванулся, бросился на крик, но через мгновение здравый смысл вернулся ко мне. Я резко остановился и нырнул в развалины ближайшего муравейника. Это была засада. Проклятый инструктор обманул: термиты не стали спасаться бегством, вместо этого они устроили западню, и в нее угодила Зильда. А теперь они ждут меня.

– Я ранена, Тиль! – Крик Зильды сменился на визг. – Я теряю наполнитель, ради всего святого, помоги же мне! Тиль, умоляю тебя, спаси меня, вытащи отсюда. Мне страшно, Тиль, и так больно. Где же ты, Тиль?!

Я включил оптику и дал максимальное увеличение. Теперь я видел Зильду, словно она лежала прямо у моих шагателей. Она вся была покрыта вытекающим наполнителем, и мне стало ясно, что, не окажи я ей немедленную помощь, она умрет.

– Тиль, – теперь к визгу прибавились стоны. – Ты же не бросишь меня здесь, Тиль?

Я отключил акустику. В создавшейся ситуации не было места выбору. Жизнь дана альмейдянину только один раз. Я не собирался терять свою. Моя смерть не вернет Зильду, а значит, будет просто бессмысленной.

«Прощай, Зильда, – сказал я про себя. – Мне жаль, что так получилось».

Укрываясь за развалинами термитника, я поспешил к кораблю. Добравшись до него, включил акустику. Голоса Зильды в шлемофоне больше не было.

Раненая тварь издыхала. Она уже больше не шевелилась и лишь издавала слабый писк, похожий на повизгивание крысиного выводка.

Мы стояли вокруг умирающего монстра. Десять человек, все, кто остались. Я обнимал Варю за плечи, но это не помогало – нас обоих ощутимо трясло.

– Эта мразь удрала, – сказал Володька Кудлач. – Гребаная падла. Бросил своего и удрал, унес ноги, сволочь.

– Этого надо добить, – сказала Вика. – Он так еще может долго промучиться.

– Пускай мучается! – заорал на нее Кудлач. – Пускай корчится, гнида. Пять наших, пятеро, где они, а? Ничего же не осталось, вообще ничего, как не было. Нечего даже хоронить. Четыре парня и девочка, а? В обмен на эту гадину, на эту вот проклятую сволочь.

– Всё, – сказал я. – Всё на этом. Мы проиграли войну. Кто же мог знать, ребята. Кто мог знать, что эти гады бросают своих.

Мне никто не ответил. Девять человек стояли вокруг меня, опустив головы, и молчали.

«Ты должен был знать, – ударил меня в висок внутренний голос. – Ты, лейтенант-самозванец, должен был знать. Знать, а не разменять пятерых своих на эту падаль. Они на тебе, все пятеро. Братья Очкарики, Витя Завьял, Дима и Леночка. И будут теперь на тебе всегда».

Вечером мы сколотили плоты. Оттолкнули их от берега и пустились в сплав по реке.

Суд чести Великой Альмейды меня оправдал. Мои действия сочли разумными и соответствующими основным принципам альмейдянской морали.

На следующий день после суда Ильгр прислал мне вызов. Надо же, я и не думал, что этот щеголь относился к покойной Зильде серьезно. Я испросил позволения на дуэль у Особой Комиссии по вопросам чести, и мне, разумеется, отказали, а мерзавцу Ильгру присудили

значительный штраф.

Десять оборотов Альмейды прошло со времени той злополучной охоты. Я делю ячейку с добропорядочной и рассудительной самкой из приличной кладки. Конечно, Альдриа не так элегантна и грациозна, как Зильда, но зато у нее масса других достоинств, среди которых здравомыслие не на последнем месте. Наша с ней кладка тоже оказалась удачной – мы дали жизнь троим полноценным особям.

Я частенько вспоминаю Зильду, особенно когда спариваюсь с Альдрией. Воспоминания помогают мне выполнять долг самца подобающим образом. Ведь с Альдрией, которую многие за глаза называют дурнушкой, это отнюдь не просто.

Мы вернулись в город через десять лет после того, как марсиане оставили нас в покое. Мы живем в огромном доме впятером: я, моя жена Варя и трое наших детей. Дом стоит на углу площади Труда и проспекта Мая. Напротив – его близнец, в котором живут Володька Кудлач, Вика и их дети. Всего же в городе около двух десятков семей. И столько же одиночек – из тех, кому повезло уцелеть.

Недавно Володька принес полбанки самогонного спирта, мы подвыпили, и он сказал, что, возможно, марсиане вовсе не воевали с нами.

– Сдурел? – спросил я. – Что же они тогда делали?

– Развлекались. Может быть, тренировались. Или охотились.

Что ж, Володька всегда был немного фантазером. Я поборол в себе возмущение и не стал возражать.

Валерия Малахова

Каждый третий

*А у тебя СПИД —
И значит, мы умрём...*

Земфира

У Ромки Валуева было уже три девчонки. Мать ночами плакала, утыкаясь в подушку и стараясь всхлипывать потише. Бесполезно: Ромка знал. Хмурился, сплевывал за окно, стараясь попасть на лысину управдома Хмельченко. Мелочь — а приятно. Напевал модную нынче песенку: «Каждый третий, каждый третий, каждый третий — это я...» Потом срывался с места, хватал куртку, путался в кожаных рукавах, вполголоса матерился... Бросал на бегу:

— Таблетки прими, время уже... Ночевать не приду.

И уходил, уматывал из одной безнадёги в другую.

— Новость слышал? — Лешка Огарков по кличке Перец затянулся, передал косяк рыжей Тамаре. — Алька Трындец повесился. Совсем.

Помолчали. С Трындецом Ромка учился в параллельном классе. В Пансион Алика не взяли — врожденный порок сердца, — но пацан на здоровье был слегка повернут. Витамины жрал, с девками не целовался... Доигрался, чистюля недоделанный: Сольпугины шестеры отымели его всей кодлой. Заразили, понятное дело.

— А не фиг выделяться, — Ромка пыхнул сигаретой. Вязкий комок в горле привычно исчез, стало хорошо. — Гондоны он покупал, понимаешь... Всем подышать, а ему оставаться?

— И я о том же, — Перец покладисто закивал, а Ромка протянул косяк Грегу.

— Мне нельзя теперь, — глухо отмолил тот.

— А... а... э... — В наступившей тишине Натахина икота звучала идиотски. О чем Тамара тут же всем сообщила.

— Заткнись, — хмуро велел Грег. Все знали, куда и по какой надобности он вечерами уходил с Натахой.

Куцый отвесил товарищу шутовской поклон.

— Добро пожаловать в смертники, приятель. Ты играл в эту рулетку — и продул. Я тоже. Остальные продуют завтра. Не печалься — послезавтра сдохнут все.

Натаха тоненько завывала, на всякий случай отойдя к мусорным бакам. Рука у Грега была тяжелой, а сгоряча мог и лупануть.

— Не скули, дура, проверься лучше сходи, — Ромка отвернулся от всхлипывающей девахи, сплюнул и пошел прочь, не слушая возбужденных голосов за спиной. Кайф исчез, как и не бывало. Натаха ему нравилась — а теперь что? Ждать? На презервативы тратиться?

Правду говорят: мир — дерьмо, а люди в нем — опарыши.

Ромка шел по пустующим улочкам: ночь — время подонков, как без усталости твердили учителя в школе. Сейчас небось греют задницами кресла возле теликов. Ждут: может, кто-то придумает суперпуперлекарство?

Никто ни хрена не придумает. Мы все сдохнем. И не факт, что училка по физике сыграет в ящик раньше мерзавца и остолопа Романа Валуева.

Каждый третий,
Каждый третий,

Каждый третий – это я,
Ну а кто еще там третий —
Мне не важно ни черта...

Из открытого окна надрывался магнитофон.

* * *

«Также в связи с массовым распространением заболевания в социально малообеспеченных слоях населения возникла и сформировалась особая субкультура. Представители данного течения провозглашают отход от устоявшихся моральных ценностей, проповедуют отказ от средств предохранения. С их точки зрения, правительственная программа сохранения здорового генофонда и обеспечения остальным членам общества возможности сберечь жизнь и здоровье является дискриминационной...»

Валёк удовлетворенно глядел на мерцающий экран. Разумеется, нужно было подробнее рассказать о маргинальной субкультуре и разнести в пух и прах взгляды ее представителей. Но начало определенно удалось. В меру заумное, в меру четкое...

Дальше, однако, работа застопорилась. Проклятые «малообеспеченные слои населения» никак не могли четко сформулировать, чего же они хотят. Разные источники предлагали взаимоисключающие версии. Конечно, перечислить и классифицировать их – задача несложная, но пытливый Валькин ум не желал выполнять нудную работу, которая могла в итоге оказаться зряшной. А вдруг на самом деле асоциальные подростки требуют вовсе не гарантированного поступления в высшие учебные заведения после окончания школы?

Проинтервьюировать бы одного такого... а лучше – нескольких. Валёк представил черные буковки на снежно-белом листе: «Проведенное самостоятельно исследование дало следующие результаты...» Зажмурился, посмаковал мысль.

А почему нет? Конечно, покидать Пансион в одиночку запрещено. «Во избежание инцидентов провокативного характера». Но посещать родителей не возбраняется. А выпрыгнуть из служебной машины, когда она затормозит у ближайшего светофора, – дело плевое. Убежать, спрятаться, а затем выйти и поговорить с кем-то из ровесников. Ну не звери же проживают за стенами Пансионата! Вон, хотя бы родители Валька... А разумные люди всегда смогут договориться.

Конечно, администрация начнет поиски. Ну, ничего. Поищут – и успокоятся. Когда же Валёк вернется с сенсационной информацией...

Простят. Конечно, простят. Иначе быть не может.

Ведь он, Валёк, – надежда и опора гибнущей нации.

* * *

Ромка углядел чистенького, как только завернул в переулок Врачей-Волонтеров. «Тупик медицины» – так иногда мать называла эту мелкую, в три дома, загогулину.

Чистюля стоял возле покосившегося гаража (владелец развалюхи года три как помер) и с любопытством оглядывался. Увидел Ромку, разулыбался, приветственно замахал рукой.

Пансионатский. Чужак. Тварюка, которая будет жить, когда мы тут все...

Пацан совсем. Младше Ромки – лет десять сопляку, не больше. Нос картофелиной, на макушке светлый вихор...

– Ты что тут делаешь, недоносок? – Мальчишка ойкнул, когда пальцы в заусенцах сдавили ему ладонь. – Ты, чистюля пансионатская, вали домой, в теплую постельку! Здесь мы живем!

– Я... Спросить... – В глазах у пацана стояли слезы. Ясное дело: Ромка волок его за собой, не слишком интересуясь, успевает ли тот ноги переставлять.

– У пробирки спросишь, козлина!

Ярко-синяя форма Пансиона намокла от пота.

И поделом: неповадно будет соваться куда не звали.

Банковая... Кутузовский проспект... Площадь Революции... Костельная...

И гул моторов. Приближающийся. Очень быстро нарастающий...

Плохо. По звуку – явно не один байк едет. И не два.

А кодлой разъезжать здесь может только Сольпуга.

Сольпуга... а Трындецу, наверное, больно было вешаться. Ромка читал, что некоторые по сорок минут давятся, вот только сделать ничего не могут: парализованы потому как. Чистюля десятилетний – и Сольпуга... а папаша сыночка единственного от любого суда отмажет. Понесло же сюда гаврика пансионатского... и фонари горят как назло!

– Так, слушай, – Ромка встряхнул пацана. Тот испуганно хлопал глазами, – сейчас ты бежишь. Быстро. У аптеки сворачиваешь налево. Там мусорный бак, забираешься туда. Ждешь. Эти не поверят, что чистюля в дерьмо полез. Когда всё утихнет – вылазишь, там будка телефонная есть. Звонишь своим. Держи карточку. Крепко держи, не потеряй! Понял, придурок?

Сопляк кивал, плечи тряслись. Дрожит? Плачет? А хрена ли сейчас разбираться!

– Пошел, скотина!

* * *

– Они его забрали, наверное. Забрали. Я не знаю, что с ним сделали, – Валёк захлебывался слезами, тыкался носом в грудь господина директора. Антон Игоревич обнимал глупого мальчишку. Молчал.

Вокруг толпились воспитатели Пансиона, учителя и охрана. Но Валёк видел только метнувшийся тогда навстречу свет фонаря. Слышал только собственное сиплое дыхание. А помнил – помнил просвистевший над плечом камень. И крик: «Вон пансионский! Бей чистюлю!»

И визг тормозов. Как будто мотоцикл въехал в нечто мягкое...

– Я даже имени его не знаю! А он ведь меня спас, спас, спас! А они его...

– Они разберутся, – спокойно и внушительно произнес наконец Антон Игоревич. – А ты, надеюсь, понял, что сеть Пансионов, предназначенная для защиты будущего науки...

Валёк слушал – и не слышал. Там, где-то там, страдал его бесстрашный защитник. А он, надежда и гордость...

Он трусил. Сбежал. Бросил того парня.

Трус. Мерзкий, подлый трус.

* * *

Ромке было хорошо. Кайф приятной волной разливался по телу, где-то хрипел дешевый радиоприемник – а вокруг сидели свои.

Все свои. И Сольпуга. Мало ли кто там у него батя – а сын вот он, здесь. Не в Пансионе трескает харчи за наш счет, как этот...

Валуеву поверили. Чего ж не поверить – чистюлю показал, камень в него кинул, а что ногу подвернул – с кем не бывает?

– Ты дурак, – степенно втолковывал Сольпуга, прихлебывая пиво из оранжевой банки. – Видишь же – мы едем, ну и отползи себе в сторонку. Мы б этого козла...

– Я его... ик... сам... в порошок, когда встречу... ик... падлу... – Ромка преданно глядел на Сольпугу и сам верил в то, что говорил. Ведь несправедливо же: мы сдохнем, а этот вихрастый будет жить. Долго. И счастливо, вот ведь обидно!

Козел. Гадина!

Ромка плакал, тиская жилистую, вислогрудую девку, и та ревела вместе с ним. За компанию.

Александр Прокопович

Земляки

У Константина туфли всегда блестели так, будто, если их поверхность потускнеет, у него начнутся проблемы с дыханием. Когда мы с ним познакомились, блестели только туфли. В сантиметре от них начинались замызганные джинсы, еще выше – все было только хуже. Сейчас он блестел от подошв до самого потолка своего немаленького офиса.

– Марк, как твои дела? Как Элли?

И зубы у него были тоже блестящие. И лысина блестела, отражая сотни сверкающих поверхностей его кабинета.

Будь я проклят, если Константин не знал, что дела мои на нуле, а о том, «как Элли», можно с тем же успехом поинтересоваться в городской справке. На самом деле она держалась достаточно долго. Для женщины, всерьез считающей, что лучше вообще не одеваться, чем надеть второй раз одно и то же, она протянула почти бесконечность. Три месяца бесконечности, в которой не было ни путешествий, ни вечеринок... Почти три месяца – и ни единого заказа для специалиста по информации... Увы, но для управдома я еще не созрел.

– Костя... Можно я не буду делать вид, что у меня все прекрасно?

– То есть Элли тоже не выдержала... – Константин сощурил свои близорукие глазки, пользуясь извечной уловкой всех очкариков. Стоит им снять свои оптические устройства, как всему остальному человечеству кажется, что они трогательно беззащитны. – У меня есть для тебя клиент... Ничего особенного, с ним справился бы и специалист куда более низкой квалификации, но я подумал о тебе...

Все сказанное нужно было понимать так: есть заказ, который по зубам не каждому, платят мало, да еще и Костя планирует половину этого «мало» зажать... Единственная верная тактика – молчать. Иначе он решит, что я готов работать даром, лишь за скупую улыбку работодателя.

– Это компания моих земляков. Они приехали недавно, но уже здорово развернулись... Понимаешь, Марк, ты родился в большом городе, и для тебя нормально, что земляков – миллионы. Мой родной город и городом-то не назовешь, одна улица, даже перекрестков нет... Поэтому и к землякам отношение особенное. Они попросили меня помочь, и я вспомнил о тебе... Поможешь?

У Константина легкий, почти неуловимый акцент, – и он ни разу не говорил – откуда он родом. Подозреваю, что это где-то между Каспийским и Черным морями, где-то, где с детства прививают любовь ко всему блестящему. Клан сороки – не иначе. На столе у Кости десяток вазочек с кактусами. По крайней мере, больше всего эти растения фаллической формы похожи на кактусы странного серо-голубого цвета... Когда он начинает их гладить – а он делает это постоянно, возникает такое чувство... Вероятно, это из-за формы.

Вазочки, разумеется, сделаны из какого-то блестящего материала. Я бы даже сказал, что это золото, если бы не был уверен, что даже для Кости это слишком. Хотя... Константин носил восемь золотых перстней. Это требует определенного самопожертвования.

– Ты уверен, что я смогу вам помочь?

– Уверен. На все сто. Просто постарайся быть тактичным. Я их люблю, они мои земляки, но они не такие, как я. Еще не вписались в нашу жизнь. У них серьезная фирма, бизнес растет, все довольны... только проблемы с сотрудниками. Все время текучка. Один приходит, двое увольняются...

– Зарплаты?

– Зарплаты хорошие, социальный пакет... Я сам толком не понимаю, в чем загвоздка, и вот

для этого нужен ты. Поработай у них, выясни, что там и как, – дай решение. Ты не кадровик, но если я правильно понимаю, что означает «специалист по информации», то это может быть вполне тебе по зубам...

– Время, оплата?

Константин смерил меня взглядом, оценивая мою готовность к страшному – оглашению гонорара. Судя по глазам, он все же побаивался, что сразу после объявления суммы я возьмусь за что-то тяжелое.

– Все просто. Они берут тебя на должность специалиста по PR, и ты работаешь. Платят они хорошо, в принципе, если ты решишь проблему – можешь работать у них дальше, если не решишь – они закроются, и тогда работу потеряют все...

– Это шутка такая?

Тяжелое в руки просилось, но по ходу дела я решил, что лучше, если оно будет еще и с острыми краями... Я знал, сколько зарабатывают пиарщики, – это не вдохновляло.

– И я надеюсь, ты меня не забудешь порадовать процентом от зарплаты...

– Каким процентом?

– Ну, пятьдесят было бы, наверно, справедливо, но с учетом твоего положения я соглашусь на тридцать...

– Пятнадцать. Какая зарплата?

– Согласен. Платят десятку.

Десятка – это хорошая сумма. Неожиданно хорошая. Достаточно хорошая, чтобы забыть о тяжелых предметах и вспомнить о неоплаченных счетах, которые можно погасить уже с первой полочки. Отдавать полторы штуки из десяти было чудовищно жалко, но остаться без восьми с половиной тысяч – равносильно довольно оригинальному способу самоубийства с помощью собственного домашнего зверька – жабы зеленой разбушевавшейся.

– Как компания называется?

– «Объединенные системы»...

Забавное название. Ни о чем. Называть компании «Рога и копыта» нынче не модно. Остается надеяться, что между специалистом по общественным связям и должностью зицпредседателя существует пара-тройка отличий...

* * *

В центре компании «Объединенные системы» находится кадка. Сверкающая золотая кадка метров пять в диаметре. Растение в кадке – насквозь пронизывает три этажа здания. Сероголубое, с ветками-щупальцами, иглами-антеннами. Не иначе уродец из коллекции Константина – вымахал на местных харчах.

– Память о родине?

– Вы догадливы... – Подавляющая часть мужского населения планеты тренировала бы свою догадливость годами, чтобы увидеть благосклонный взгляд Ханы, референта директора. На самом деле – не взгляд, а то небольшое, оставшееся скрытым под несколькими мотками веревки, выполняющими функцию платья. Впрочем, стоило Хане пошевелиться, как мне представилась возможность обозреть практически все достопримечательности этого выдающегося тела. Но не одновременно. Там – открылось, здесь – закрылось...

– Хана, а как называется этот... кустик?

– Кустик? – Вероятно, слово «кустик» – страшно смешное, я хотел бы знать еще пару-тройку таких же забавных слов – смех в ее исполнении был отдельным шоу. Грудь, стараясь

избавиться от ненадежных оков, рвалась на свободу, и путь к ней пролегал мимо меня.

– Марк, это дерево называется Бурхаи. – Смех кончился. Примерно таким тоном я бы объяснил несмышленому малышу, в чем разница между его бумажным корабликом и межпланетной станцией.

– Бурхаи как-то переводится?

– Дерево-мать. На самом деле это не совсем точный перевод, Директор считает, что точнее – «Материнское дерево, дающее жизнь».

Жуткое дерево с жутким названием. Все-таки дуб или клен куда лучше. По крайней мере пока не знаешь, что на самом деле значит слово «дуб»...

Хана сделала попытку наверстать упущенное в визуальной области в области тактильной – прислонилась ко мне в позиции «я тебя так люблю, что меня ноги не держат»...

– Если я прямо здесь и сейчас попробую с тобой заняться продолжением рода, это будет именно то, чего ты добиваешься?

Наверное, мне показалось, но даже веревки на ее теле стали шире и длиннее. Нимфоманка-маньячка вдруг приказала долго жить, выпустив на сцену свою заместительницу – офисоправительницу. Перевоплощение было полным. Мешали две вещи: Хана не стала бы блондинкой даже искупавшись в перекиси – слишком южный тип... и отсутствие свастики на рукаве. Во всем остальном образ гестаповки не в состоянии был поколебать даже более чем легкомысленный наряд. Надо было что-то говорить, пока она не решила отправить меня в газовую камеру...

– Хана, вы хотели показать мне мой кабинет...

– Это и есть ваш кабинет.

Я не долго отковыривал от ковра нижнюю челюсть. Мне хватило десяти секунд, чтобы она оказалась уже достаточно близко к верхней, и я мог сделать вид, что просто зевнул. Хана сказала правду. В офисе «Объединенных систем» нет внутренних стен. Три этажа – три зала. Мой стол был довольно крупным островом в архипелаге островков поменьше. Ближайший – в десяти метрах.

– Я уже завела вас в систему. В вашем доступе – история компании, задачи и представление о логистике, клиентская база. День в компании начинается с чтения письма Директора. Не сомневайтесь, как бы рано вы ни пришли, оно уже будет вас ждать. Вы единственный сотрудник этого направления, значит, автоматически входите в руководство. У вас будет пропуск на третий этаж – его занимает команда – мозг компании. В любое время. Директор может вас и не принять, но кто-то обязательно поможет.

В любое время. Поможет. Есть у меня одна потребность. Ее пик может прийти на сегодняшнюю ночь – я куда подвижнее на некотором расстоянии от офиса. Может, Хана мне поможет? Жаль, меня никогда не привлекало садомазо, Хана с плеткой – это было бы нечто.

* * *

Команда. Земляки Константина. Если все их проблемы – на уровне сексуальных домогательств... Думается, у них не должно быть недостатка в кадрах. Может, зря Костя волнуется?

С Ханой я как бы познакомился, точнее, наше знакомство остановилось, так и не дойдя до кульминации...

Директор. Георгий Васильевич. Высокий, худющий. Чем-то они с Костей похожи. Не внешне. Манерой как-то не совсем по-мужски относиться к одежде. Слишком внимательно.

Рубахи – лиловые, пурпурные или радикально белоснежные, с непременными кружевными вставками. Всегда – шейный платок. Всегда запонки. Сияющие туфли – черные никогда.

Никогда не видел человека, который, почти не сгибая ног, перемещался бы с такой скоростью. Грива, за которой он ухаживал так же тщательно, как и за обувью, развевалась при ходьбе, будто флаг на корме корабля.

Директор стремительно появлялся, стремительно исчезал, стремительно говорил и стремительно замолкал. Понять его была в состоянии только Хана, которая в его присутствии становилась не сексуальнее престарелой монахини. При знакомстве он не пожал, обхватил мою руку своей – огромной, плоской – и что-то произнес. Я не знал, что к его словам надо готовиться – успеть услышать, попытаться понять. Судя по улыбке – что-то приятное сказал. Я тоже улыбнулся. Если он меня обозвал болваном – я подтвердил его подозрения.

Третий член команды – Осип Кофман. И пусть никого не обманывает тот факт, что его никто не зовет по отчеству. Осип – очень удобное имя, короткое и в то же время полное. Маленький, почти квадратный Осип – если кто-то специально подбирал человека, противоположного директору, у него это получилось. Он не исчезал и не появлялся. Он сидел за своим столом. Думаю, у него была одна проблема с гардеробом – время от времени ставить заплатку на место, протираемое ягодицами. Единственное место в одежде, которое он мог износить.

Разговаривал он медленно и безупречно правильно. Невидимые и неслышимые шестеренки в его голове тщательно подбирали слова. Не знаю, какие тут могли быть конфликты... Директора почти никто не успевал ни увидеть, ни понять. Кофмана – просто понять. В первом случае нужна была нечеловеческая реакция, во втором – нечеловеческая выдержка. Кофман пожал мне руку с твердостью пуховой подушки. К тому моменту, как он умудрился закончить предложение, я благополучно забыл, с чего он его начал.

Последний член команды – Ренат. Человек-гора, по совместительству – сисадмин. Все, что касается технического обеспечения, на нем, и все это работает идеально. Впервые мой компьютер пашет с такой скоростью. Вероятно, каждый жалкий процессор в офисе понимает, что, если он даст сбой – попадет в лапы Рената. Этой информацией владеют и винчестеры, и видеокарты, и распоследний блок питания. Ни одного вируса. Никакого спама. Вероятно, все дело в росте Рената – два метра. Столько же в плечах. И повадки, которые скорее подошли бы вышибале. Я хорошо понимаю нашу технику. Ренат – угроза. Прямая угроза любому, кто окажется в пределах его видимости. По крайней мере, так это выглядит. Голова у Рената переходит в плечи где-то на сантиметр ниже ушей, и есть у меня подозрение, что это у него с самого рождения.

Кроме своих обязанностей сисадмина, Ренат ухаживает за нашим фикусом в девять метров высотой. Это тот случай, когда они смотрятся гармонично. Человек-чудовище рядом с деревом из кошмарного сна.

Присутствие кактуса-переростка чувствуется постоянно. Кажется, будто он всегда двигается. Понимаю, что это не так, но шея уже привычно болит – все время пытаюсь незаметно обернуться и глянуть. Правда, где-то через неделю стало легче. То ли я привык, то ли Бурхаи оставил меня в покое. Хотя есть еще одна версия – устал я. К тому же замучили проблемы со временем. Не то чтобы его не хватало. Просто у времени были свои расклады, а у меня свои.

«Объединенные системы» работали здорово, и никакой сверхъестественной ротации кадров я не заметил. Была команда из четырех учредителей, и весь остальной офис, включая меня. Все ключевые вопросы решала команда. Функции остальных сводились к подготовке полуфабрикатов: анализ, рекомендации, координация. Было одно отличие от тех компаний, где

мне довелось работать раньше. Платили вовремя и столько, сколько положено. Первый раз, конечно, ощущаешь какую-то неловкость, но быстро привыкаешь.

* * *

Первое заявление об уходе появилось в понедельник. В шесть часов вечера. Я был удивлен. Не тем, что оно появилось, а тем, что вместе с ним не появилось уголовное дело. Понедельник начинался как обычно – трудно. Где-то через час после этого трудного начала Лена, помощница бухгалтера, преодолела входные двери и уже была в нескольких метрах от своего рабочего места на втором этаже. На ее беду в это же время с третьего этажа, этажа команды, спускался директор Георгий Васильевич. Он повернул свою голову слева направо, охватил взглядом весь офис и заметил опоздавшую. Что он сказал, как обычно осталось тайной, но Хана перевела:

– Лена, подойдите, – сказано было холодно и жестко. К тому моменту, как Лена дошла до директора, ноги ее перестали гнуться, а сердце колотилось прямо в голове, запросто добравшись туда из грудной клетки.

Вероятно, это что-то из обычаев тех мест, откуда прибыл директор. Лена еще ждала, что ей скажут, а Георгий Васильевич с Ханой уже взялись за дело.

В «Объединенных системах» – хорошая мебель. Стол, на котором директор с Ханой распяли Лену, ни разу не скрипнул. Лена не кричала – она странно громко охала, пока Георгий Васильевич совершал возвратно-поступательные движения со все нарастающей частотой. Охи кончились громогласным ахом. Директор что-то прокричал, Хана перевела:

– Никто не должен опаздывать. Никогда.

Лена подтвердила сказанное шумным вздохом и через восемь часов заявлением об уходе. Теперь она будет опаздывать по другому адресу.

В среду заявлений было три. Этого можно было ожидать. В конце концов, не каждый согласится работать в компании, в которой директор – насильник. Оказалось, люди хуже, чем принято считать. Акт на столе не прошел незамеченным, но, кажется, только добавил энтузиазма. Впервые на моей памяти, мало того что никто не опоздал – за десять минут до начала рабочего дня все были на местах. Страшно подумать, каких высот могла бы достичь пунктуальность в стране, если бы в каждой фирме боссы проявляли подобную сексуальную активность. Но больше всего меня напугало то, что я – прибыл в офис на полчаса раньше. И проснулся без будильника.

В очередных трех увольнениях были виноваты плоды Бурхаи. Орешков, которые разбрасывает наше чудо-дерево, всегда особенно много на первом этаже – рядом с кадкой. Больше всего они похожи на сильно пожеванные горошины. С четырех до шести вечера колени пятерых сотрудников убеждались в том, что, несмотря на пожеванность – горошины тверды и способны сообщать болезненные ощущения нижним конечностям бесконечно долго.

Эти же пятеро сотрудников отдела продаж в без пяти минут три беспечно пинали эти самые горошины. В три часа началась планерка. К ее окончанию уже было понятно, что дело пахнет керосином. Отдел продаж всерьез задумался о невероятном стечении обстоятельств, которое должно произойти, чтобы получить квартальную премию. Слово взял Кофман. Он предложил выбор: либо премию – долой, либо два часа на горохе. Отдел выбрал горох. Кофман говорил, как обычно, медленно – но желания спать не было. Было желание проснуться, потому что пятеро взрослых мужиков, стоявших на коленках, – такое возможно только во сне.

На следующий день трое из пятерых уволились. Что-то мне подсказывало: кого бы ни взяли

на их место – отдел продаж будет работать с большим энтузиазмом и вовсе не из-за премий.

В пятницу в офисе стало неожиданно просторно. Так бывает, если помещение рассчитано человек на сто, а в нем остается – мало. Мало – это десять. Требования учредителей компании к корпоративному духу сотрудников оказались сильно завышенными. Я тоже не люблю воров. Но обычно рад, если вдруг удастся просто вернуть утраченное. Ренат считает иначе. Считает громко и четко до ста семидесяти восьми. Ни разу не сбился.

Начальник отдела рекламы получил сто семьдесят восемь ударов сетевым кабелем в честь ста семидесяти восьми тысяч рублей, украденных у компании. Бил Ренат не сильно. Бил бы сильно – был бы труп. Одна сотрудница упала в обморок. Это было в четверг. В пятницу на работу вышло всего десять человек, в том числе начальник отдела рекламы и потерявшая сознание барышня. С ужасом я вспомнил о том, как в первый день своей работы в «Объединенных системах» унес домой ручку. На всякий случай оставил на столе свой «Паркер» – в качестве компенсации. Бог с ним, что он с золотым пером, целостность кожного покрова и нервной системы – дороже.

Я лихорадочно припоминал – не унес ли я из офиса случайно еще чего, когда раздался выстрел.

То что из-за Ханы до сих пор никого не убили, можно было объяснить исключительно тем, что коллектив слишком часто обновлялся. Все-таки, прежде чем кого-то убить, нужно немного времени, чтобы решить, кого именно и каким образом. За что? Если бы Хана находилась в точке, равноудаленной от всех мужчин офиса, – было бы не за что. Увы, она передвигалась. То есть я поверил бы, если бы кого-то убили из-за Ханы. Но кто же мог догадаться, что в этот день она передвигалась не для того, чтобы увеличить средний по офису уровень тестостерона, а выбирая лучшее место для прицеливания?

У земляков Кости своеобразные взгляды на рукоприкладство. Удар шнуром по причинному месту – нормально, пощечина – смертельное оскорбление. Георгий Васильевич впервые на моей памяти сбавил скорость – падал он медленно и величаво, с грацией чайного клипера, гибнущего в шторм... Хана смыла оскорбление первой же пулей. Не стоило директору так остро реагировать на нерасторопность референтки.

Я не стал дожидаться развития событий. Вовремя уйти с линии огня – не трусость. Я – не детектив и спецгент. Я – специалист по информации. Когда по офису летают пули, возникает жесткая необходимость в касках, бронежилетах и запасном выходе. Специалисты по информации – уходят, приходят суровые ребята в камуфляже.

* * *

С момента убийства Директора прошло три дня. Уж не знаю, как это удалось «Объединенным системам», но пресса молчала. На мой корпоративный адрес пришло предупреждение о возможности увольнения, если я не появлюсь в ближайшее время и не представлю уважительную причину моего отсутствия. Письмо было подписано Ханой. Следовательно, она, в силу каких-то неведомых мне обстоятельств, до сих пор не коротала дни в федеральной тюрьме.

Костя меня ждал. Судя по его виду, события в «Объединенных системах» не были для него тайной. Впервые нас многое объединяло. Эту ночь мы провели вдалеке друг от друга, но по схожему сценарию. Методика была отточена: виски + много виски + еще виски – выпить быстро.

Константин был сильно расстроен. Последний раз я его видел в таком состоянии на следующий день после смерти супруги, и дело было вовсе не в том, что она покинула этот мир не по расписанию. Проблема была в завещании. В том, что оно имелось. Недвижимость, более чем приличная сумма на банковском счету и коллекция автомобилей экзотических марок. Все ушло благотворительным фондам. Тогда Костя месяц пил и встречал каждую ночь с новой женщиной. Трудно сказать, что ему надоело раньше, но через месяц он завязал и с тем и с другим, и постепенно начал отстраивать ту развалину, в которую превратился.

– Что тебе удалось узнать?

– Ничего, что не вписывалось бы в работу команды насильников, садистов и, как оказалось, убийц.

– Марк, насколько все это безнадежно?

Безнадежно? Это было немного не то слово. Дырка в голове – это нечто большее, нежели просто безнадежно. Хотя... Было одно обстоятельство, которое я не хотел замечать. Потому что, если это – правда, мне придется несколько изменить мнение о породе «человек цивилизованный».

После изнасилования дисциплина в компании стала великолепной, и, кроме жертвы, – ни один сотрудник и не думал увольняться. Что же касается девушки Лены – судя по тому, что люди с красными корочками до сих не постучали в нашу дверь, чтобы опросить ораву свидетелей, младший бухгалтер получила такую компенсацию, что та позволила ей надолго завязать с унылой повинностью ежедневного труда.

Эффективность, с которой заработал отдел продаж после эксперимента с горохом, думаю, окупила все минусы, включая тот факт, что сотрудников в отделе стало в два с половиной раза меньше...

Использование сетевого шнура в качестве инструмента по борьбе с воровством, вероятно, было перегибом. Скорее даже не потому, что телесные наказания вышли из моды. Думаю, соль в том, что воровать у компании – не кажется согражданам таким уж грехом. Вот если бы рекламщик вынул кошелек у одного из сотрудников, можно было бы проводить конкурс – кто ударит сильнее. Так или иначе – десять человек сознательно решили остаться в конторе, где практиковались методики, не описанные ни в одной умной, обычно американской бизнес-книжке. И эти десять человек совершенно точно готовы были не опаздывать, не воровать и работать эффективно.

– Костя... есть одна проблема. Небольшой предмет цилиндрической формы вошел в череп Георгия Васильевича с одной стороны, а вышел с другой.

Константин внимательно посмотрел на меня, будто я только что сообщил ему о шарообразной форме Земли... и эта мысль оказалась для него новой.

– Если на секундочку предположить, что Хана не выстрелила бы в Гошу, – ты бы смог решить вопрос кадров?

Я могу на секундочку предположить, что динозавры до сих пор не вымерли. Мало ли отвратительных тварей встречается в жизни. На секундочку предположить я могу почти что все... Но то, что я сказал Косте, вырвалось само, то есть сорвавшееся с моего языка не имело никакой связи с работой моего же головного мозга:

– Конечно. Еще не знаю как, но смог бы.

* * *

От офиса Кости до «Объединенных систем» можно было доехать минут за пять. Мы

добрались за три. Я бы предпочел ехать часов восемь, чтобы ночь сменилась уверенным днем, город наполнился людьми, милицией и возможностью поставить крест на затее Кости. С собой он взял меня и чемодан с инструментами. Думаю, свободы воли у чемодана было больше.

Офис встретил нас послушно распахнувшимися дверями, стоило мне прижать свою карточку к валидатору. К своему ужасу, я почувствовал приступ ностальгии. Я успел привязаться к этой конторе. Успел соскучиться по ней за те три дня, что меня здесь не было.

Двери третьего этажа уступили под натиском моей карточки так же безропотно. Свет был выключен, но в городе, да еще в здании, где нет внутренних стен, зато полным-полно окон, – совершенно темно не бывает. Постепенно мои глаза привыкали и видели все лучше, зато соображал я по мере прояснения картинки труднее и труднее. Мне очень хотелось верить, что я имею дело со стульями и вешалками с одеждой, пытающимися притвориться людьми... У меня не получалось. Это были люди, застывшие в позах, совершенно не приспособленных к застыванию.

Три члена команды расположились вокруг Бурхаи. Хана, казалось, медитировала, сидя в позе лотоса. Точнее, это была бы поза лотоса, если бы ее пятую точку и пол не разделяло по меньшей мере полметра и никаких признаков фокусов с зеркалами.

Ренат прижался к дереву так плотно, что, казалось, врос в него. Прижимался он головой, и там, где должна была располагаться выпуклость, я ничего не находил. Вероятно, он засунул голову в дупло, и что-то его там сильно заинтересовало. Я старательно отгонял от себя мысль, что на самом деле у Рената уже нет головы.

Кофман стоял как бы опираясь о дерево. Только между ним и Бурхаи было метра два. Как можно сохранять равновесие в такой позе, не будучи китайским гимнастом, сие есть тайна великая.

Костя, минуту назад оставивший меня в одиночестве наблюдать за скульптурной группой, нашел, наконец, выключатель. Есть вещи, которые должны оставаться вдалеке от электричества.

Хана не висела в воздухе, и Кофман не был акробатом. В зале было только два человека – я и Костя. То, что я принял за членов команды, было отростками Бурхаи – отростками, отличавшимися от людей тем, что все трое произрастали, а не жили. Дерево-монстр, воспользовавшись случаем, проросло в плоть и теперь не торопясь переваривало жертв. Интересно, если отпилить кусок Ханы, у нее можно посчитать годовые кольца?

– Марк, не отвлекайся! У них так всегда после кризиса...

Вероятно, сейчас я закрою глаза, открою глаза и обнаружу, что мне все это привиделось. Так я и сделал. К пейзажу добавился Костя и его чемодан. Чемодан открылся, обнаружив свое содержимое. Я никогда не видел топоров, содержащихся в таких условиях. Костя натянул перчатки и только после этого решился вынуть инструмент из чехла. Топор был прекрасен. Если мне суждено погибнуть на плахе, пусть у палача в руках будет этот шедевр.

– Подержи!

Несколько дней назад я бы мог только мечтать об этой команде. Держать надо было Хану. На ощупь она была... Зачем Костя включил свет?!

У Кости, по-видимому, имелся большой опыт дровосека. На «отруб» Ханы у него ушло два точных движения. Кофман был отделен одним движением. Сложнее получилось с Ренатом. Перед тем как приступить непосредственно к отсековению, пришлось повозиться с тем, чтобы голова Рената не осталась внутри Бурхаи. Ветка торчала прямо у него из макушки. Если бы не состояние полной апатии – быть бы моему ужину вдалеке от моего желудка.

Пока я оттаскивал бывшие отростки в жилую часть этажа, Костя продолжал орудовать топором. Не знаю, что он там выстругивал, я был занят. Я искал признаки того, что еще несколько минут назад мои подопечные были частью целого. Их не было.

– Марк! Сюда!

Вообще-то помощь была нужна мне. Если Ренат и перестал быть частью дерева, это не значит, что он весил меньше здоровенной колоды. Впрочем, Косте тоже было от чего устать. Дыра, которую он прорубил в Бурхаи, могла бы стать памятником деревянного зодчества, если не по изысканности формы, то уж из-за размеров – наверняка.

– Нужно вытащить одним движением, ты готов?

Я не был готов, но хотел покончить с этим делом поскорее. Внутри Дерева в позе зародыша нас ждал Георгий Васильевич собственной персоной. Короткая стрижка его не портила. В отличие от остальных, он был покрыт чем-то липким. Наверное, смолой... Его череп был цел. Практически как новый.

* * *

На этот раз Костя приехал ко мне в офис. Ко мне – это в «Объединенные системы». Фактически я уже закончил то, ради чего меня нанимали, и пусть платили здесь хорошо и с учредителями я теперь был знаком более чем близко, но... хорошо то, что кончается. И дело не в том, что я не оценил перехода из состояния «Где взять деньги?» в состояние «Куда девать эти бабки?». Просто я впечатлительный, и иногда мне кажется, что если еще пару недель я посижу на этом стуле, за этим столом, на этом этаже... То в один прекрасный день обнаружу, что стал всего лишь отростком большого кактуса в золотой кадке. К тому же у меня было предчувствие...

Константин уже минут пять стоял ожидая, когда я перестану делать вид, что не способен заметить этого мастера топора. Еще минут пять до этого он пытался меня найти. Когда вокруг несколько десятков человек что-то прикручивают, прилаживают, тянут бесконечные провода и время от времени роняют что-то дорогое и бьющееся... пять минут – это быстро.

– Марк?

Рано. Пусть еще потопчетя.

– Не мешает?

– Что не мешает?

– Камень за пазухой не давит на внутренние органы?

– Давит. – Камень давил, и его давление не могла унять даже такая приятная мелочь, как неожиданный размер моего счета в банке.

– Костя, мне казалось, что «не местный» – это несколько более приземленно...

Константин вздохнул. Вздох его, вероятно, обладал мощным распугивающим действием. Внезапно этаж опустел, словно каждый сотрудник почувствовал крайнюю необходимость именно сейчас покурить, отлить, срочно попасть на прием к начальству – что угодно, только чтобы оказаться не здесь.

– Ты все видел. Тебе все сказали. Просто иногда нужно понимать буквально. Не местные мы. Поезда туда не ходят, и на самолете не долететь. Материнское дерево – это и есть Материнское дерево. Оно позаботится – о ранах, быть может на первый взгляд смертельных или о ранах душевных... Но это лишь дерево. А у каждого дерева должен быть садовник...

– А у садовника должен быть топор... Угадать, Костя, зачем ты сюда пришел?

– Угадывать – не надо. Останешься?

– Прости, Костя, – ухожу.

Нет ни одной настоящей причины, почему я уходил. Но у меня действительно было предчувствие.

Оборудование, заказанное мною: несколько сотен камер, микрофонов и тысяч соединений, – устанавливали почти неделю. Еще неделя ушла на всевозможные отладки. А еще через месяц проблема кадров в «Объединенных системах» была решена. Не то чтобы мне удалось решить вопрос текучки... Просто теперь текучка не казалась чем-то угрожающим. По количеству кандидатов на место мы проигрывали ВГИКу, но обгоняли МГУ.

Вероятно, из-за острого приступа жадности Костя выплатил мне еще одну премию – в обмен на отказ от авторских прав на проект. Проект, напрочь лишивший компанию кадровых проблем, я назвал простенько и со вкусом – «Командный дух». Не верю, что вы не видели: «Каждый день на канале СТВ – единственное реалити-шоу про жизнь офиса». Рейтинги зашкаливают. Этажи без стен для телевидения – лучше не придумаешь. Думаю, если Хана снова решит кого-то убить, она сможет объявить конкурс среди желающих стать жертвой звезды.

Чувство счастья от того, что будильник не нужен и что все равно – суббота или понедельник... еще не успело притупиться, когда почтовый ящик начал наполняться предложениями от потенциальных клиентов. Борьба с угрозой нашествия денежных знаков шла с переменным успехом. Лень и жадность с трудом пытались выявить сильнейшего, а поле битвы утешало себя спиртным, и вдруг мое предчувствие обрело плоть...

Молния, прорезавшая воздух моего двора, обошлась без грома. Зато теперь между соседскими автомобилями висела огромная маслянистая капля. В последний раз я ее видел, когда Элли бросила меня, в знак прощания сделав круг над домом.

Я не дождался звонка, стука в дверь или вежливого покашливания. Элли просто материализовалась у меня на коленях, как будто никуда не улетала.

– Соскучился?

Через несколько минут она снова улетит, но на этот раз в экипаже космической яхты найдется место для специалиста по информации. Я действительно соскучился.

Сегодня она не маскировалась, зачем? Несмотря на лиловый оттенок кожи, довольно сильно выпирающие клыки, остроконечные уши с кисточками а-ля рысь, она была мне милее любой женщины этой планеты. И дело даже не в том, что мы земляки.

Денис Чекалов

Я хочу похудеть

Питер Кэнди нерешительно остановился возле вывески. Яркие, завораживающие буквы гласили:

СТАНЬ СТРОЙНЫМ СЕЙЧАС

Слова подкреплялись портретом высокого атлета, который улыбался так зажигательно, словно рекламировал заодно и зубную пасту.

Питер понимал, что похудание не сделает его похожим на мускулистого красавца, изображенного на фотографии. И все же смотреть на веселого плейбоя и думать, что сам станешь таким, было приятно.

Потом Кэнди перевел взгляд на свои руки. Пальцы были толстыми, словно сардельки. Живот выпирал так сильно, что давно пришлось отказаться от ремня.

Он вспомнил, каким стройным и красивым был в школе. Вновь ощутил легкое, досадное удивление, когда, чистя зубы, однажды почувствовал появление небольшого брюшка. Тогда казалось, что избавиться от полноты просто, – всего лишь поменьше есть и больше двигаться.

Питер следил за собой, ел мало, много гулял, а потом снова срывался и уминал по четыре пачки печенья за вечерним телесериалом.

«Нельзя же оставлять мозг без питания, – виновато говорил он сам себе. – Лучше чуть-чуть потолстеть, чем сжечь нервную систему».

И вот теперь он стоял, толстый, словно раскормленный бегемот, и с мучительной тоской глядел на стройного красавца, которым мог бы стать сам.

СТАНЬ СТРОЙНЫМ СЕЙЧАС

А почему бы и нет? «Я просто зайду спросить», – решил он. Когда Питер толкнул прозрачную дверь, его снова охватила нерешительность, но было уже поздно.

Он представил себе, как глупо будет выглядеть, если сейчас развернется и уйдет. После такого позора у него уже не хватит смелости вернуться сюда. Поэтому он вошел.

Его охватили холодные объятия кондиционера. Рядом, словно принесенный свежим ветерком, появился менеджер.

– Добро пожаловать в «Стройность», – произнес он. – Я Стив Резерфорд. Хотите посмотреть наши проспекты?

Питер топтался посреди холла, чувствуя себя неловким и неуклюжим – словно взрослый даун, забравшийся в детскую песочницу.

Глянцевая реклама скользнула ему в руку.

– Это безопасно? – спросил он.

– Абсолютно, – заверил Резерфорд. – У нас двести шестнадцать отделений по всей стране. И ни разу – ни разу! – не возникло никаких проблем.

Питер открыл проспект. В основном тот состоял из фотографий. Три стройные девушки играют в мяч на пляже. Парень легко идет по тропинке, перекинув пиджак через плечо.

Кэнди смотрел на эти снимки, как маленький ребенок листает книжку со сказками. На этих

страницах он видел волшебный, прекрасный мир, в который так хотел попасть, – мир худых.

Только теперь он понял, как сильно желает этого.

– Это больно? – чуть слышно спросил он.

– Ничуть! – Голос Резерфорда был мягок, но в то же время полон уверенности. – Вы даже ничего не почувствуете.

Питер еще помусолил проспект.

– Я вот не очень понял, – произнес он. – Это что, вроде липосакции?

– Липосакция осталась в далеком прошлом, – сказал менеджер. – Наша технология совсем иная – быстрая, надежная, даже приятная.

Взгляд Питера устремился к дальней двери с надписью: «Войди и стань стройным!» Потом он глянул на выход. «Зайду через неделю, а пока подумаю», – решил Кэнди.

– Пойдемте? – предложил Резерфорд.

Сердце Питера ухнуло, и он вдруг до боли ярко представил себя стройным, мускулистым и красивым.

– Конечно, – ответил он, позволяя менеджеру увлечь себя вглубь салона.

Через час с небольшим Питер Кэнди разглядывал себя в зеркало – со смешанным чувством восторга и недоверия.

– Неужели это я? – бормотал он, проводя пальцами по щекам – и не узнавая ни тех ни других.

– Прекрасно выглядите, мистер Кэнди! – вкрадчиво произнес Резерфорд. – Возьмите эту карточку – подарок от фирмы. Покажите ее в магазине «Смайтерс» и получите скидку на любую одежду и обувь. Думаю, вам захочется обновить свой гардероб... Вызвать такси?

Потом менеджер долго стоял в дверях салона, наблюдая за отъезжающей машиной и приветливо улыбаясь. Питер несколько раз оглянулся и даже махнул рукой, как маленький мальчик.

Резерфорд зевнул, бросил взгляд на часы и неторопливо вошел в салон. Опустил жалюзи – пора было закрывать. Из боковой двери вышел его помощник, на ходу просматривая бумаги.

– Удачный день, патрон, – сказал он. – Можно будет открыть еще пять салонов в Луизиане и три в Массачусетсе. Многие приходят к нам по второму, третьему разу.

– Нет смысла сдерживать себя, когда похудеть так просто, – заметил Резерфорд. – К счастью, и нам с тобой можно больше не притворяться.

Его голова стала расти, покрываясь длинной голубой шерстью. Глаза разошлись в стороны, освобождая место для третьего.

– Человеческий облик забавен, но со временем начинает сильно докучать, – бросил Резерфорд.

С помощником произошло такое же превращение. Почесав длинным, изогнутым когтем перепончатые уши, он произнес:

– Корабль-челнок готов к отправке. Прикажете грузить человеческую ворвань?

– Конечно.

Резерфорд усмехнулся:

– Знаешь, я работал на многих планетах. Но лишь здесь скот так послушен и глуп, что сам приходит в наши мясные лавки – и потом снова бежит откармливаться. Только представь себе: эти военные сперва хотели их завоевывать!

Примечания

dk ty afk – в интернет-играх принято использовать ряд сокращений. Данная фраза означает: «Я не знаю. Спасибо. Я отойду ненадолго от компьютера».

Стихотворение Ли Пу в переводе Бориса Мещерякова.

Посмотрите, пожалуйста, на этот экспонат. Это Человек Испуганный (англ.).

Каждый из них становится Человеком Испуганным, когда видит нас (англ.).

Когда мне исполнится семьсот лет, я стану человеком (англ.).